

М.А. Стернина

To Be **C**ontinued

ИЛИ

Продолжение

следует

М.А. Стернина

To Be **C**ontinued

ИЛИ

**Продолжение
следует**

Воронеж 2014

C79

Стернина М.А. *To Be Continued или Продолжение следует.* – Воронеж: Истоки, 2014. – 138 с.

C79

Предлагаемое издание представляет собой юбилейные заметки доктора филологических наук, профессора, зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета М.А. Стерниной.

Для всех, интересующихся вопросами высшего образования и историей Воронежского государственного университета.

© М.А. Стернина
© Издательство «Истоки», 2014

Вместо предисловия

Предлагаемые заметки – не мемуары (мемуары люди пишут в более зрелом возрасте), это промежуточные итоги, которые по советской традиции (а я, несомненно, продукт советской эпохи), принято подводить в юбилей.

В этих заметках мне хочется поделиться своими мыслями и опытом с друзьями, коллегами, учениками, вспомнить интересные моменты жизни, рассказать о наших с братом замечательных родителях, о других ярких личностях, с которыми довелось познакомиться и которые оказали на меня большое влияние, о друзьях и учениках, которые играют важную роль в моей жизни, о тех делах, которые мне на данный момент удалось сделать и о борьбе за очевидное, которую приходилось и приходится вести.

Надеюсь, что мои заметки будут не безынтересны читателям. А посвятить их я хочу памяти наших родителей – *Абрама Осиповича и Любови Михайловны Стерниных*.

Семья

Нам с Иосифом несказанно повезло – у нас были замечательные родители: умные, веселые, заботливые, любящие друг друга и нас. Я не помню, чтобы папа с мамой когда-нибудь ругались, все важные решения они всегда принимали вместе, и покупали что-либо только, если обоим это понравилось. Они все делали для нашей семьи, для нас, своих детей.

Папа активно занимался наукой, преподавал в вузе, работал в обществе «Знание», читал лекции на предприятиях, вел разнообразную общественную работу. И при этом всегда находил время на общение с семьей и детьми.

С самого раннего детства мы знали, что в выходные обязательно будем гулять с папой, причем по отдельности – в воскресенье он ходил гулять с братом, в субботу – со мной, или наоборот. Мы гуляли по несколько часов, при этом папа все время со мной разговаривал – удивляюсь, как только он находил темы для общения с маленьким ребенком. Я очень любила такие прогулки, мы называли их по папиной инициативе «КГГ» - это расшифровалось так: *куда глаза глядят*. И мы, действительно, выходили из дома и шли в любую сторону – куда в тот день глядели наши глаза. В процессе прогулки обязательно перекусывали либо тем, что давала нам с собой мама, либо пили кофе с булочкой с изюмом, которые покупали в кафе. Таков был ритуал.

Часто у нас были дни, когда мы всей семьей ходили куда-нибудь на целый день – это были настоящие семейные праздники, папа при этом отвечал за организацию данного мероприятия, а мама – за хозяйственное сопровождение (еду, одежду).

На всю жизнь я запомнила март 1961 года – у папы была стажировка в Москве, и он взял меня с собой. Мы жили у бабушки в Подмосковье, во второй половине дня папа занимался научной работой, а в первой мы с ним строили снежную крепость. За две недели мы построили огромную крепость с башнями и даже водрузили на ней флажок, за которым бабушка специально ездила в «Детский мир».

Наши детские дела были для папы всегда очень важны. Какой-то год в Ярославле нельзя было достать елку, и папа с братом принесли ее пешком по льду через Волгу. А из процесса наряжения елки папа (долгое время это была наша с ним обязанность) всегда делал настоящий ритуал – мы не просто развешивали игрушки, а продумывали, куда какую повесить, чтобы елка (в Ярославле, где мы жили первые 10 лет моей жизни, это были настоящие елки) получилась красивой. Помню, как один год мы все игрушки, имитировавшие фрукты (эти в основном ватные игрушки живы

у меня до сих пор) повесили на одну ветку, и у нас получилась фруктовая ветка с разнообразными фруктами.

Когда мне должно было исполниться 10 лет, родители обещали подарить мне на день рождения большую куклу – последнюю. В Воронеже достать такую по тем временам было проблематично, и папа купил мне ее в Москве. Он там был перед моим днем рождения ограниченное время, у него было много дел, но он запланировал покупку для меня куклы и купил ее.

Сколько я помню родителей – они всегда работали: мама обеспечивала семейный быт, который всегда был образцово налажен при достаточно скромном семейном бюджете (мама была экономистом по образованию и папа всегда шутил, что очень выгодно иметь в семье своего экономиста), а сам папа большей частью вспоминается мне с ручкой или книгой, либо с тем и другим. Говоря современным языком, его можно назвать трудоголиком. Когда мы выезжали летом на дачу под Ярославлем и устраивали там «зеленые» дни, уходя всей семьей на целый день в лес, у папы обязательно был в лесу пенек на полянке, где он занимался – мы называли это место «зеленый кабинет». Папа занимался научной работой и писал статьи до самого преклонного возраста. Будучи на пенсии, он выпустил очередное издание своей книги «В помощь изучающим работу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», написал целый ряд других работ, ярко демонстрируя тот факт, что научный работник не может просто уйти на пенсию.

Кстати, папе, привыкшему всю жизнь работать (он начал свою трудовую деятельность еще в подростковом возрасте) решение уйти на пенсию далось нелегко. Мы с Иосифом хорошо помним, как долго папа сомневался, уходить на пенсию, или нет. А недавно я нашла написанное им в апреле 1976 г., в канун ухода на пенсию стихотворение:

*У меня грусть и минор.
Я ухожу на пенсию.
Скоро, наверное, спою
Свою последнюю песню я.*

*А, может быть, и НЕ СКОРО!
Есть еще в жилах порох!
Есть в голове знание!
Есть работать желание!*

*Мы еще поработаем,
Преодолеем заботу,
Для коммуниста пенсия –
Лишь переход на новую работу!*

После написания этих строк папа прожил еще чуть более четверти века, и все это время, вплоть до своей кончины в октябре 2001 года активно участвовал в общественной жизни, много читал, писал и публиковался.

Всю жизнь папа занимался общественной работой. Он в двадцатые годы был в первом пионерском отряде в Москве, работал вожатым, а, работая учителем в школе, организовывал литературные кружки, которые были известны далеко за пределами школы и города. В вузе он также всегда вел студенческие кружки по своему предмету. Когда в 1968 году мы, наконец, получили отдельную квартиру в новом доме, который был построен Министерством образования для работников вузов, папу избрали председателем домсовета. Он умело наладил работу, регулярно проводил собрания ответственных по подъездам, организовал озеленение дворовой территории. Те деревья, которые сейчас окружают наш дом, обязаны своим появлением организаторским усилиям нашего папы.

К счастью, и я, и брат переняли у папы организаторские способности и любовь к общественной работе – мы многое можем организовать и сделать, и в этом заслуга нашего отца.

Во всех ответственных моментах нашей жизни папа был рядом с нами. Они с мамой выбрали нам школу с углубленным изучением английского языка и тем самым определили нашу судьбу. Когда мы переехали в Воронеж и выяснилось, что школа, в которую пошел брат, намного слабее по преподаванию английского, чем та, в которой мы учились в Ярославле, да к тому же, в год окончания школы Иосифом должно было быть два выпуска школьников – 10 и 11 классы одновременно, папа узнал о существовании заочной школы, которую можно было закончить экстерном, и перевел брата туда.

После окончания университета Иосиф поступил в заочную аспирантуру в Институт языкознания Академии Наук. Отсрочка от армии ему не полагалась, и папа приложил максимум усилий, чтобы брат мог спокойно написать диссертацию. Ходил в военкомат и говорил: «Ну дайте ему возможность защитить диссертацию! Он обязательно пойдет служить, но дайте ему возможность защититься!» Когда Иосик защитился (за 2,5 года вместо четырех, положенных в заочной аспирантуре), в военкомате почему-то решили еще на полгода отложить его призыв. И папа пошел к военному просить, чтобы взяли в этом году, не откладывали больше. Рассказывал, как военком поразился: «Все ходят, просят не брать. А вы просите взять в армию!» И на следующий же день Иосик уже поехал служить.

А когда Иосиф отслужил и вернулся домой, папа написал благодарственное письмо военному следующего содержания:

*Облвоенкому Воронежской области
Генералу-майору С.П. Гришанову*

Уважаемый Сергей Петрович!

В ноябре прошлого 1973 года я обратился к Вам с просьбой в связи с призывом в армию моего сына Стернина И.А., учителя с высшим образованием, кандидата наук. Мой сын был настроен и готов служить; между тем команду призывников, в которую он был зачислен Железнодорожным военкоматом, расформировали, и призывники были отпущены до мая 1974 г. Вы пошли навстречу моей просьбе, и сын был отправлен в ноябре 1973 г. в Советскую Армию, в войска связи ВВС.

Сейчас он отслужил свой срок и приступил к научной работе. В армии сын был отличником боевой и политической подготовки, вел активную общественную работу, был избран заместителем секретаря комитета ВЛКСМ части, награжден четырьмя грамотами, имеет ряд благодарностей, принят кандидатом в члены КПСС, занесен в Книгу Почета части 65239, в которой служил. Ваше доверие и внимание он оправдал. Я как отец очень благодарен Вам за чуткое отношение к моей просьбе.

С уважением,

*А.О. Стернин
доцент кафедры истории КПСС и философии
Воронежского лесотехнического института,
кандидат философских наук
21 ноября 1974 г.*

Со мной папа много занимался. В детстве он учил меня читать, когда я была в 7-м классе, он в лесу давал мне уроки логики. Я до сих пор помню определение понятия, которое мы выучили в лесу и, когда мне приходится объяснять его студентам, всегда мысленно говорю спасибо своему папе. Папа готовил меня и в университет – мы занимались с ним русским языком, литературой и историей. Эти наши занятия мне очень много дали. Многие родители-педагоги жалуются, что не могут заниматься со своими детьми, у нас же папой никаких проблем в связи с этим никогда не было.

Когда в 1973 году я оформлялась на поездку по туристической путевке в Англию (это по тем временам была целая эпопея), папа принимал во всем непосредственное участие: уговорил глазного врача не отводить меня по причине моего косоглазия, готовил меня к прохождению всех многочисленных комиссий, ездил со мной на такси платить за путевку.

Когда я после окончания университета поехала работать по распределению в среднюю школу г. Павловска, папа ездил со мной посмотреть место моей будущей работы, купил мне будильник, сказав «Папа тебя будет там будить» (этот папин подарок жив у меня до сих пор). Папа приезжал ко мне в Павловск, ходил на мои уроки, давал мне советы.

Папа регулярно писал мне в Павловск, при этом нумеровал письма, чтобы можно было проследить, все ли дошли. После моего возвращения папа помог мне устроиться на работу, а когда, уже после защиты кандидатской диссертации я не могла перейти на преподавательскую работу из-за пресловутой «борьбы с родственниками», которая развернулась тогда в университете (а у меня там уже работал брат), принял самое деятельное участие в моем трудоустройстве.

Мы с братом научились у нашего папы ответственному отношению к любому делу, за которое мы беремся. Будучи пятиклассницей, я по поручению папы ездила к нему в лесотехнический институт или Дом политпросвещения с различными поручениями – отвозила и забирала для него статьи, документы, отчеты. Передавая со мной материалы для своего коллеги В.Н. Урывского, папа называл меня в сопроводительной записке «ответственным человеком», и это была для меня лучшая похвала.

Папа имел хорошие журналистские способности – с детства печатался в журналах и газетах, в молодости работал корреспондентом ряда Центральных газет, в Ярославле был редактором институтской многотиражки. Мы с братом тоже много пишем и печатаемся. В свое время оба много писали для газеты «Воронежский университет», сейчас Иосиф ведет еженедельную радиопередачу «Территория слова», стал членом союза журналистов, лауреатом областной премии по журналистике, я уже много лет выпускаю студенческую газету на английском языке, являюсь редактором Бюллетеня Национального Объединения преподавателей английского языка России. Все это благодаря нашему папе, который был первым нашим учителем и редактором на журналистском поприще. Отец научил меня и редактировать чужие тексты – первый мой путь по редактированию сборника «Организация приема в вузы» мы прошли с ним совместно.

Именно папа подвиг меня на написание докторской. Он очень гордился, что у него сын профессор, и хотел, чтобы я тоже стала профессором. Когда я начала писать диссертацию, он написал на листочке бумаги «Тише, докторская!» и прикрепил ее на дверь моей комнаты. Этот листочек, написанный папой, хранится у меня до сих пор.

Отец навсегда остался для нас с братом жизненным примером. Он никогда не шел на сделки с совестью, всегда проявлял принципиальность и решительно боролся с несправедливостью. Приведу только один пример. В начале 60-х годов в Ярославском пединституте имени Ушинского, где работал отец, сложилась весьма неблагоприятная обстановка: вновь назначенное руководство начало травить ряд ведущих ученых. В результате проф. Рогинскому пришлось уехать из Ярославля и переехать в Рязань, а проф. Л.Б. Генкину (кстати, Почетному гражданину г. Ярославля) – в Воронеж. К папе особенно не придирались, но он горячо встал на защиту правого дела, и когда из Москвы приехала комиссия разбираться с

ситуацией, добровольно пошел к ней (его туда никто не приглашал, так что папа вполне мог этого не делать) и высказал свои соображения, которые никак не совпадали с интерпретацией событий руководством вуза. В результате нашей семье тоже пришлось уехать из Ярославля.

Правда, от этого все мы только выиграли – Воронеж оказался намного удобнее для жизни, чем Ярославль и в смысле климата, и в смысле снабжения (по тем временам это было особенно важно), и в смысле того, что это был университетский город, и мы смогли учиться в университете, а в Ярославле самым крупным вузом был пединститут. Однако когда папа принимал решение вмешаться в ситуацию, он ничего этого не знал, хотя прекрасно понимал, чем данное вмешательство для него грозит и что он может остаться без работы и, соответственно, без средств к существованию с семьей из четырех человек. Отмечу также, что после прохождения по конкурсу в 1963 г. в Воронежский лесотехнический институт, отцу пришлось целый год жить в Воронеже в общежитии без семьи, поскольку квартиру нам удалось обменять и переехать в Воронеж только через год, в июле 1964 г. Для папы, который души не чаял в маме и нас, это было серьезным испытанием, однако он никогда не жалел о своем поступке.

Отец был очень добрым человеком, единственное, что он всегда жалел – это бумагу. Помню, как один раз мы с братом, пока родители были в театре, сочинили на папино имя заявление с просьбой выдать Иосифу блокнот или толстую тетрадь для стихов (Иосиф тогда написал несколько стихотворений и хотел переписать их в одно место). После прихода из театра папа прочитал наше заявление, открыл дверцу своего письменного стола и выдал Иосифу красивую толстую тетрадь. Сам папа писал всегда на обороте листков и на всяких клочочках бумаги, и нас приучил к ее экономии. У меня до сих пор хранятся в доме уже пожелтевшие листки когда-то белой бумаги – писать на них я не пишу, но и выкинуть рука не поднимается. И на кафедре у нас заведено, что все, что можно, надо печатать на черновиках, поэтому появлению черновиков мы с лаборантами радуемся едва ли не больше, чем появлению новой пачки бумаги.

Папа был исключительно организованным человеком. В те времена не было ежедневников и планнингов, и папа все свои дела планировал на сложенном пополам листочке бумаги формата А4, который постоянно носил с собой в кармане пиджака. На таком же листочке перед поездкой в Москву в сентябре 1964 года в перечне тех многих дел, которые ему там надо было сделать, он записал слово «кукла», я это увидела, и уже не сомневалась, что кукла на мой день рождения у меня обязательно будет. И замечательная ГДРовская кукла в костюме Красной Шапочки у меня действительно появилась. Я с ней уже практически не играла, но всегда гордилась, что она у меня есть. Много лет спустя я подарила ее моей

«двоюродной дочке» Даше, дочке моей подруги Наташи Козельской, и Даша с ней еще долго играла.

Папа всегда все делал вовремя, никогда не откладывал важное дело на последний момент, и нас к этому приучал. Сознаюсь, что у меня далеко не всегда это получается, но я стараюсь следовать этому папиному совету. В подтверждении необходимости не откладывать важные дела на потом папа приводил один очень поучительный пример из своей жизни, я его очень хорошо запомнила. Дело было так. Был ноябрь 1941 года, фашисты стояли под Москвой, 16 ноября в Москве практически была паника, никто не знал, что будет завтра, будут оборонять Москву или сдадут. Папа на тот момент работал в школе учителем, он перед этим сменил школу и успел проработать в ней 2 недели, однако ему выдали зарплату за месяц и уволили, как и всех остальных. В декабре он должен был закончить обучение (он учился на вечернем отделении) Московского Областного пединститута имени Потемкина, однако в связи с началом войны им перенесли экзамены на раннюю осень, поэтому к 16 ноября все госэкзамены он сдал и, получив в школе расчет, отправился в институт за дипломом. Однако в вузе никого на месте не оказалось, единственный человек, который там был, кажется, вахтер, порекомендовал прийти на следующий день. Папа развернулся и собирался уйти. Однако на его счастье (и на наше, как впоследствии выяснилось, тоже!) в это же время за дипломом туда же пришло еще несколько папиных сокурсников, в том числе и одна женщина лет сорока (к слову, папа в это время тоже уже был далеко не юнец – ему было 32 года, за его плечами была служба в армии, работа корреспондентом Всесоюзных газет, работа учителем в школах). Но эта женщина оказалась мудрее всех и сказала что-то вроде: «Какое завтра? Вы что, не видите, что в Москве творится? Давайте поедem в Главный корпус и постараемem получить дипломы!» Все так и сделали, на их счастье в Главном корпусе пединститута оказался проректор с известной лингвистической фамилией Реформатский, он был единственный из вуза, кто не эвакуировался. Проректор нашел документы и выдал всем дипломы. Папе был положен диплом с отличием, а поскольку бланков дипломов с отличием в наличии не было, Реформатский написал красной ручкой на бланке после слова «Диплом» слова «с отличием», и выдал такой диплом папе. А дальше получилось так, что этот диплом спас нашему отцу жизнь, а значит, косвенно повлиял и на появление наших с братом. Буквально через день отца призвали в ополчение (у него не видел один глаз и он военному призыву не подлежал). Привезли всех в какую-то деревню под Москвой, дали одну винтовку на десять человек, и поставили на постой к местным жителям. А наутро его разыскал командир и отправил в Москву – пришла директива Сталина, чтобы нестроевых учителей-мужчин с высшим образованием не брать в ополчение, поскольку в стране остро не хватало учителей. Если бы на тот момент у папы не было диплома, он бы погиб в

первом же бою, поскольку плохо видел, и нас бы с братом на свете не было. А благодаря тому, что он вовремя получил диплом, он смог уехать в эвакуацию и всю войну работал в Башкирии в пос. Туймазы сначала завучем, а потом и директором школы. А после войны встретил нашу маму, и появились мы с братом.

Мне уже пару раз приходилось рассказывать эту историю своим ученикам, когда по каким-то причинам они хотели отложить важные дела на потом, и, надо сказать, эффект от услышанного был именно тот, на который я и рассчитывала.

Отец был великолепным преподавателем и методистом, очень ответственно всегда относился к подготовке каждой лекции, говорил, что если в лекции у него нет чего-нибудь новенького, ему ее читать неинтересно. Он был очень требователен к себе – не писал докторскую, потому что считал себя недостойным звания профессора из-за отсутствия знания иностранных языков. Всегда говорил, что доктор философских наук без знания иностранных языков – это нонсенс.

Папа умел очень хорошо объяснять сложные вещи. На всю страну была известна его брошюра «В помощь изучающим книгу В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в которой он очень доходчиво изложил содержание этого очень сложного философского труда В.И. Ленина. Во времена СССР это философское произведение изучали и студенты, и аспиранты, и папина книжка была очень востребована. Она выдержала четыре издания, была переведена на несколько языков: молдавский, английский, французский, испанский, португальский. В библиотеках ее было не достать, в Ленинке она, вся истрепанная, стояла в открытом доступе, а у нас с Иосифом было несколько экземпляров, которыми мы снабжали своих друзей, которым предстояло сдавать кандидатский экзамен по философии.

А еще папа всегда умел дружить, и всегда помогал людям. Всегда поддерживал тех, кто начинал заниматься наукой, тем, кто только начинал публиковаться, подбирал опытных соавторов. Папа был активным организатором встреч «однокашников» по Воронежскому пединституту. Он учился на филфаке пединститута только 2 года, но никто из его однокашников даже не помнил, что он с ними вместе не закончил учебу (на третьем курсе папа перевелся в Москву).

Отец научил нас одному слову на идиш – «мицва», которое означает что-то типа «богоугодное дело, которое зачтется на том свете». Он часто употреблял это слово, и сам очень часто делал добрые дела.

Папа был очень веселым и остроумным. У нас дома всегда было весело, папа придумывал интересные смешные слова и сокращения. Себя он называл МИОБ, что расшифровывалось «мещанин и обыватель». Конечно, он не был ни тем, ни другим, просто этим подчеркивал, что семья для него всегда на первом месте. Когда в речи Л.И. Брежнева на очередном съезде

партии было введено понятие «активная жизненная позиция», папа придумал для него веселое сокращение – АЖП и говорил, что нас в семье у всех АЖП. Он рассказывал, что когда поступил в аспирантуру, его руководитель, известнейший ученый-логик с мировым именем проф. Асмус спросил его: «Абрам Осипович, Вы веселый человек?» и очень обрадовался, услышав утвердительный ответ.

Папа очень трогательно всегда относился к маме. Мама была очень скромной и очень мудрой. Она гениально вела хозяйство. Не помню случая, чтобы к нам кто-то неожиданно пришел (чаще всего это были друзья и однокурсники Иосифа или мои), а у мамы бы не нашлось, чем их угостить. Она прекрасно пекла плюшки и ватрушки, в том числе так называемые «скрытые ватрушки» (по существу это были булочки с творогом), которые особенно любили Иосиф и его однокурсницы.

По образованию мама была инженер-экономист, окончила вуз она в 1941 году и всю войну проработала на заводе в г. Люберцы Московской области. У нее есть медали «За оборону Москвы» и «За победу в Великой Отечественной войне». Работала она вплоть до 1949 года, когда папа защитил кандидатскую диссертацию и был по распределению направлен на работу во вновь открытое отделение логики и психологии Ярославского пединститута. У родителей уже был Иосиф, потом появилась я, и мама уже не смогла работать.

Она всю жизнь заботилась о папе и нас с братом. Утром всех провожала на работу и учебу, кормила завтраком, заворачивала еду с собой. Когда я была уже совсем взрослой, я просила маму не вставать рано и не провожать меня, но она все время говорила: «Я не смогу спать, слыша, как ты бегаешь, собираешься».

У нашего папы никогда не было крепкого здоровья – он был сердечник, у него была пониженная кислотность, но благодаря маме он стал долгожителем, прожил более 90 лет. При скромном семейном бюджете, когда работал только папа, мама ухитрялась экономить деньги, чтобы папа имел возможность ездить в санаторий, и он несколько лет ездил в Кисловодск или Ессентуки.

У мамы был замечательный характер, и она прекрасно уравнивала местами взрывной характер отца. Папа и мама рассказывали, что когда папа пришел к маминим родителям свататься, ее мама Антонина Семеновна Кухаркина сказала «За характер Любы я ручаюсь».

Дедушку и бабушку я помню только со стороны мамы, папины умерли еще до войны, и я их знаю только по рассказам отца. Мамин папа Михаил Онисимович Кухаркин был высокий и статный. Очень любил нас, внуков. Баловал нас всякими вкусностями. В те времена Гастроном номер 1 в Москве (бывший Елисейевский) не принято было называть Елисейевским, но дедушка именно так его всегда называл. Часто по утрам он заявлял: «Надо за колбаской к Елисейеву проехать» и отправлялся из подмосковного

Красково, где они жили с бабушкой, в Москву за любительской колбасой, которую покупал только в Елисеевском, потому что считал, что там она лучше. Дедушка умер в августе 1964 года, до этого долго болел, последние годы своей жизни провел в постели.

Бабушка Антонина Семеновна была редкой души человек, очень интеллигентный, хотя имела всего 4 класса образования. Она прекрасно готовила и в тоже время умела делать по дому и мужскую работу. Соседи по дому в Подмосковье, где она жила, говорили: «У нас в доме 2 мужика, один из них – Антонина Семеновна». По дому бабушка все время ходила с немного вытянутыми вперед руками, всегда готовыми что-то сделать.

Бабушка была очень остроумной. Помню, как, будучи уже в достаточно преклонном возрасте, она как-то сказала, узнав о неожиданном приходе гостей: «Я что-то растерялась, прислугу отпустила». А как-то, когда мы были еще маленькими, начала читать вслух письмо в свой адрес от нашего папы, меняя слова на антонимы, так, вместо «Дорогая Антонина Семеновна» прочитала «Дешевая Антонина Семеновна» и т.д.

Жила она последние годы со своей младшей дочерью Ниной. Нина Михайловна работала экономистом в легендарном депо «Москва-Сортировочная», была на очень хорошем счету на работе. Мы с Иосифом всегда с ней дружили, звали ее не тетя, а просто по имени – Нина. Особенно много внимания Нина уделяла мне – часто мне что-нибудь покупала, отдавала свои вещи – благо, размеры у нас совпадали. Последние два года своей жизни Нина жила со мной в Воронеже.

Из папиных родственников я хорошо помню его сестер – тетю Бейлю и тетю Риву. Они были совершенно разные: тетя Бейля – спокойная и даже флегматичная, а тетя Рива – заводная и очень остроумная. У обеих были дети и внуки, у Бейли – три дочери и четверо внуков, у Ривы – две дочери и один внук. Мы любили ходить к ним в гости, особенно к тете Риве. У нее было всего 3 класса образования, но она была очень умной женщиной. Во время войны ей пришлось с двумя дочерьми – школьницами пешком убежать от немцев из Витебска. Они спаслись только благодаря уму и сообразительности тети Ривы – никто в Витебске не объявлял населению, что враг подходит, и город могут сдать, она сама сообразила, что надо убежать, и они убежали. Те же соседи, которые ждали каких-то распоряжений от властей и остались в городе, все погибли: Витебск был преимущественно еврейским городом, и в живых никто не остался. А тетя Рива пешком с детьми, спасаясь от непрерывных бомбежек, добралась до Туймазы (в Башкирии!), где в школе работал папа.

Отец вспоминал, как его вызвали с уроков, когда они пришли к нему в школу: три женщины: одна взрослая, и 2 маленькие, стояли босые, исхудалые, практически в лохмотьях. По прибытии в Туймазы девочки стали учиться в школе, а тетю Риву определили буфетчицей. Папа рассказывал, что она была не просто буфетчицей, но и принимала участие

в воспитании школьников. Бывало, какой-нибудь мальчишка опоздает, тетя Рива выяснит причину опоздания, пожурит ребенка, а потом скажет: «Больше не опаздывай. А сейчас иди в класс – скажи, Рива Осиповна разрешила».

В ноябре 1975 года Иосиф женился, и у нас появились новые родственники: Света, ее брат с женой и сыном, родители Светы Мария Борисовна и Григорий Яковлевич Деревянко. Григорий Яковлевич был участником войны, всегда очень много работал. Любимой его поговоркой было «Скорей бы ужинать, да завтра на работу». Он писал стихи, часто выступал с ними перед молодежью. К сожалению, уже несколько лет его нет с нами. Мария Борисовна, как и Григорий Яковлевич, была педагогом, преподавала она русский язык и литературу. Всегда очень спокойная и выдержанная, она гениально уравнивала темпераментный характер своего мужа. Сейчас она на пенсии, но по-прежнему в строю, написала несколько книг воспоминаний. Мария Борисовна заботится о всех нас, угощает своим знаменитым борщом. По праздникам мы у нее всегда собираемся.

Света сразу вошла в нашу семью. У нее прекрасный вкус, хорошее чувство юмора. Она очень заботливая, добрая, и очень надежная – на нее всегда можно положиться. Где бы она ни работала – в школе, где они и познакомились с Иосифом, или в пединституте, где она проработала много лет до ухода на пенсию, везде вокруг нее складывался коллектив друзей и единомышленников, которые и сейчас поддерживают с ней тесные контакты. Света очень помогла мне после двух перенесенных мною операций, а еще она нас всех уже много лет прекрасно стрижет.

Рассказ о моей семье я хочу завершить рассказом о моем брате. Мы с ним очень дружим. Не помню, чтобы мы когда-нибудь с ним ругались. Когда мы приходим на кладбище к родителям, всегда говорим им спасибо, что нас двое.

Иосиф с детства меня всегда опекал. Как рассказывали родители, когда меня принесли из роддома, он устроил салют в мою честь из детского ружья. В детстве он гулял со мной на улице, учил прыгать, когда в школе у меня не получались прыжки. Когда в первом классе ко мне регулярно начал приставать одноклассник, ставя мне подножку по пути в столовую, Иосиф научил меня давать «подскулу», используя при этом отвлекающий маневр. Я научилась, дала мальчику «подскулу», и он от меня навсегда отстал.

Когда Иосиф учился в университете, он брал меня с собой на заседания английского клуба, я всегда присутствовала на их групповых студенческих вечеринках, которые, как правило, проходили у нас дома, хорошо знала всех его однокурсниц, до сих пор дружу с ними.

Иосиф подарил мне первые в моей жизни часы на мое четырнадцатилетие, а на пятнадцатилетие – первые туфли на каблуке.

Когда я готовилась к поступлению в университет, Иосиф занимался со мной английским языком – писал мне длиннейшие темы, которые я старательно выучивала, учил пересказывать тексты. Ездил со мной на экзамен по английскому языку и ждал меня в Кольцовском сквере.

Когда в 2006 году я перенесла операцию, после которой понадобилось облучение, Иосиф ежедневно ездил со мной на такси в онкологический диспансер и привозил обратно. Жизненной необходимости в этом не было, я могла ездить и сама, но Иосиф настоял, что будет ездить со мной. Помню, как поражались этому и завидовали мне, что у меня такой брат, медсестры в диспансере.

Своей научной карьерой я тоже обязана своему брату. Именно он, будучи аспирантом Института языкознания Академии наук СССР, придумал мне первую тему научной работы – предложные наречия английского языка. Из этой темы у меня потом выросли и дипломная работа, и кандидатская, и докторская диссертации.

Когда я защищала кандидатскую диссертацию, Иосиф ездил со мной в Саратов, помогал мне с организацией защиты. Когда я стала руководить аспирантами и соискателями, всегда консультировалась с Иосифом как с опытным руководителем, какую тему дать, куда повернуть исследование. Сейчас, когда я уже сама хорошо понимаю в диссертациях, делаю это реже, но по-прежнему иногда прибегаю к его опыту.

У нас с Иосифом есть совместные научные работы, чему был бы очень рад наш папа. Я всегда восхищалась и восхищаюсь, как быстро он пишет, как он просто-таки фонтанирует научными идеями.

На первых порах заведования кафедрой я часто консультировалась с Иосифом по разным вопросам, сейчас сама могу дать ему какой-то совет. Вообще, у нас с Иосифом полная взаимовыручка: я всегда знаю, что могу на него положиться, а он – на меня. И так у нас с ним всю нашу жизнь. Мы всегда готовы в любую минуту прийти на помощь друг другу, и я очень надеюсь, что мы сможем быть опорой друг друга еще долгие годы.

Наш папа был родом из бедной еврейской семьи и всего в жизни добился сам, сам себя сделал, как и его любимый герой Рахметов из «Что делать» Н.Г. Чернышевского. Нам с Иосифом повезло больше – нас сделали наши родители.

Учеба

Училась я всегда хорошо, но в школе отличницей была только в четвертом классе, а потом в девятом и десятом.

В Ярославле я три года училась в английской школе, в Воронеже после переезда сюда училась тоже в английской школе до 8 класса включительно. Девятый и десятый класс училась в средней школе №74 рядом с домом. В те времена это была хорошая школа, а мне страшно

нравилось, что она рядом с домом – наши окна выходили на школьный двор. До этого я 8 лет ездила в школу – сначала в Ярославле, потом в Воронеже, а теперь школа была рядом. Иосиф всегда говорил – Марина хлопнет дверью, а через минуту по радио пикает 8 часов. Когда в школе по какой-то причине у нас оказывался свободный урок, все ребята на радостях шли гулять, а я шла домой, и только после этого присоединялась к одноклассникам на улице – так мне нравилось, что школа рядом с домом.

Из школьных учителей запомнилась моя первая учительница в Ярославле Ольга Евдокимовна Паутова. Она была очень строгой и требовательной, но учила очень хорошо, хорошо развивала логическое мышление. Она заставляла нас перед тем, как начать решать задачу, продумать ее решение и уметь изложить его план, а только потом начинать подставлять числа и решать задачу. Позже это стало называться определением алгоритма решения. Ольга Евдокимовна была небольшого роста. Но нам, первоклашкам, она казалась очень высокой. Когда я, отработав первый год по распределению в школе, поехала в отпуск в Ярославль и отыскивала там Ольгу Евдокимовну, я ее не узнала – вместо высокой, как мне казалось, женщины, я увидела человека небольшого роста, а вот она меня узнала, хотя к тому моменту прошло уже тринадцать лет, как мы уехали из Ярославля, и мы с Ольгой Евдокимовной с тех пор не виделись.

В первой школе в Воронеже мне запомнилась наш классный руководитель и мой учитель по английскому языку Юлия Николаевна Автономова, а также наш математик Нина Михайловна Борзенкова. В 74-й школе было много хороших учителей, но наибольшее впечатление на меня произвела наш учитель русского языка и литературы Эмма Анатольевна Котельникова.

В школе мне нравились гуманитарные науки и математика, хотя именно из-за математики я не получила золотую медаль – мне поставили четверку за контрольную работу на выпускном экзамене. Серебряных медалей в тот год не выдавали, и я осталась совсем без медали, в результате чего мне, вместо одного экзамена (английского), пришлось сдавать при поступлении все четыре – еще историю, русский и литературу и писать сочинение. В сочинении, которое я писала по рассказу «Ионыч» (кто бы мог подумать, что этот рассказ дадут на сочинении!), я допустила ошибку, написав слово «приданое» с двумя Н. Я это обнаружила, когда перед тем, как идти узнавать оценку, решила еще раз посмотреть этот рассказ. За сочинение мне поставили четверку, и я могла из-за этого не поступить. Но папе посоветовали подать апелляцию, что мы и сделали. Мне исправили оценку по сочинению на пятерку, посчитав, что ошибка сделана в архаичном слове. В результате моя судьба решилась, и я поступила на РГФ. Позже выяснилось, что с 19 баллами я тоже прошла бы, поскольку этот балл был так называемый полупроходной, а у меня были грамоты за победы на

областных и университетской олимпиадах по английскому языку. Но с 20 баллами было, конечно, спокойнее.

РГФ в период моей учебы там был не в лучшей поре своего развития. Из преподавателей вспоминаются, прежде всего, преподаватели филфака, которые вели у нас занятия. Это Олег Григорьевич Ласунский, который читал нам «Введение в литературоведение». Лекции были очень интересные, к тому же это был первый теоретический предмет в моей жизни, где приходилось самостоятельно выбирать формулировки того или иного термина – в учебнике приводились разные формулировки, не было единственно правильной. Помню, как в растерянности я обратилась с этим вопросом к папе, а он мне объяснил, что это наука, и ко всему надо подходить критически и выбирать наиболее приемлемый вариант.

Запомнились также лекции по зарубежной литературе, которые нам читали Т.А. Комова, А.Б. Ботникова, С.Н. Филюшкина.

Из преподавателей РГФ больше всего на меня произвела впечатление Эмилия Григорьевна Шубная. Она вела у нас английский на четвертом курсе и читала лекции по теоретической грамматике. Эмилия Григорьевна к тому моменту только что защитила кандидатскую диссертацию в Ленинграде, и теорграмматику читала нам самую современную, с синтаксическими глубинными структурами. Я писала у Эмилии Григорьевны курсовую работу и диплом, общалась с ней и ее мамой и после окончания университета. К сожалению, Эмилия Григорьевна тяжело заболела и скоро ее не стало.

Очень неприятные воспоминания остались у меня от процедуры распределения на 5 курсе. По советским законам выпускник вуза должен был отработать 3 года по распределению. В случае такого факультета, как наш, это означало работу в школе, как правило, сельской. Все пытались правдами и неправдами отвертеться от распределения, у меня никогда таких мыслей не было. Единственное, что я хотела – это получить точку поближе, чтобы можно было приезжать в Воронеж, поскольку я хотела заниматься научной работой. Право на получение такой точки я имела, поскольку точки выпускники выбирали по очереди, которая формировалась в соответствии с результатами учебы за 5 лет: кто лучше учился, имел право первым выбрать точку. Я училась отлично и шла первой по распределению не только по нашему английскому отделению, но и по факультету в целом. Близких точек в тот год в списке на распределение не было, самая ближняя, в Семилукском районе, была очень неудобной – туда не было общественного транспорта, надо было добираться пешком или на попутках, поэтому на распределении я попросила точку, которая в списке была обозначена «В распоряжение Облоно». Это, как говорится, был кот в мешке, но по опыту мы знали, что такие точки бывают лучше: это были те места, которые освобождались в последний момент, а не за год, как конкретные точки, и среди них могли

быть точки поближе. Однако как только на предварительном распределении на факультете я заикнулась, что прошу направить меня в распоряжение Облоно, на меня тут же стали кричать и требовать, чтобы я взяла одну из имеющихся точек, мотивируя это тем, что им (а подразумевалось, что стране) нужны учителя, а не научные работники. Давление было таким сильным, что я уже было собиралась расписаться за точку в Семилукском районе, когда зав. сектором распределения вдруг сказала, что я могу взять точку переводчика в г. Орел. Это было крайне неожиданно, поскольку в вывешенном для сведения пятикурсников списке точек для распределения этой точки не было, и я сказала, что мне надо подумать. Тут на меня опять начали давить, говоря, что пока я буду думать, они эту точку отдадут следующему по списку, и мне пришлось согласиться. Вышла я из аудитории, где проходило распределение, совершенно ошарашенная и пошла на кафедру к Иосифу, он как раз тогда начал работать в университете. Там меня все стали поздравлять, говоря, что я молодец, что не расписалась за Семилукский район, и что Орел – замечательная возможность заняться наукой, поскольку там работает известный лингвист Феликс Абрамович Литвин. Я успокоилась, но ненадолго. Буквально через пару дней Екатерина Семеновна, секретарь нашего деканата (замечательная женщина, мы все ее очень любили) увидела меня в коридоре и сказала, что мне пришел из Орла отказ, поскольку они не предоставляли жилье, и им нужен был человек с орловской пропиской. А для меня как для отличницы в Облоно подыскали точку – среднюю школу в г. Павловске Воронежской области.

На окончательном распределении у ректора я за эту точку благополучно расписалась, при этом те же дамы, которые кричали на меня на предварительном распределении (зав. сектором распределения и зам. декана В.И. Белоусова) были сама любезность.

Но через некоторое время госпожа Белоусова мне опять что называется, подгадила. Я все годы в университете училась отлично, выступала с научными докладами, участвовала в работе научного общества студентов, на пятом курсе опубликовала первую научную статью, и имела все основания претендовать на получение рекомендации в аспирантуру. Я за такой рекомендацией обратилась к декану И.В. Крымовой, она сказала, что этот вопрос будет рассмотрен на последнем в учебном году заседании совета факультета, и велела мне подойти к концу заседания. Я подошла раньше на случай, если ко мне будут вопросы, и ждала в коридоре у деканата. Меня никто не пригласил, а когда совет кончился, декан мне сказала, что мне рекомендацию в аспирантуру не дали, поскольку, как сказала В.И. Белоусова, я недостойно вела себя на распределении и мне даже пришлось напоминать о моем долге. Это была бессовестная ложь, но последнее заседание совета окончилось, и, как говорится, поезд ушел. Так я и осталась без рекомендации в аспирантуру, а во времена СССР после

студенческой скамьи, без стажа работы поступать в аспирантуру можно было только при наличии такой рекомендации. Правда, в тот год мне поступать в аспирантуру было и некуда, но все равно было очень обидно, особенно потому, что меня так бессовестно оболгали.

По распределению же я благополучно и с большим удовольствием отработала положенные три года (кстати, единственная из всего выпуска нашего факультета), многому научилась, приобрела хороших друзей, с которыми дружу до сих пор. Работа в школе стала настоящей вехой моей жизни, и я ни минуты не жалею, что мне пришлось там работать.

Павловск

Павловск занимает особое место в моей жизни. Там я проработала три года по распределению в ПСШ № 2 (Павловской средней школе № 2) и приобрела бесценный жизненный опыт. Из девочки, привыкшей жить дома, под крылом родителей, стала взрослым самостоятельным человеком.

Когда я вернулась домой к родителям, меня ждал написанный Светой, женой Иосифа, плакат следующего содержания:

*Привет вернувшейся Марине,
Живущей снова здесь отныне!
Исполнив долг свой, возвратилась,
И жизненно обогатилась.*

В этом четверостишии все правильно: и про то, что долг исполнила, и про то, что жизненно обогатилась. Кстати, о долге: из всех сотрудников кафедры Истории КПСС и философии лесотехнического института, на которой работал наш папа, только у него дети отдали свой долг стране – Иосиф служил в армии, а я отработала 3 года по распределению.

Первый год работы в Павловске я работала учителем и была секретарем учительской комсомольской организации, а второй и третий год совмещала работу учителя и секретаря ученической комсомольской организации школы (по меркам сельского района в школе была большая ученическая комсомольская организация, и был положен ее освобожденный секретарь на полставки).

Работала я с большим удовольствием, особенно много сил отдавала комсомольской работе, старалась все время придумать что-нибудь новое. Помню, как вычитала, что в какой-то школе проводятся эрудиционы по предметам, и тут же придумала и провела эрудицион по литературе. Это было что-то среднее между литературным КВН и викториной, и всем очень понравилось.

К комсомольским собраниям мы выпускали длиннющие газеты. Так, например, к отчетно-выборному комсомольскому собранию весной 1979 г. выпустили газету под названием «Один год нашей жизни» – это был

своего рода фото отчет о работе комсомольской организации за год. На самих собраниях работал пресс-центр, который оперативно реагировал на выступления ребят и вывешивал на всеобщее обозрение наиболее интересные мысли. На комсомольские собрания часто приглашали пионеров со специально сочиненным для конкретного собрания монтажом. А все участники комсомольского собрания, посвященного 50-летию ВЛКСМ, заранее получили напечатанные на красной бумаге именные мандаты, удостоверяющие, что такой-то комсомолец является участником юбилейного комсомольского собрания.

Чтобы комсомольские собрания проходили неформально, мы заранее вывешивали вопросы, которые предполагалось обсудить. Вспоминается в связи с этим один курьезный случай. Вопросы для обсуждения на очередном комсомольском собрании были вывешены на стенде комсомольской организации, который висел на стене рядом с пионерской комнатой, где также размещался и Комитет комсомола. Под этими вопросами мы разместили вырезанный из красивой красной бархатной бумаги большой знак вопроса, получилось очень нарядно. И вот этот знак вопроса стали постоянно срывать. Мы никак не могли поймать злоумышленника, и каждый раз методично заменяли сорванный вопросительный знак на новый. Когда у нас кончилась красная бархатная бумага (подобная бумага была дефицитом), мы начали вырезать знак вопроса из синей, а когда кончилась и она – сделали его просто из обычной цветной бумаги. И тут неожиданно, выходя на перемене из пионерской комнаты, я увидела, как какой-то мальчишка тянет руку к нашему вопросительному знаку с явным намерением его сорвать. Я, недолго думая, рванулась к нему и схватила его за шиворот. И тут же поскользнулась и упала. Дело в том, что рядом со стендом был фонтанчик для питья, на перемене ребята пили воду и расплескали ее на полу, пол стал скользким. Упала я на колени, но злоумышленника не выпустила. Тут же поднялась и героически потащила его в учительскую. А когда мы туда вошли, услышала громкое восклицание нашего завуча – оказалось, что этот пятиклассник был сыном одной из наших коллег. Эта коллега потом поделилась со мной, что рассказал ей об этом инциденте ее сын. А он сказал буквально следующее: «Она меня схватила и упала, но меня не выпускает – боится, что я убегу, а я так испугался, что и двинуться никуда не могу, не то что бежать». С ребенком провели воспитательную работу, и наш знак вопроса благополучно дождался комсомольского собрания.

Вообще, я много уделяла внимания разным видам наглядной агитации и всякого рода объявлениям. Помню, как однажды 1 марта, придя в школу после поездки в центр города, и надышавшись воздухом, в котором уже царил весна, договорилась с учителями, чтобы нашу главную школьную художницу Олю Деревуз отпустили с уроков, и она нарисовала на большом ватманском листе замечательную девчужку с веснушками и

написала красивым веселым шрифтом, которым умела писать только она, поздравление всем от комитета Комсомола с началом весны.

Я придумала завести Книгу Почета комсомольской организации. Решение о занесении в Книгу Почета принималось на заседании комитета Комсомола, удостоившимся этой чести вручали специальное удостоверение, которое специально напечатали в районной типографии, выпросив на это деньги у директора школы В.Н. Зоновой, а в саму Книгу помещали фотографию комсомольца на фоне комсомольского знамени школы.

В те времена были популярны конкурсы «А ну-ка, девушки!» и «А ну-ка, парни!», и мы их тоже с большим удовольствием проводили. Проходили эти конкурсы весело, при большом скоплении болельщиков. Проводили и другие вечера, Так, устроили совместный вечер с СПТУ на тему «В человеке все должно быть прекрасно», на котором старшеклассники читали стихи и танцевали на сцене вальс.

В январе 1978 года мы провели в школьной столовой вечер хорошистов и отличников с разного рода конкурсами. Было очень весело и вкусно.

Новогодний вечер в канун 1979 года провели в виде карнавала с призами за лучшие костюмы. Я тоже соорудила себе костюм – у меня был толстый банный халат, из полотенца сделала чалму, из мочалки – бороду, и получился старик-Хотабыч. Поскольку я была организатором вечера, меня бы легко узнали, поэтому я все продумала и оделась в этот костюм не в начале вечера, а уже ближе к концу. В результате даже самые мои близкие друзья – ребята из Комитета комсомола меня поначалу не узнали, а когда узнали, был настоящий фурор.

Проводили мы и диспуты на разные темы, в том числе и о любви. Помню, на этом диспуте мне прислали записку с вопросом: «Марина Абрамовна, а кого любите Вы?».

Из такого достаточно рутинного дела, как сбор макулатуры, мы устроили конкурс и регулярно вывешивали на специальном стенде, какой класс сколько собрал. В результате от макулатуры не было отбоя – ребята ее приносили и с утра, и во второй половине дня, и скоро завхоз заявил, что ему ее больше некуда складывать. Пришлось изыскивать дополнительные места для хранения, а класс, который занял первое место (кажется, это был 10В) получил приз – поездку в Воронеж.

Весной 1979 года я организовала поездку выпускников на День открытых дверей ВГУ. В то время не было единого Дня открытых дверей для всех факультетов, каждое воскресенье в апреле Дни открытых дверей проходили на нескольких факультетах по утвержденному графику. А поскольку интересы у наших выпускников не совпадали, было очень трудно определиться, какое из воскресений выбрать. Наконец, мы выбрали тот день, когда был День открытых дверей филфака, поскольку моя правая рука по комитету Комсомола Галя Деревуз собиралась

поступать на журналистику, а отделение журналистики было в те времена на филфаке. В этот день были еще Дни открытых дверей на матфаке и у геологов, ребят набрался целый автобус, и мы поехали. Все, кто не был уверен, куда поступать, пошли ради интереса к геологам, осчастливив их подобной массовостью. А Галя потом поступила на журналистику, правда, прошла только на заочное отделение. Кстати, именно опыт этой коллективной поездки школьников из Павловска на университетский День открытых дверей уже позже, когда я работала в учебном отделе ВГУ, подвиг меня выступить с инициативой проводить Дни открытых дверей всех факультетов в единый День, чтобы детям из сельской местности было удобнее приезжать. И с тех пор Дни открытых дверей ВГУ проходят именно в таком формате.

Работа комсоргом школы была моей работой по совместительству, и хотя она занимала много времени и сил, основная моя работа была работа учителем английского языка. Первый год было особенно трудно с дисциплиной: мне дали 3 пятых и 2 седьмых класса – самый трудный возраст. И если пятиклассники, для которых это был новый предмет, еще горели желанием учить английский, и на первых порах даже от самых хулиганистых учеников можно было услышать: «Ну почему английский у нас только 4 раза в неделю, а не каждый день?», то семиклассникам было на этот предмет категорически наплевать. С дисциплиной же было трудно как в пятых, так и седьмых классах. Я раньше никогда не вела дневник, а тут вдруг, со второй четверти моего первого года работы в школе у меня такая потребность появилась, и я не ложилась спать, не записав впечатления от прошедшего дня. Я вела дневник до конца учебного года, и он просто пестрит описанием состояния дисциплины на проведенных уроках. А потом количество по закону диалектики перешло в качество, и уже буквально с первого сентября своего второго года работы в школе я стала ощущать, что я по-другому веду себя на уроках, по-другому реагирую на нарушения дисциплины учениками, словом, пришел опыт.

Среди смешных казусов, произошедших у меня на уроках, хочу рассказать о двух, которые особенно запомнились. Оба они произошли на уроках в 5-ом классе в первый год моей работы. Героем первого стал Вася Казаков – умненький, но страшно недисциплинированный пятиклассник. Вася жил с папой, бабушкой и старшей сестрой-отличницей, которая училась в 10 классе. Мама у Васи умерла, а папа был по Павловским масштабам какой-то достаточно большой шишкой, дома его постоянно не было, он все время ездил в командировки, да еще и учился заочно в строительном институте в Воронеже. Словом, дома бывал редко. Бабушка и сестра с Васей не справлялись, боялся и слушался он только отца.

Как-то перед уроком классный руководитель Васиного класса Людмила Переверзева подошла ко мне и сказала: «Сейчас папа Казакова дома, так что можно его прижать, имей в виду». На уроке Вася никак не мог

угомониться, и я, не выдержав, сказала ему следующее: «Вася, ты сегодня пойдешь домой без портфеля (такая была школьная практика у многих учителей, чтобы дети привели родителей) и приведешь папу, я давно хочу с твоим папой познакомиться». Вася же, вместо того, чтобы начать канючить, посмотрел на меня хитро и сказал: «Марина Абрамовна, а моему папе 40 лет». Я рассмеялась, и инцидент был исчерпан. Кстати, до конца этого урока Вася вел себя вполне прилично. Этот эпизод мы не раз рассказывали на всяких учительских конкурсах на самый веселый случай на уроке, и он всегда привлекал внимание.

А героем второго случая стал пятиклассник Владик Жужукин – тоже умненький, но крайне подвижный ребенок. Владик плохо себя вел на уроке, и я потребовала его дневник. А он лег на парту (благо, что это был фонкабинет и они были приварены к полу) и стал гладить себя по голове со словами: «Нет, я дневник не дам – я его сегодня нарочно дома забыл». Я часто с тех пор говорю своим ученикам, когда они сделают что-нибудь хорошее: «Погладь себя по головке».

Я проработала в Павловске положенные по распределению 3 года, там меня приняли в партию, избрали членом райкома ВЛКСМ, наградили юбилейной грамотой ЦК ВЛКСМ и знаком ЦК ВЛКСМ «Лучшему учителю-комсомольцу», который я до сих пор с гордостью надеваю в День рождения Комсомола.

Своей успешной работой там я обязана замечательному коллективу, который меня очень хорошо принял, а также тем друзьям, которых я там приобрела. Из коллег особенно хочу отметить наших англичанок: Валентину Тимофеевну Чеботареву, с которой мы поддерживали теплые отношения вплоть до ее кончины, и Надежду Селиховкину, а также учителей немецкого языка, секретаря парторганизации школы Зою Федоровну Василенко, с которой мы два года вместе снимали квартиру, и Надежду Дубовикову, с которой мы в паре вели пятые классы. Очень большую помощь оказывали мне наши завучи – Валентина Дмитриевна Овсянникова и Таисия Николаевна Конюшенко, которая дала мне рекомендацию при поступлении в партию. Хорошо относилась ко мне и директор нашей школы Валентина Николаевна Зонова, и организатор внеклассной и внешкольной работы Раиса Васильевна Мосияченко, с которой мы очень дружили.

Очень хорошо относились ко мне работники школьной столовой, для учителей они готовили порционно, я в школе обедала, и еще покупала что-нибудь домой. А зав. производством перед моими поездками к родителям в Воронеж всегда разрешала мне купить что-нибудь мясное – вырезку или кур. По Советским временам это было очень ценно, и я всегда приезжала к родителям с вкусными гостинцами.

В годы работы в Павловске я приобрела новых друзей. Первый год мы жили в одной комнате на съемной квартире вместе с Валентиной

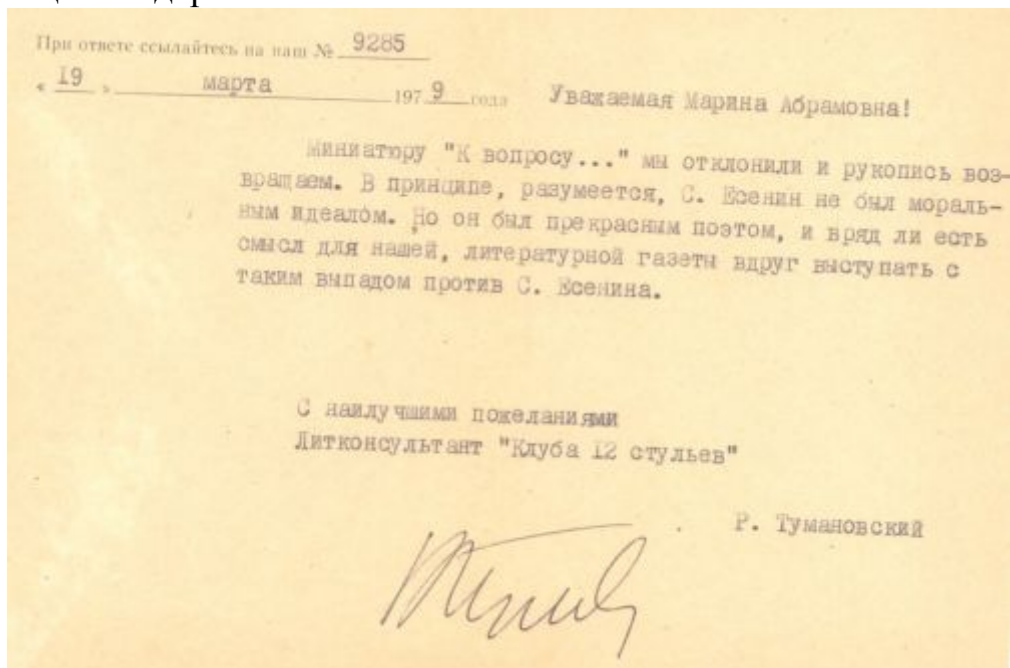
Араловой, которая также, как и я, приехала по распределению. Она была моложе меня, поскольку окончила не вуз, а художественно-графическое училище (если не ошибаюсь, в Бутурлиновке), и преподавала рисование и черчение. Хотя Валя было моложе меня, в житейских вопросах она была опытной, поскольку уже несколько лет прожила без родителей, в общежитии. Под ее руководством мы обзавелись нужными для хозяйства вещами, привезли на лошади из местного интерната кровати (это, правда, организовала я), принесли из школы стол и стулья. Помню, как Валя предложила сходить в книжный магазин и купить большие карты, чтобы повесить на стену у кроватей вместо ковров, чтобы не «мелиться» от стен. Мы так и сделали, получилось дешево и сердито. Валя прожила со мной только год – у нее был жених в Бутурлиновке, за которого в конце первого года нашей работы она и вышла замуж. Свадьба была у нас, я помогала ее организовывать и была на ней тамадой. К сожалению, так получилось, что с Валентиной мы больше практически не пересекались, но я очень благодарна ей за целый год нашей совместной жизни.

Третий год моей работы в Павловске с нами жила выпускница химфака ВГУ Галина Пучкова. Галя была очень остроумной. Помню, после того, как я пришла из райкома партии, где меня из кандидатов КПСС приняли в члены КПСС, она посмотрела на меня скептически и спросила: «Ну что – в компартию вступила?». В те времена словом «компартия» называли только коммунистические партии капиталистических стран. После моего отъезда Галя еще дорабатывала в Павловске, а потом уехала в г. Чехов в Подмосковье, там осталась и вышла замуж. Мы какое-то время поддерживали связь и даже встречались в Москве, но потом она поменяла квартиру и мы потерялись.

А вот с другой моей Павловской подругой Людмилой Заварзиной (теперь Быриной) мы дружим до сих пор. С Людмилой мы работали вместе в школе один год, а потом она перешла на работу секретарем по школам райкома комсомола, но мы продолжали дружить. Жила она первые полтора года в соседнем доме у замечательной хозяйки тети Таи, но потом тетя Тая неожиданно решила выйти замуж, и Людмиле оказалось негде жить. А так сложилось, что как раз в это время из квартиры, которую я снимала, уехала Зоя Федоровна с дочкой (им, наконец-то, дали общежитие), и Людмила переехала ко мне. Мы прожили с ней несколько месяцев вдвоем, а потом к нам подселась Галя, и последний год моей жизни в Павловске мы жили с девочками втроем. Людмила очень плодотворно работала в райкоме комсомола, но вообще она всегда была, что называется, учителем от Бога. После Павловска она переехала к мужу в Звенигород, получила там всевозможные регалии как учитель русского языка и литературы, и до сих пор с успехом преподает в школе.

В Павловске мы все жили очень дружно, у нас было много друзей и среди учителей школы, и по работе в Комсомоле. Они часто приходили к

нам в гости, и мы с удовольствием с ними общались. На одной такой посиделке наш хороший друг, секретарь комитета ВЛКСМ авторемзавода Николай Кошкарлов вдруг ни с того, ни с сего начал нападать на Сергея Есенина, обвиняя его в пьянстве и плохом отношении к матери. Мы с Людмилой сначала смеялись, а потом поняли, что он всерьез. И я написала для него пародийное литературоведческое исследование о Есенине. Оно всем так понравилось, что я решила отправить его в «Клуб 12 стульев» популярной тогда Литературной газеты. Но там, к сожалению, моего тонкого юмора не поняли и мою миниатюру отклонили, прислав письмо следующего содержания:

Пользуясь случаем, публикую это свое до сих пор неопубликованное произведение:

К вопросу об отношении С. Есенина к матери

Вопрос об отношении С. Есенина к матери вот уже ряд лет волнует умы нашей крупной литературоведческой общественности. Большинство современных есениноведов стоят, к сожалению, на глубоко неправильной точке зрения, заключающейся в том, что Есенин свою мать любил. Это глубоко порочное положение пропагандируется, в частности, в работах Марины Марининой «Есенин и его мать» (Воронеж, 1976) и Людмилы Людмилиной «Мать Есенина и ее сын» (Москва, 1978), «Любящий сын своей старой матери» (Ленинград, 1978). Последний автор, в частности, не только пытается убедить читателя в существовании несуществующей любви Есенина к матери, но и, грубо подтасовывая факты, доказывает даже, что С. Есенин вообще был хорошим человеком.

Как истинный ученый, мы не можем мириться с такой неправильной постановкой вопроса и в настоящей статье постараемся восстановить незаслуженно попираемую истину. Материалом для этого послужили 3 хорошо известных стихотворения поэта: «Письмо матери», «Письмо от матери» и «Ответ». Указанные выше есениноведы М. Маринина и Л. Людмила видят в этих стихотворениях чуть ли не образец глубокой сыновней любви и преданности, некий сыновний идеал и даже предлагают использовать данные стихи для воспитания любви к матери в нашем социалистическом обществе. Это, товарищи, уже чересчур! Как может этот алкоголик служить примером для советской молодежи! Ведь Есенин, будучи человеком довольно искренним (этого у него мы не отнимаем), сам признается в своем алкоголизме. Так, в стихотворении «Письмо к Женщине» мы читаем: «И я склонился над стаканом, чтоб не страдая ни о ком (даже о матери – прим. автора), себя сгубить в угаре пьяном».

В «Письме к матери» Есенин называет себя горьким пропойцем, вспоминая при этом кабацкие драки с поножовщиной. В стихотворении «Письмо от матери» он также признается в своей плохой славе алкоголика, в том, что живет он в кабацком омуте.

Посмотрим теперь, как этот якобы любящий сын называет в своих стихах свою мать. Ни в одном из его стихотворений читатель не встретит простое и милое русское слово «мама». Вместо этого крайне фамильярное обращения: «старушка», «моя старушка». Вместо «здравствуй, мамочка!» кабацкое «привет тебе, привет!».

Известно, что Есенин немало зарабатывал. Поддерживал ли он материально своих родителей? Никакого другого ответа, кроме отрицательного, мы на этот вопрос не получим. При богатом, известном сыне-поэте его мать вынуждена выходить на дорогу в старомодном ветхом шушуне. Бедная женщина, вконец измученная нищетой, слезно просит сына о материальной помощи. Она пишет ему в своем письме:

«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки,
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому большие недостатки».

Далее бедная крестьянка жалуется на окружающую ее темноту и невежество, на свою безлошадность:

«Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме,
У нас нет лошади».
«Но если б был ты в доме, – продолжает она, –
То было б все,
И при твоём уме –

Пост председателя

В волисполкоме».

Конечно, в последнем бедная женщина заблуждается. Пьяниц председателей нам только не хватало! Но в остальном она права: больше проку было бы, если бы Сергей с малых лет ходил в поле за сохой. Гораздо лучше было бы всем!

Что же отвечает сын-поэт своей матери на ее слезные просьбы о материальной помощи? То, что от него и требовалось ожидать – «Забудь про деньги ты!», «Живи, как ты живешь!». Все же остатки совести не позволяют Есенину совсем отказать матери. Он обещает когда-нибудь, все-таки, выполнить ее просьбу:

«И, воротясь,

Тебе куплю платок,

Ну, а отцу

Куплю я штуки эти».

Но, трезво оценивания щедрость сына, мать знает, что ее просьба вряд ли будет выполнена, и, сколько бы у него не было денег, он не пошлет их в дом (стихотворение «Письмо от матери»).

Как же может такой эгоист служить примером для нашего подрастающего поколения!?

В статье 66 Новой Конституции СССР прямо указывается, что дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь. Есенин же, как мы видим, помощи родителям не оказывал и поэтому примером для нас являться не может.

Точно также Есенин не может являться и примером хорошего семьянина – детей своих он по свету раскидал, свою жену легко отдал другому (стихотворение «Письмо от матери»). Такие отцы и мужья нам не нужны!

Есенину также свойственно высокомерие и зазнайство. Он ствит себя выше общества, даже выше взрастившей его матери.

«Ты ни капли не поймешь –

Чем я живу

И чем я в мире занят», – крайне высокомерно заявляет он ей.

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях перед нами ярко раскрывается образ Есенина-алкоголика, Есенина- сквалыги, Есенина- зазнайки; мы здесь ясно видим, что мать свою Сергей не любил.

Идеализация Есенина-сына не имеет под собой, таким образом, никакой почвы. Нам остается только пожалеть о некомпетентности в этом вопросе указанных выше есениноведов М. Марининой и Л. Людмилиной и посоветовать этим дамам впредь не лезть не в свое дело, не садиться не в свои сани и в дальнейшем перейти на исследование более подходящих и понятных для них тем.

Главным итогом моей работы в Павловске стал бесценный опыт, который я приобрела. Я никогда не была из робкого десятка (помню, как мама удивилась, когда я выступила на выпускном вечере перед полным актовым залом выпускников и их родителей – даже спросила меня потом: «Как это ты не боялась выступать перед такой большой аудиторией?»). После же того, как я научилась справляться с 5б и 5в, мне уже совсем никто не страшен: ни ректор, ни министр, ни президент...

Я вернулась в Воронеж из Павловска в 1979 году, т.е. уже 35 лет назад, но по-прежнему ощущаю Павловск родным для себя местом. Первые годы после возвращения в Воронеж я ездила в Павловск на вечера встреч выпускников, уже много лет спустя меня пригласили туда на юбилей школы, и я тоже с большим удовольствием поехала, хотя мне для этого пришлось сократить на день свою командировку в Москву, которая совпала с юбилеем. Связи с Павловском у меня не потеряны и сейчас (в частности, на кафедре, которой я заведу, работает старшим лаборантом внучка моей Павловской коллеги Валентины Тимофеевны Чеботаревой Валя), и мне это очень приятно.

Завершить рассказ о Павловском периоде моей жизни я хочу замечательным стихотворением неизвестного автора, которое висело у нас на стенде в школе на лестничной клетке между вторым и третьим этажами и которое мне так понравилось, что я его запомнила:

*В жизни по-разному можно жить:
В горе жить, и в радости
Вовремя есть, вовремя пить,
Вовремя делать гадости.
А можно и так: на рассвете встать,
И, помышляя о чуде,
Рукой обнаженной солнце достать
И подарить его людям*

Руководство кафедрой

Заведование кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского университета занимает важную часть моей жизни. Заведовать этой кафедрой я начала с 1 сентября 2006 года. Честно признаюсь, что на тот момент заведование кафедрой в мои планы не входило, и я даже расстроилась, когда тогдашний заведующей нашей объединенной кафедрой английского языка проф. А.П. Бабушкин сказал мне, что ректор проф. В.Т. Титов внял его просьбе разделить кафедру на две – гуманитарных и естественных факультетов. У меня на тот момент было много творческих планов по Ассоциации преподавателей английского языка г. Воронежа и по работе в Национальном Объединении преподавателей английского языка, и я хотела сосредоточиться на них. В

то же время я понимала, что для интересов дела кафедру, состоявшую на тот момент более чем из 60 человек, надо разделить, и когда об этом заговорил со мной уже ректор В.Т. Титов, я согласилась.

Поначалу заведовать кафедрой мне не понравилось – было много всяких дел, не связанных с организацией учебного процесса. Очень много сил пришлось положить на то, чтобы отстоять существовавшие на кафедре до меня курсы английского языка для студентов, в результате удалось преобразовать их в существующий сейчас Центр углубленного изучения иностранных языков, который приносит пользу и студентам, и кафедре – за счет отчислений от работы Центра укрепляется материальная база кафедры, покупаются словари и учебные пособия, сотрудники ездят на конференции, выделяется материальная помощь в случае форс-мажорных обстоятельств, спонсируется проведение конкурсов среди студентов, издаются сборники и учебные материалы.

Постепенно мне заведование кафедрой начало нравиться – я поняла, что как заведующий могу принести пользу и сделать много полезного.

Когда я начала заведовать кафедрой, у нас было четыре стола, кресло и пять стульев – людям даже негде было сесть на перемене, поэтому большинство на кафедру даже не приходили. Сейчас у нас в нашем достаточно маленьком кафедральном помещении есть длинный стол и 16 «посадочных мест». На кафедре сделан ремонт и мебель на заказ (спасибо за это декану РГФ Н.А. Фененко), у каждого сотрудника есть ящик, в котором можно оставить книги. Есть большой шкаф для одежды, кондиционер, холодильник, аппарат для измерения давления, аптечка, фен, тепловентиляторы. Мы регулярно покупаем питьевую воду, на кафедре есть чайник и микроволновка, всегда есть кофе и чай. Есть у нас и красивые вазы для цветов, и много комнатных цветов в горшках, за которыми круглый год, включая и отпускное время, следит наш доцент М.А. Стрельникова.

Для работы есть сканер, ксерокс, 2 ноутбука, черно-белый и цветной принтеры, СД-плееры, закрепленные за кафедрой аудитории обеспечены словарями и плазменными телевизорами.

В качестве достижения отмечу также то, что за нами закрепили ауд. 231, где мы проводим занятия и где базируются материалы Ресурсного Центра Ассоциации преподавателей английского языка, а также ауд. 231а, где мы сделали ремонт и имеем возможность заниматься с аспирантами и магистрами.

Я неслучайно начала с материальной базы, потому что твердо уверена, что надо делать все, чтобы людям на кафедре было приятно и работать, и общаться, и просто находиться.

Если на кафедре приятно, то и работа идет хорошо. У нас много достижений. Мы осуществили переход на кардинально новые программы по английскому языку. Наша кафедра стала своего рода опытной

площадкой разработки новых рабочих программ и их апробации. Были подготовлены и изданы, а затем доработаны и переизданы учебные пособия для новых программ по сферам общения, разработаны новые рабочие программы для аспирантов и магистров, выработан новый формат итогового экзамена по английскому языку. Несомненно, очень большим достижением является издание сотрудниками кафедры Н.А. Ильичевой, И.В. Дроздовой и Т.В. Воробжанской учебного пособия для физиков, которое получило гриф НМС по Иностранным языкам Минобразования РФ. У нас работает постоянно действующий методический семинар кафедры, возглавляемый доц. И.Ю. Востриковой, под ее руководством разработаны и апробированы критерии оценивания презентации на итоговом экзамене.

На кафедре разработаны новые спецкурсы по деловому английскому (доц. М.А. Стрельникова) и подготовке презентаций (доц. И.Ю. Вострикова). Для студентов, желающих повысить свой уровень владения языком, при Центре углубленного изучения иностранных языков работают группы продвинутого этапа обучения английскому языку ф-та ПММ, с прошлого учебного года такие группы были открыты и на ФКН. Также при этом Центре функционируют разноуровневые курсы английского языка для студентов и аспирантов всех факультетов.

Важным моментом в учебной деятельности кафедры, несомненно, является проведение бесплатных занятий по английскому языку для неуспевающих студентов 1 курса из числа социально незащищенных слоев населения. Эти занятия у нас проводятся уже несколько лет силами молодых преподавателей кафедры (Степанова Д.А., Малыхина Н.И., Панкратова М.Е., Кочетова Н.В.).

На момент подписания приказа о создании кафедры в ее теперешнем виде в ее составе был один доктор филологических наук, профессор (зав. кафедрой) и один кандидат филологических наук, доцент (Н.М. Шишкина). Сейчас в составе кафедры, помимо профессора, три доцента и шесть кандидатов наук. Среди преподавателей кафедры две аспирантки и три соискательницы. На кафедре выпускается два продолжающихся научных издания – «Сопоставительные исследования» и «Английский для нефилологов. Проблемы ESP». Были также выпущены сборники тезисов проведенных силами членов кафедры двух международных конференций Национального Объединения преподавателей английского языка и сборник тезисов международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры, издана монография доцента М.А. Стрельниковой. На данный момент у всех членов кафедры ежегодно имеются публикации, члены кафедры активно участвуют в конференциях разного уровня, в том числе и международных, причем, как правило, ездим мы на такие конференции большой командой.

Помимо традиционного ФПК при ВГУ наши преподаватели за этот период имели возможность повысить квалификацию и за рубежом, в Америке (доц. Вострикова И.Ю., к.ф.н. Кривенко Л.А.) и Греции (доц. Стрельникова М.А.), а также на курсах, организованных в России американскими коллегами (Клименко Е.И. и Шелестова О.И.). Подавляющее большинство преподавателей кафедры прошли курсы разговорного английского с носителями языка из США Молли Перкинс, Джем Гонзалезом и Меридит Даблдэй, которые работали на нашей кафедре по программе Фулбрайт в качестве ассистента преподавателя. Все члены кафедры являются членами Воронежской Ассоциации преподавателей английского языка и активно участвуют в ее работе, 9 сотрудников кафедры являются членами Национального объединения преподавателей английского языка России. 15 преподавателей кафедры являются экспертами ЕГЭ, при этом двое имеют статус ведущего эксперта, и 7 человек – старшего.

В плане организационной работы и воспитательной работы со студентами на кафедре также имеются достижения. Мы провели три международных конференции, из них две – Национального Объединения преподавателей английского языка, приняли участие в организации и проведении трех городских конкурсов сочинений студентов на английском языке, провели конкурс сочинений, посвященный 90-летию ВГУ, городскую олимпиаду по иностранным языкам среди студентов неязыковых вузов, конкурс переводов на английский язык стихотворений Кольцова и Маршака. Большая внеаудиторная работа ведется все эти годы со студентами групп продвинутого этапа обучения английскому языку ф-та ПММ: традиционные первоапрельские вечера, вечера, посвященный 20-летию и 25-летию начала подготовки в этих группах, конкурс сочинений «Мой факультет через 20 лет». Отмечу также краеведческую проектную работу со студентами, проводимую доц. М.А. Стрельниковой. Наши студенты неоднократно побеждали на городских и Всероссийских конкурсах.

На кафедре сложились свои традиции: культпоходы в театр или кино по окончании учебного года, празднование Дня учителя, 8 марта и Нового года. Всем коллективом мы ходили в боулинг и цирк, ездили в заповедник на Галичьей Горе, в сафари -парк «Кудыкина Гора» в Липецкой области, в Графский заповедник. Проведено несколько фотосессий сотрудников, к 50-летию создания кафедры издана брошюра об ее истории. Уже четвертый год мы выпускаем для преподавателей кафедральный ежедневник на учебный год, где есть и расписание звонков, и календарь, и телефоны и дни рождения сотрудников кафедры, и разграфленные листы для учета посещаемости и успеваемости.

Признаюсь, что я, как говорят англичане, crazy (букв. – помешана), по поводу разного рода сувениров с символикой кафедры. У нас были

настольные календари с фотографией членов кафедры, есть ручки, пакеты, кружки и даже елочный шарик и полотенца с символикой кафедры. Все это есть у сотрудников, а также представлено в небольшом кафедральном музее.

Мы с Людой Кривенко регулярно, в конце каждого учебного года, продолжаем папку истории нашей кафедры, куда заносим фоторепортаж о всех основных событиях, произошедших на кафедре за учебный год.

И, наконец, у нас есть Гимн кафедры, который сочинили мы с Мариной Анатольевной Стрельниковой, и которым мы по уже сложившейся традиции открываем и закрываем очередной учебный год.

Мне самой этот гимн очень нравится, поэтому не могу отказать себе в удовольствии привести его здесь:

Гимн кафедры английского языка естественно-научных факультетов

(Музыка А. Городницкого, слова – М. Стрельниковой и М. Стерниной)

Когда на сердце тяжесть, и холодно в груди
Не размышляя долго, на кафедру приди.
Чайком тебя напоят, послушают, поймут,
Дадут совет и даже в науку приведут. (2 раза)

Английскому научим мы всех, кому не лень:
И физиков, и химиков, и даже ФКН.
Геологи, географы – они заговорят!
На нашем милом Инглише обсудят все подряд. (2 раза)

Провизоры, биологи, а также ПММ
Поддержат математиков в исследовании тем.
Пусть трудности в английском растут день ото дня,
Для наших умных studentов все это ерунда. (2 раза)

Проводим конференции, программы создаем,
И КИМы составляем, и журналы мы ведем.
Нас свет дневной не радует, нам ночью не до сна
Коль аудит заявится на кафедру с утра. (2 раза)

Когда же вдруг появится случайный выходной,
Мы кафедрой встретимся и всех возьмем с собой.
В театр и в кино пойдём, а, может, вечером
Мы посидим на кафедре, любимый гимн споем. (2 раза)

И, самое главное, у нас на кафедре сложилась хорошая команда, чему я очень рада, и что наглядно продемонстрировало наше последнее большое дело – проведение 20-й юбилейной конференции Национального Объединения преподавателей английского языка России.

Научная работа

Если с устройством на работу, получением должности доцента и профессора у меня было много проблем, то моя научная судьба оказалась (тьфу- тьфу- тьфу!) очень удачной. Я всегда говорю по этому поводу, что сама себе завидую. Тему моей первой научной работы мне сформулировал Иосиф. Он тогда был на втором курсе заочной аспирантуры в Институте языкознания Академии наук СССР, я заканчивала первый курс РГФ. Курсовой по лингвистике у нас не было, но я очень хотела что-нибудь лингвистическое делать и просила, чтобы Иосиф мне что-нибудь посоветовал. Тогда он велел мне прочитать учебник Реформатского по введению в языкознание, а когда я добросовестно его осилила, придумал мне тему исследования – предложные наречия английского языка *up* и *down*. Я этими наречиями и занялась, а наш веселый папа придумал для них другое название – *an* и *han*.

Потом список предложных наречий увеличился, я написала по ним курсовую работу и диплом. Эти же наречия, разумеется, наряду с другими, были исследованы в моей кандидатской диссертации, посвященной типам наречного слова в русском и английском языках, да и в мою докторскую диссертацию они тоже вошли. Идея, которую я защищала в своей докторской диссертации – идея интегральной концепции полисемии по-существу впервые зародилась у меня еще на студенческой скамье, когда я начала описывать лексико-грамматическую полисемию и лексико-грамматическую вариантность. Редко кто может похвастаться аналогичной ситуацией, чаще всего подобную преемственность в исследованиях сохранить не удастся. А у меня в докторскую диссертацию вошла целая страница текста из моей дипломной работы.

Первая моя научная публикация вышла, когда я была на 5 курсе. Во времена СССР сборников было не так много, и публиковаться было сложно, публикация же студентки во «взрослом» сборнике вообще была очень редким событием. Сборник назывался «Вопросы терминологии и лингвистической статистики», статья моя была по статистике и была посвящена опыту выявления зависимости между частотой значения слова и характером текста. Напечататься в этом сборнике мне помог Борис Николаевич Гвоздович, который был специалистом по лингвостатистике и читал на филфаке соответствующий спецкурс. Я, хотя и училась на другом факультете, ходила к нему на этот спецкурс и прониклась идеями лингвистической статистики. До меня к статистике приобщился Иосиф, и Борис Николаевич шутил, что Иосиф его научный ребенок по

лингвостатистике, а я – научный внук. Так сложилось, что больше я проблем лингвостатистики не касалась, но отдельные термины, типа «критерий Пирсона», запомнила на всю жизнь.

Когда я поехала работать по распределению в Павловск Воронежской области, Иосиф прислал мне туда словарь Мюллера с такой припиской «Посылаю тебе словарь товарища Мюллера, теперь ты у него под колпаком». В Павловске я старалась выкраивать время на науку, работала со словарем, читала художественную литературу и выбирала примеры. После возвращения в Воронеж меня стала консультировать Зинаида Даниловна Попова, а через некоторое время я поступила к ней в заочную аспирантуру.

Помню, как я обрадовалась, когда Зинаида Даниловна предложила мне поступать в аспирантуру. В это время (начало 80-х годов прошлого века) Зинаида Даниловна была практически единственным человеком, который руководил работой над кандидатскими диссертациями по лингвистике в Воронеже, поэтому в день, когда она консультировала аспирантов, все приходили и занимали к ней очередь. Зинаида Даниловна терпеливо работала с каждым, мгновенно переключаясь с одной темы на другую. При этом она, как ни странно, замечала практически все, что происходило вокруг. Мне заполнился такой вот небольшой случай: я в то время работала в учебном отделе, у меня были определенные часы работы, и я не могла надолго уходить. Поэтому я попросила Иосифа, который работал на кафедре Зинаиды Даниловны и был в день ее консультаций в университете, занять мне очередь. Когда я подошла во время своего перерыва, была как раз моя очередь, и я буквально через пять минут под села к Зинаиде Даниловне. А она посмотрела на меня и сказала «Вообще-то, ко мне очередь» – она заметила, что я только что пришла и села к ней без очереди. Мои объяснения, что Иосиф мне занимал очередь, ее удовлетворили, и консультация состоялась.

Навсегда мне запомнился и еще один момент, связанный непосредственно с работой над диссертацией. Зинаида Даниловна предложила начать описание с русского материала, что я и сделала. Русская глава ее полностью удовлетворила, и я начала работать над английской частью. Однако тут произошла загвоздка, и притом очень существенная – оказалось, что ввиду намного большей многозначности английских лексем, при сохранении той же системы подачи материала английская глава оказывалась слишком объемной и не вписывалась в рамки диссертации. Встал вопрос – что же в этом случае делать? И Зинаида Даниловна сказала: «Надо подумать, как изменить способ подачи материала. Это дело не быстрое, приходите ко мне домой – там спокойно и подумаем». Я пришла к ней, мы часа три сидели в ее маленьком кабинетике, перебирая возможные варианты, и, наконец, придумали создать типологию наречий и строить описание, исходя из нее. В

результате работа получилась четкой и компактной. А идею типологии я использовала далее и в докторской.

Год, в который я защитила кандидатскую диссертацию – 1984 – был для Зинаиды Даниловны на редкость урожайным по защитам, в этот год у нее защитилось 7 человек. Банкеты в то время были запрещены, и мы каждую защиту отмечали через некоторое время у вновь испеченного кандидата наук дома. Зинаида Даниловна всегда дарила виновникам торжества подарки, при этом обязательно объясняла, почему она дарит именно этот подарок. Мне она подарила очень изящное украшение с кулоном округлой формы, объяснив, что это мне медаль за гладкую защиту. Я с гордостью носила это украшение, а, если меня спрашивали, что это такое, с не меньшей гордостью сообщала, что это медаль от моего научного руководителя.

Замечу, что теперь, когда у меня появились свои аспиранты, я тоже дарю им подарки после защиты. И хотя сейчас банкеты в день защиты вновь в моде, я через некоторое время устраиваю домашние отмечания защит в кругу других аспирантов и соискателей, как это мы делали с Зинаидой Даниловной.

Поскольку у меня был уже большой задел, мне удалось защитить диссертацию досрочно – за 2.5 года вместо положенных в заочной аспирантуре четырех. Защищала диссертацию я в Саратовском госуниверситете, поскольку в Воронеже совета по общему языкознанию в то время не было. Конечно, были дополнительные трудности, связанные с организацией защиты в другом городе, к тому же, как раз в тот период, когда моя диссертация была на рассмотрении, надолго заболела председатель совета Лидия Ивановна Баранникова, и я не была уверена, смогут ли принять мою диссертацию к защите. Но все, к счастью, обошлось, причем гораздо меньшей кровью, чем у других воронежцев, которые защищались в этом совете до и после меня – мне не пришлось расплетать свою диссертацию и переделывать ее, как другим, и 25 мая 1984 года я диссертацию защитила.

А через 16 лет, 24 февраля 2000 года, уже в Воронеже я защитила и докторскую диссертацию, причем тоже досрочно. Я была на два года переведена на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над диссертацией, а защитилась через год, так что мне даже не пришлось отчитываться на Большом ученом совете о ходе работы над диссертацией – такой отчет требовался в конце первого года пребывания на этой должности.

Моим консультантом по докторской тоже была Зинаида Даниловна. Во время работы над докторской мы не так часто встречались с Зинаидой Даниловной, как при работе над кандидатской, что естественно, ведь докторская – намного более самостоятельное исследование. Но Зинаида Даниловна полностью прочитала мою работу, внесла свои замечания, кое-

что уточнив в русской части материала – и я была спокойна, что все в порядке.

Научная работа мне нравилась всегда, тем более, что перед глазами у меня был пример папы, который постоянно занимался и что-нибудь писал, а позже – и пример Иосифа. Крупным научным работником я себя никогда не считала и не считаю, но кое-что вполне достойное в научном плане мне на данный момент сделать удалось.

На данный момент у меня 248, публикаций, из них 7 монографий (2 индивидуальные, остальные – коллективные) и 6 словарей, изданных в соавторстве с моими аспирантами. Еще одна монография должна выйти к моему юбилею.

Мною разработана интегральная концепция полисемии, согласно которой полисемия возможна на двух уровнях: лексическом и лексико-грамматическом (частеречном). Полисемия на лексическом уровне – это лексическая полисемия, т.е. полисемия в традиционном понимании этого слова. Полисемия на лексико-грамматическом уровне является лексико-грамматической полисемией.

Основанием для включения семем с разными частеречными семами в семантему одного и того же многозначного слова служит, как и в случае «обычной», лексической полисемии, реально ощущаемое в синхронии наличие семантической связи между семемами, то есть их семантическая производность.

Лексико-грамматическая полисемия существует в двух видах: собственно лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность. Лексико-грамматическая вариантность представляет собой более простой случай лексико-грамматической полисемии слова – если при лексико-грамматической вариантности семемы различаются лишь категориально, то при лексико-грамматической полисемии они различаются как категориально, так и лексически. Условием отнесения разнокатегориальных семем к одной лексеме в первом случае служит идентичность лексических значений, во втором – их семантическая производность.

Предложенная интегральная теория полисемии охватывает два уровня полисемии слова (лексический и лексико-грамматический) и три ее вида – лексико-грамматическую полисемию, лексико-грамматическую вариантность и лексическую полисемию. При этом лексико-грамматическая полисемия, предусматривающая многозначность как на лексическом, так и на лексико-грамматическом уровне, как бы интегрирует, объединяет в себе и лексическую полисемию, и лексико-грамматическую вариантность.

Полисемия, согласно предложенной концепции, пронизывает две основные составляющие системы языка – лексику и грамматику, чем еще раз подчеркивается их неразрывное единство.

Еще одним направлением моих исследований совместно с группой моих аспирантов является разработка типологической классификации межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности. На основе анализа русско-английских субстантивных, адъективных и глагольных межъязыковых лакун разработана единая типология межъязыковых лакун различной частеречной отнесенности, основывающаяся на причине лакунарности, т.е. причине, по которой в исследуемом языке наблюдается лакуна. Такой причиной признается отсутствие в исследуемом языке либо соответствующего обобщения, либо соответствующей конкретизации по определенному признаку. Согласно данной типологии, все межъязыковые лакуны подразделяются на обобщающие, конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие лакуны.

Выделен целый ряд типологических подтипов: симультанные, вариативные и консекутивные обобщающие лакуны; эксплицитно-обобщающие и имплицитно-обобщающие лакуны; дизъюнктивные, конъюнктивные и дизъюнктивно-конъюнктивные обобщающие лакуны; конкретизирующие и обобщающе-конкретизирующие лакуны с денотативным расширением и денотативным ограничением.

Данная типологическая классификация была предложена для русско-английских межъязыковых лакун, но может быть с успехом применена и для описания лакун в других языках.

Совместно с Иосифом нами разрабатывается новый метод лингвистических исследований – сопоставительно-параметрический. Суть данного метода заключается в разработке и использовании для описания языков и концептосфер формализованных параметров и шкал.

Метод предлагает две принципиальные исследовательские описательные процедуры – *индексализация* параметров и *шкалирование* выявленных различий. Предлагаемые в рамках сопоставительно-параметрического метода формализованные параметры позволяют преодолеть извечный субъективизм семантических исследований и придать достаточно субъективным наблюдениям лингвистов объективный количественный характер, применение же соответствующих шкал позволяет дать представленным в количественном виде данным объективные качественные характеристики.

Сопоставительно-параметрический метод может быть использован и уже используется для сопоставительных, контрастивных и внутриязыковых исследований лексических группировок, семантем, сем, концептов, сопоставления текстов перевода и оригинала, применяется для создания семантической типологии языков.

С использованием данного метода защищено 25 кандидатских диссертаций, опубликовано более 300 научных статей. В арсенале исследователей на данный момент имеется 164 представленных в виде

индексов формализованных параметра, а также 6 шкал для интерпретации полученных результатов.

Также совместно с Иосифом я занималась вопросами изучения американского и английского коммуникативного поведения, имею много публикаций по этим вопросам, неоднократно выступала с докладами об американском и английском коммуникативном поведении на Всероссийских и международных конференциях, включая международные конференции в США и Канаде, была соруководителем совместного исследовательского проекта с Нью-Йоркским отделением международной Ассоциации преподавателей английского языка говорящим на других языках TESOL по изучению русского и американского коммуникативного поведения в дидактических целях. В 2002 г. была награждена Дипломом ВВЦ за цикл исследований «Американское коммуникативное поведение», а в 2007 г. получила Дипломом конкурса «Лучшая книга по коммуникативным наукам и образованию» на 2006-2007 академический год за учебное пособие «Английское и американское коммуникативное поведение».

Еще одним направлением моей научной деятельности стали вопросы методики преподавания английского языка для специальных целей. Эти вопросы я разрабатываю в соавторстве с Л.Г. Кузьминой, а также коллегами из Москвы Е.Н. Солововой и М.В. Вербицкой. Вместе с ними я являюсь соавтором рекомендованной Минобрнауки в качестве примерной программы по Иностранному языку для неязыковых вузов и факультетов.

Важным направлением моей научной деятельности является также выпуск двух продолжающихся научных изданий, где я являюсь научным редактором: «Сопоставительные исследования» (выходят с 2004 г., издано 11 выпусков) и «Английский для нефилологов. Проблемы ESP» (издано 5 выпусков).

Общественная работа

Когда меня спрашивают, какое у меня хобби, я неизменно говорю, что люблю путешествовать, но больше всего люблю что-нибудь организовывать. Мои друзья и ученики порой предлагают заняться оформлением документов на звание «Заслуженный деятель науки», но я всегда отвечаю, что на такое звание ни коим образом не претендую, а вот, если бы было звание «Заслуженный организатор РФ», я бы на него претендовала.

Вспоминается один случай. Дело было несколько лет назад, в 2009 г. Была уже середина июля, и все были в отпуске. Мы со старшим лаборантом и моей главной помощницей Людой Кривенко сидели на кафедре и, будучи совершенно без сил от жары и духоты (кондиционера у

нас тогда еще не было) доделывали какие-то кафедральные документы. Нам оставалось еще дописать историю кафедры за прошедший год, что мы с ней традиционно делали в конце учебного года. И тут вдруг, просматривая папку с историей кафедры, я обнаружила, что в сентябре исполняется 50 лет со дня образования нашей кафедры. Откуда-то сразу взялись силы, и мы тут же наметили, как будем праздновать: проведем конференцию, выпустим сборник. Мою усталость как рукой сняло.

Сколько я себя помню, я всегда занималась общественной работой, причем всегда делала это с энтузиазмом и с большим удовольствием. В школе занималась пионерской работой, была комсоргом и членом Комитета комсомола. Моя первая статья, опубликованная в журнале ЦК ВЛКСМ «Комсомольская Жизнь», была посвящена описанию опыта комсомольской работы нашего 10В класса 74-й Воронежской школы. Эта статья вышла в мае 1971 г., в июне начались выпускные экзамены, перед каждым из которых наш школьный библиотекарь, которая получала и разбирала всю школьную почту, вручала мне с десятков писем на мое имя. На конвертах значилось: г. Воронеж, средняя школа №74, Марине Стерниной. В основном это были письма от солдат и начинались они одинаково: «Здравствуй, Марина! Ты, конечно, удивишься, получив это письмо. Я случайно зашел в Ленинскую комнату, и прочитал в «Комсомольской жизни» твою статью». Далее следовала небольшая информация об отправителе с указанием сроков дембеля и просьбой прислать фотку. Таких писем я получила около 70. В то время на экраны вышел фильм «Семь невест ефрейтора Збруева», а у меня оказалось около 70 женихов. Среди этих писем было несколько, где ставились вопросы организации комсомольской работы, на эти письма я ответила.

В университете я была комсоргом курса, работала в студенческом научном обществе, в отряде «Абитуриент», все пять лет учебы была внештатным корреспондентом газеты «Воронежский университет».

Во время работы по распределению в Павловске сначала была секретарем учительской комсомольской организации, потом комсоргом школы, членом райкома комсомола. Регулярно печаталась в районной газете «Маяк Придонья».

Во время работы в учебном отделе университета по поручению партбюро курировала работу комсомольской организации учебного отдела и ТСО. Когда прошла по конкурсу на кафедру английского языка естественных факультетов, на общественных началах вела занятия по английскому языку в рамках ФОПа (факультета общественных профессий – был тогда такой), вместе с коллегой Кларой Ромм (ныне, к сожалению, покойной) организовывали олимпиады по английскому языку для студентов, которые проходили не традиционно в виде тестов, а в форме КВН на английском языке.

В последние годы много занимаюсь пропагандой английского языка и вопросами организации повышения методической подготовки преподавателей английского языка. В частности, я была одним из организаторов Ассоциации преподавателей английского языка г. Воронежа, инициатива создания которой принадлежала в то время заведующей кафедрой иностранных языков лесотехнического института доценту Н.И. Базарской. Несколько лет я была вице-президентом Ассоциации, а с конца 1996 года являюсь ее президентом. С 1998 года я являюсь редактором Бюллетеня Национального Объединения преподавателей английского языка России, уже в течение ряда лет являюсь вице-президентом NATE. Многие годы являюсь членом Президиума Научно-методического Совета по иностранным языкам Минобрнауки РФ и председателем его Центрально-Черноземного отделения. Являюсь также членом научно-методического совета ФИПИ по иностранным языкам, экспертом по иностранным языкам Российского совета олимпиад школьников.

На моем счету целый ряд проектов, связанных с английским языком. В первую очередь это группы продвинутого этапа обучения английскому языку факультета ПММ, которые были организованы по моей инициативе уже 26 лет тому назад. Когда я прошла по конкурсу на кафедру, мне дали нагрузку на разных факультетах, но больше всего часов у меня оказалось на ПММ. Сразу бросилось в глаза, что практически в каждой группе есть студенты, чьи знания английского намного лучше, чем у одноклассников, при этом эти студенты, при наличии в группе намного более слабых, были практически лишены возможности двигаться вперед и совершенствовать свой язык. И у меня возникла идея объединить этих студентов в одну группу, чтобы они могли учиться более эффективно. В деканате ПММ меня поддержали и тогдашний декан доцент А.П. Алабовская, и, особенно, зам. декана, а позже – декан В.В. Юргелас. В результате летом 1988 года сразу после вступительных экзаменов в университет я провела отбор в первую группу продвинутого этапа обучения английскому языку факультета ПММ. На первых порах в этой группе не было никаких дополнительных часов, мы занимались ровно столько же, сколько студенты в обычных группах, но сделать, естественно, смогли намного больше. Потом было решено продлить обучение языку в этой группе до четырех лет. Постепенно мы пришли и к увеличению количества часов в неделю – шесть (против 2-3 в обычных группах). Выработалась и оптимальная программа подготовки. Первые годы работы в группах факультет выделял нашей кафедре определенную долю ставок для обеспечения учебного процесса, вследствие чего занятия для студентов были бесплатные, а преподавателям они включались в нагрузку. Начиная с 1999-2000 учебного года, когда все дополнительные образовательные

услуги стали переводиться в разряд платных, занятия в наших группах тоже стали платными.

Первоначально я работала в группах продвинутого этапа обучения одна, потом ко мне на какое-то время мне присоединились К.П. Ромм и Е.А. Княжева. Сейчас у нас на кафедре целая группа преподавателей, которые работают в этих группах. И набираем мы на первый курс уже не одну, а две группы. Руководит организацией работы в группах моя молодая коллега Е.В. Воронина, но я по-прежнему чувствую ответственность за этот проект, и принимаю в нем активное участие: веду одну из групп, участвую в организации ежегодных вечеров для студентов на английском языке, в прошлом году, когда мы торжественно праздновали 25-летие групп, вместе с коллегами приняла участие в создании Гимна продвинутых групп на мотив известной американской песни «This land is your land». Пользуясь случаем, приведу текст этого гимна:

Hymn of Advanced English Groups

This group is your group This group is my group
To perfect English in it we troop;
We study here not only English
This group was made for you and Me.

I've roamed and rambled and I followed my teachers
To the sparkling top a student reaches;
And all around me a voice was sounding:
This group was made for you and me.

No trouble can keep from English away
As I go walking English language highway;
Nobody living can ever stop me,
This group was made for you and me.

This group is your group This group is my group
To perfect English in it we troop;
We study here not only English
This group was made for you and Me.

На данный момент наши группы окончили уже более 300 студентов. Все они активно используют английский язык в своей профессиональной и личной жизни. Четверо выпускников групп защитили диссертации в США и Австралии, 11 человек прошли включенное обучение в США по программам бакалавриата, либо учились там в магистратуре. Около 100 человек работают за рубежом или в зарубежных компаниях.

Студенты наших групп выиграли несколько городских олимпиад по английскому языку, дважды выигрывали университетские конкурсы сочинений на английском языке, несколько раз занимали призовые места, в том числе, и первое, в городских конкурсах сочинений на английском языке, дважды становились победителями Всероссийских конкурсов сочинений на английском языке, трижды выигрывали университетские и городские конкурсы переводов стихотворений с русского на английский.

Уже 18 лет я являюсь редактором студенческой газеты на английском языке «Never Before» – приложения к газете «Воронежский университет», которое издается также прежде всего силами студентов наших групп. Это единственная студенческая газета на английском языке в России, и с самого начала она была по-настоящему студенческой. Ребята из моей первой редколлегии: Ира Басистая, Сергей Крысанов, Костя Демченко, Ира Шестова даже поочередно дежурили в типографии при выпуске газеты, поскольку всегда что-то не помещалось, и требовалось сократить. Сейчас процесс выпуска газеты в связи с компьютеризацией всего процесса верстки проходит намного легче и в типографии при выпуске газеты дежурить не приходится – я просто хожу туда на верстку, но газета все равно остается студенческой – в нее пишут студенты для студентов. Не хвастаясь, скажу, что наша «Never Before» намного живее и интереснее, чем сама университетская многотиражка «Воронежский Университет».

Мне очень нравится организовывать что-нибудь для студентов и со студентами. И я очень рада, что мои молодые коллеги меня в этом поддерживают. Так, когда мы проводим для студентов ставшие уже традиционными первоапрельские вечера на английском языке, мы сами делаем медали для лучших артистов и для тех, кто продемонстрировал лучший английский, а Лена Воронина ходит и покупает торты на призы. Не думаю, что много наберется в университете кафедр, где бы преподаватели делали что-либо подобное для студентов.

С самого начала работы нашей Ассоциации преподавателей английского языка г. Воронежа мы взяли установку на работу со школьниками и студентами и начали проводить конкурсы сочинений на английском языке. Сначала это были городские конкурсы, на первый из них, на тему «The English Language and Me» призы собирали сами – принесли свои художественные книги на английском языке и подарили победителям среди студентов и школьников. Начиная со второго конкурса, призы нам выделяют спонсоры – отдел преподавания английского языка Посольства США в Москве и представительство издательства Cambridge University Press. Постепенно наши городские конкурсы переросли во Всероссийские, и мы стали их проводить под эгидой NATE. Эти конкурсы неизменно вызывают большой интерес, в них принимают участие все больше и больше Ассоциаций – членов NATE. В общей сложности у нас проведено

уже 10 таких конкурсов. Лучшие работы, а это бывают и эссе, и стихи, и притчи, и пьесы мы печатаем в «Never Before».

Организовывала я и конкурсы переводов стихов. Один раз это был конкурс переводов на русский язык стихотворения “The Manger” ирландского поэта, лауреата Нобелевской премии С. Хини, которое привез в Воронеж Ирландский посол мистер Шарк, приезжавший на открытие Ирландского Центра в ВГУ. Конкурс этот мы объявили в газете «Never Before» и там же напечатали переводы победителей. А еще два конкурса были посвящены переводам на английский язык стихотворений наших земляков Алексея Кольцова и Самуила Маршака и были посвящены соответственно году Кольцова и году Маршака в Воронежской области. Конкурс переводов стихотворения А.В. Кольцова мы проводили только в рамках ВГУ, а конкурс переводов Маршака – среди студентов всех воронежских вузов. Одновременно среди школьников аналогичный конкурс переводов проводила школа иностранных языков «Интерлингва». Нам удалось придумать интересные, на мой взгляд, призы. Так, за конкурс переводов Кольцова победители получили конфеты Воронежской кондитерской фабрики «Песни Кольцова», а участники – шоколадки «Золотой фонд». За конкурс переводов Маршака все участники, помимо дипломов и благодарственных писем, получили сборник переводов английских поэтов С.Я. Маршака, а победители – еще и объемные английские толковые словари.

Из проектов, которыми я занималась, хочу отметить еще один. Это был совместный проект Национального Объединения преподавателей английского языка России и отдела преподавания английского языка Посольства США в Москве. Задачей было провести Всероссийский конкурс рефератов студентов на английском языке по американистике с целью пропаганды борьбы с плагиатом. Возглавить этот проект меня попросил тогдашний атташе по вопросам преподавания английского языка Посольства США в Москве Дэвид Фей, которому я не могла отказать.

Проект этот мы с моими коллегами Л.Г. Кузьминой и И.Ю. Востриковой провели, и достаточно успешно. Это был единственный проект, за организацию которого я получила от Посольства гонорар. В то же время это был единственный проект, от проведения которого я особого удовольствия не получила – заказчиками проекта я сразу была поставлена в жесткие рамки, каким он должен быть, а мне всегда гораздо приятнее самой что-то придумать и это осуществить.

Много лет я возглавляю Центрально-Черноземное отделение научно-методического Совета по иностранным языкам Минобрнауки РФ. Из той работы, которую мы в нем проводим, хочу отметить студенческие олимпиады по иностранным языкам среди студентов неязыковых вузов, которые мы по моей инициативе возродили после долгого перерыва. По общей договоренности эти олимпиады проводятся всеми воронежскими

вузами по очереди. На данный момент проведено уже 15 олимпиад, вузы начали проводить их уже по второму кругу, при этом во втором круге, который, как и первый, начался с Воронежского университета, олимпиада стала проходить не в традиционной форме тестов по лексике и грамматике, а в виде командного соревнования вузов. Такие олимпиады намного интереснее для студентов, и мы так собираемся проводить и впредь.

Наши олимпиады традиционно поддерживались Департаментом образования, науки и молодежной политики Воронежской области, но последние годы получить деньги на призы для студентов оказывается все труднее и труднее. Так, в 2013 году мы до последнего не знали, выделят нам деньги для награждения победителей Олимпиады (а она проходит по трем языкам: английскому, немецкому и французскому), или нет. Как-то, в очередной раз, позвонив в Департамент Г.А. Козбергу, который занимался вопросами профессионального образования, чтобы поинтересоваться, найдут ли они деньги, и в очередной раз получив ответ, что еще ничего не известно, я твердо заявила, что мы все равно Олимпиаду проводить будем. Мой ответ, видимо, произвел впечатление, и мне было сказано: «Марина Абрамовна, мы Вашу Олимпиаду поддержим». И, действительно, деньги нам выделили.

А вот в 2014 году деньги на призы для студентов нам выделили беспрекословно, но это явилось побочным результатом моей борьбы по другому вопросу, о котором я подробнее напишу в главе под названием «Борьба за очевидное».

В заключение хочу остановиться еще на организации конференций. Я была организатором нескольких конференций Воронежской Ассоциации преподавателей английского языка, участвовала в организации нескольких методических конференций в ВГУ, помогала Иосифу организовывать конференции молодых ученых филфака, была членом оргкомитета ряда конференций Национального Объединения преподавателей английского языка России, а в трех таких конференциях, проходивших в Воронеже на базе ВГУ, была председателем оргкомитета. Это были четвертая, тринадцатая и юбилейная двадцатая конференции NATE, соответственно в 1997, 2007 и 2014 годах. Все эти конференции прошли успешно, все они полностью отвечали своим девизам: «The Pleasures and Joys of TESOL», «Teaching Professional English – Enjoying Professional Communication», «Festival of Teaching, Festival of NATE», и участники получили удовольствие как от профессионального, так межличностного общения. При проведении всех конференций у нас работала замечательная слаженная команда, что особенно ценно и приятно. Последняя юбилейная конференция была проведена особенно солидно – даже регистрация на нее впервые в истории конференций NATE проводилась в электронной форме.

А еще мы с коллегами придумали для NATE гимн, этот гимн необычный – в нем перечисляются все города, где побывала конференция NATE,

поэтому каждый год текст гимна дополняется. Вот так он звучал на нашей последней юбилейной конференции в Воронеже:

Гимн NATE - 2014 год

*Не сразу всё устроилось,
И NATE не сразу строилась,
С TESOLa начиналось всё,
Как знаем мы, в Москве.
Снегами запорошена,
Листвою заворожена,
Нашла друзей себе она
По всей большой стране.*

*То Воронеж, то Самара,
То Тамбов, а то Саратов,
Стала NATE для всех судьбою и любовью навсегда.
Нижний Новгород старинный,
Новосибирск гостеприимный,
Томск и Курск, Ижевск и Владик
Будут помнить NATE всегда.
Калининград, Сургут, Челябинск,
Будут помнить NATE всегда.
Ярославль, Челябинск, Владик
Будут помнить NATE всегда.*

*The NATE has returned to Voronezh
To Black Soil Region again,
We gathered to share ideas,
To listen, to speak and make friends.*

*Let's meet, let's meet
To share ideas again and again, } 2 раза
Let's meet, let's meet
To listen, to speak and make friends.*

Персоналии

В этом разделе я хочу рассказать о тех людях, которые оказали на меня особое влияние. Об одном из таких людей – моем научном руководителе Зинаиде Даниловне Поповой я уже рассказала в разделе о своей научной работе. Сейчас хочу рассказать еще о двух людях.

Самым уважаемым человеком для меня в нашем университете является бывший начальник учебного отдела ВГУ, а ныне ученый секретарь Совета ректоров вузов Воронежской области Владимир Семенович Листенгартен. Я знакома с ним уже почти 35 лет – с ноября 1979 года, когда пришла работать в руководимый им учебный отдел ВГУ. Работать с Владимиром Семеновичем было одно удовольствие, он представлял и представляет собой крайне редкий как в советские времена, так и теперь, вид интеллигентного чиновника. Владимир Семенович всегда поддерживал выдвигаемые мной инициативы, а все, что поручал сделать, было очень хорошо продумано и аргументировано.

Все эти 35 лет, что я знаю Владимира Семеновича, я не перестаю поражаться его удивительной мудрости, широкой образованности, работоспособности, интеллигентности, тактичности и человечности. Без преувеличения можно сказать, что в университете нет ни одного сотрудника, который бы хоть раз за время своей университетской жизни не обратился к Владимиру Семеновичу и не получил от него добрый совет и реальную помощь. Кем бы ни был Владимир Семенович – начальником учебного отдела, помощником ректора, ученым секретарем совета университета, ученым секретарем совета ректоров г. Воронежа – он всегда готов помочь людям.

Нам с Иосифом Владимир Семенович помогал несколько раз. Когда скоропостижно умерла наша мама, именно Владимир Семенович помог нам получить разрешение на захоронение ее на так называемых «Баках» - кладбище, расположенном на левом берегу, недалеко от нас. Сейчас там покоятся уже и мама, и папа, и мы каждый раз приезжая навестить их, мысленно благодарим Владимира Семеновича за эту оказанную уже много лет назад помощь.

Владимир Семенович очень деятельно помогал мне с устройством на работу, когда я после защиты диссертации попала в разгар так называемой «борьбы с родственниками» (подробнее об этой кампании см. в разделе «Борьба за очевидное»), поддерживал он меня, и когда я уже после защиты докторской никак не могла получить должность профессора.

Владимир Семенович подвиг меня на несколько крупных дел. Так, идея выпуска приложения к газете «Воронежский университет» на английском языке, которое я выпускаю уже 18 лет, и которое получило название «Never Before», принадлежит Владимиру Семеновичу. Так же, как и мой папа, Владимир Семенович настойчиво советовал меня заняться докторской, и даже пришел и выступил на моей защите.

Владимир Семенович является кандидатом исторических наук, доцентом, много лет с успехом преподавал на кафедре Истории КПСС ВГУ, но, все-таки, главное для него – это административная работа, где он просто незаменим. Владимира Семеновича хорошо знают во всех вузах нашего города и во многих вузах нашей страны. Его часто включали во

всякого рода комиссии при Министерской проверке вузов. Когда я бываю на конференциях в разных вузах, и люди узнают, что я из Воронежского университета, меня очень часто просят передать привет Владимиру Семеновичу.

Вся сознательная жизнь Владимира Семеновича связана с Воронежским университетом. Здесь он учился, здесь он работает уже в течение 50 лет. «Не по службе, а по душе» Владимир Семенович является главным хранителем университетских традиций. Он помнит целую плеяду университетских ректоров и знает каждому из них цену, помнит обо всех университетских ветеранах и знает, кого когда надо поздравить. Именно Владимиру Семеновичу принадлежит уже прочно вошедшее в университетский обиход определение «университетский человек», воспринимаемое теми, кому оно адресовано, как самый лучший комплимент.

А еще Владимир Семенович очень любит книги, много читает и много пишет. В день рождения Владимира Семеновича в прошлом году состоялась презентация его очень интересной книги, которая могла быть задумана и написана только им. Книга эта посвящена 95-летию ВГУ и называется «Книги о людях Воронежского государственного университета». Сейчас Владимир Семенович задумал еще одну крайне интересную книгу, которую, опять же, кроме него, никто бы не мог задумать – «Университет от А до Я». Мне посчастливилось заглянуть в подготовленный им словник для этой книги, и я с нетерпением буду ждать ее появления.

И еще об одной очень яркой личности, встретившейся на моем пути, хочу здесь рассказать. Это Светлана Григорьевна Тер-Минасова.

Светлану Григорьевну я впервые увидела в сентябре 1991 г. на конференции в Звенигороде. Конференция была первым совместным мероприятием двух новых профессиональных Ассоциаций: созданной Светланой Григорьевной Московской Ассоциации лингвистов-практиков (МААЛ) и созданной на филфаке МГУ Ассоциации LATEUM. Эта конференция без преувеличения стала судьбоносной для преподавания английского языка в России. На конференции большинство ее участников впервые узнали о существовании такой крупной международной Ассоциации преподавателей английского как IATEFL, познакомились с ее тогдашним Председателем Крисом Кеннеди, пообщались с коллегами по преподаванию английского из других стран: Великобритании, США, Германии, увидели, как они выступают, как ловко обращаются с кодоскопом, о котором подавляющее большинство наших преподавателей даже не слышали. В Звенигороде стояла замечательная сентябрьская погода, все участники жили в пансионате Академии наук и общались между собой практически круглосуточно. Стояла атмосфера замечательного профессионального общения и созданием этой атмосферы

участники были обязаны в первую очередь усилиям Светланы Григорьевны и ее команды.

Конференция стала настоящим прорывом в преподавании английского языка в России. После нее в стране стали создаваться многочисленные ассоциации преподавателей английского языка, проводиться методические конференции различного уровня. Ассоциация преподавателей английского языка г. Воронежа – старейшая региональная Ассоциация такого рода в России – тоже обязана своим появлением Звенигородской конференции.

А Светлана Григорьевна шла дальше – выбивала помещение для своего нового факультета, который с самого момента своего образования занял лидирующее место среди аналогичных факультетов страны, открывала новые специальности подготовки, создавала новые профессиональные сообщества (был создан Научно-методический совет по иностранным языкам, на базе МААЛ образованы Национальное Объединение преподавателей английского языка и Национальное общество прикладной лингвистики), которые объединили преподавателей иностранных языков всей страны.

Наблюдая многогранную деятельность Светланы Григорьевны уже в течение более чем 20 лет, соприкасаясь с ней по работе в NATE и НМС, не перестаю удивляться ее удивительной работоспособности, ее демократизму, умению подбирать команду и объединять вокруг себя людей. И созданный ею практически на пустом месте Научно-методический совет, и NATE, и НОПРИЛ объединяют сотни единомышленников, для которых Светлана Григорьевна является лидером и непревзойденным авторитетом.

И еще одну черту Светланы Григорьевны хочется отметить – черту, которой, к сожалению, лишены многие руководители кафедр и факультетов – она не боится конкуренции и заботливо растит кадры. За время ее руководства факультетом десятки людей защитили при ее поддержке докторские диссертации.

И в моем профессиональном росте Светлана Григорьевна сыграла существенную роль. Когда я завершила докторскую диссертацию, то обратилась к ней с просьбой выступить в качестве оппонента. Как это всегда бывает, вопрос с оппонированием надо было решить срочно. Светлана Григорьевна в это время была в отъезде. Приехала она в день, когда мою диссертацию должны были на совете принимать к защите. Я ей позвонила буквально через час после приезда, и она, не раздумывая, сразу согласилась. При этом сразу же пообещала не просто написать отзыв, но и приехать на защиту в Воронеж. Зная, насколько она всегда занята, я не могла об этом даже мечтать. И на защиту она, действительно, приехала, привезя с собой мою достаточно тяжелую диссертацию, чем опять меня несказанно удивила – обычно московские профессора такими вещами себя

не утруждают. Своим приездом Светлана Григорьевна, несомненно, украсила процедуру моей защиты, и я ей за это очень благодарна.

На банкете после защиты я впервые услышала в исполнении Светланы Григорьевны ее стихи, которые с тех пор слышала не раз и которые мне каждый раз доставляют удовольствие. Стихи эти рассказывают о ее жизни и заканчиваются такими строчками: «Но меня успокоил мой друг. Он сказал мне, что я неизменная – это жизнь молодеет вокруг».

Жизнь вокруг, действительно, меняется и молодеет, а Светлана Григорьевна остается неизменно яркой творческой личностью, интересным ученым, замечательным докладчиком и рассказчиком, великолепным организатором, оригинальным поэтом, заботливой мамой и бабушкой. И по-прежнему остается непререкаемым лидером нашего профессионального сообщества.

Друзья и ученики. Дети и внуки.

Моя первая учительница Ольга Евдокимовна Паутова написала мне в характеристике после 3-го класса, когда мы уезжали в Воронеж, что я не очень хорошо схожусь с людьми. В этом она, к счастью, ошиблась. Правда, может быть, в начальной школе так и было – я жила далеко от школы, и в классе у меня особых друзей не было. Мои подружки, которых Ольга Евдокимовна не могла знать, жили со мной по соседству и учились в других школах.

А сейчас, что касается друзей, я очень счастливый человек, поскольку у меня их очень много. Среди них есть и старше меня по возрасту, и мои ровесники, и те, кто намного младше меня – кого я учила в школе и в университете, для кого стала научным руководителем. У меня есть замечательная подруга по школе Таня Лазарева (бывшая Тродлер), которая сейчас живет с семьей в Германии, но с которой мы находимся в постоянном контакте, у меня есть друзья по учебе в университете: Наташа Алехина, Люда Лукина, Люда Титова, Надя Никульшина, Оля Кирилова, у меня есть друзья по работе в Павловске, о которых я уже писала, подруга по тем временам, когда я работала в учебном отделе Татьяна Лучанинова (Потапкина).

Есть у меня очень близкие подруги по аспирантуре - Наташа Козельская, с которой у меня очень много связано, и дочку которой Дашу я считаю своей «двоюродной дочкой», и Вера Гольдберг, которая живет и работает в Тамбове. У меня есть подружка по докторантуре Валя Топорова, с которой мы вместе защищали докторские диссертации, а также, как я говорю, «подруга по профессуре» Ольга Чарыкова.

Среди моих друзей также коллеги по заведованию кафедрами Лариса Кузьмина и Анатолий Бабушкин. С Ларисой мы вместе участвовали во

многих общественных проектах, написали вместе несколько статей, от нее я набралась всяких правильных методических терминов. С Анатолием меня связывает многолетняя дружба и по науке, и по жизни. Он очень хорошо всегда пишет стихотворные поздравления. За время наших контактов их у меня накопилось уже много, приведу одно из них, которое мне очень нравится. Написано оно было к моему дню рождения в 2006 году, как раз я только начала заведовать кафедрой:

*Марина! Будь всегда здоровой,
Ведь докторам нельзя хворать,
Чтоб в коллективе старом – новый
Стиль руководства утверждать.
Географически желаю
Тебе опять, как старый друг,
Чтоб счастья было в два Китая,
А горя – с город Люксембург!*

Среди моих друзей и многие члены нашей кафедры, прежде всего, Жаннетта Кулагина и Марина Стрельникова.

Есть у меня много друзей на факультете ПММ, где я уже много лет преподаю английский. Это, прежде всего, Ольга Федоровна Ускова и Олег Данилович Горбенко, с которыми мы много лет назад, когда я еще работала в учебном отделе ВГУ, организовывали работу по внедрению информатики в средние школы. Тогда же я подружилась с Ириной Черниковой, которая в то время заведовала кабинетом информатики Института усовершенствования учителей, а сейчас живет и работает в Америке. Изначально с факультета ПММ и моя подруга Оля Дорняк, которая после ухода с факультета стала доктором наук и сейчас заведует кафедрой в Лесотехнической Академии.

Много друзей у меня по нашей Воронежской Ассоциации преподавателей английского языка. Это Людмила Добрынина, Наталья Шарова, Елена Киктева, Лариса Тимашова и многие другие.

И в Национальном объединении преподавателей английского языка у меня тоже много друзей: Наталья Бочоришвили, Людмила Городецкая, Мария Вербицкая, Елена Соловова, Елена Лубнина из Москвы, Людмила Кожевникова, Юлия Маркушина, Марина Кулинич из Самары, Светлана Санникова из Челябинска и еще много других.

Очень близкие дружественные отношения сложились у меня с Нелей Костенко и Ниной Базарской. Мы дружим с ними уже почти 30 лет. Сначала вместе ездили на конференции, потом стали регулярно встречаться с ними и их мужьями. По сложившемуся ритуалу у Нины Базарской мы собираемся на даче в начале лета, у Нели Костенко – в конце, у меня – в начале года, на Новогодние праздники. Это уже традиционные встречи, но, помимо них, мы встречаемся время от времени и в промежутках между ними. С Нелей мы несколько раз ездили вместе

отдыхать, один раз были вместе на конференции TESOL в Нью-Йорке. А Нина Базарская сыграла очень важную роль в моей судьбе – именно она, будучи заведующей кафедрой иностранных языков лесотехнического института, выступила инициатором создания в Воронеже Ассоциации преподавателей английского языка. Так что, если бы не Нина, моя сегодняшняя общественная жизнь была бы другой.

Одного из моих близких друзей – профессора математического факультета Юрия Тихоновича Сильченко уже нет, он трагически погиб несколько лет назад. Юра был талантливым математиком и очень хорошим преподавателем, много лет работал заместителем декана математического факультета.

Среди моих друзей много моих бывших студентов. Перечислю только некоторых из них: Люба Толкачева, Оля Крутских, Ира Басистая, Сергей Крысанов, Костя Демченко, Ира Шестова, Роман и Аня Болдыревы.

Так сложилось, что у меня нет своих детей, но у меня есть «двоюродная дочка» Даша Козельская, в судьбе которой я принимаю посильное участие, уже 14 «научных детей» (защитившихся под моим руководством аспирантов и соискателей) и целых 9 «научных внуков» (детишек, родившихся у моих аспиранток после защиты диссертации).

Как трогательно написала в своем поздравлении мне для биобиблиографического сборника моя бывшая соискательница Наташа Портнихина, «самое ценное в том, что, став твоим научным руководителем, Марина Абрамовна автоматически становится твоим другом и советчиком». Я как-то не задумывалась об этом, но это, действительно, так. Все мои аспиранты и соискатели – мои настоящие друзья. Их у меня уже 14 защищенных. Это Наташа Шишкина, Наташа Чернова, Аня Махонина, Ира Вострикова, Соня Колтакова, Люда Лукина, Диана Степанова, Наташа Портнихина, Жанна Петросян, Света Деркач, Оксана Суханова, Люда Кривенко, Надя Малыхина и Инна Никитина. Я их всех люблю, с каждой из них связано что-то особенное и научное, и в личностном плане. Я с большим удовольствием наблюдаю за их научным и профессиональным ростом, прислушиваюсь к их предложениям и мнениям, поддерживаю их инициативы, радуюсь их успехам, дружу с их мужьями и детьми.

Шестеро моих аспиранток после защит подарили мне научных внуков – этот термин, кажется, придумала Аня Махонина. Она сама после защиты родила двух детишек: Максима и Вику, у Сони Колтаковой родилась двойня: девочка Саша и мальчик Родион, Диана Степанова родила двух девочек: Лиану и Эллину, у Наташи Портнихиной появился Всеволод, у Светы Деркач – Юрий, а у Жанны Петросян – долгожданный Данила. Я с удовольствием дарю своим научным внукам в зависимости от пола куклы и машинки, и очень надеюсь на дальнейшее прибавление их числа.

Борьба за очевидное

За прошедшие годы мне неоднократно приходилось вступать в борьбу за очевидное. Одна из моих добрых приятельниц как-то высказалась, что я люблю такую борьбу, что она держит меня в тонусе. Не могу согласиться с этим. Всегда приятнее жить спокойно и заниматься плановыми делами. Но если возникает необходимость бороться за правое дело, я, не раздумывая, в такую борьбу вступаю, и борюсь до конца. Это у меня от папы.

В этом разделе я хочу поделиться своим опытом подобной борьбы. Поскольку от подобных ситуаций никто не застрахован, мой опыт многим может оказаться полезным.

Наверное, впервые мне пришлось вступить в такого рода борьбу в связи с устройством на работу. После защиты диссертации встал вопрос о переходе из учебного отдела на преподавательскую работу. Во времена СССР устроиться преподавателем английского языка в Воронеже было очень сложно даже в школу, не говоря уже о вузе. В то же время кандидатов наук было не так много, поэтому у меня было определенное преимущество. Однако в это самое время в университете разразилась кампания, которая вошла в его историю под названием «Борьба с родственными связями», или, сокращенно – «Борьба с родственниками». Тогдашний секретарь парткома и ректор были уличены в том, что их многочисленные родственники работали в университете на так называемых «синекурах» – должностях, которые не требовали особых усилий. Было принято решение выяснить, как вообще в университете обстоит дело с родственными связями. Отдел кадров составил справку, попавшие в нее люди, не подозревая, чем это может обернуться, подтвердили, что они являются родственниками. В эту справку попали не только родители и их дети, где можно было заподозрить протекционизм, но и семейные пары, ставшие таковыми уже в университете, а даже такие пары, когда жена работала уборщицей, а муж – слесарем.

А дальше было постановление горкома КПСС, обязывающее университет уменьшить количество работающих в нем родственников. Слава богу, это были не сталинские времена, и никого не сажали и не расстреливали, но назначенный новый ректор и новый секретарь парткома всячески старались выполнить постановление горкома. Данное постановление в принципе противоречило тогдашнему трудовому кодексу: на должности ППС не назначали, а избирали по конкурсу, а это значило, что никаких злоупотреблений не было, о чем справедливо указывал тогдашний декан юридического факультета проф. Л.Д. Кокорев. Однако партийная власть была всесильной и постановление требовало выполнения. Поэтому было принято решение не продвигать по службе людей, чьи родственники работают в университете. Предпринимались также попытки «разменять» сотрудников – перевести одного из

родственников в другой вуз (туда, где были аналогичные специальности), а взамен взять на работу в университет преподавателя из этого вуза. Вопрос стоял очень остро и прошелся катком по многим судьбам. Так, мою подругу Наташу Козельскую, которая была вместе со мной в аспирантуре и к тому времени уже была утверждена кандидатом наук, не взяли назад на кафедру, откуда она уходила в аспирантуру, и ей пришлось на несколько лет уйти работать в пединститут. Зав. кафедрой английской филологии доц. Е.И. Волковой пришлось досрочно уйти на пенсию, чтобы ее дочери дали должность доцента, доцент кафедры философии И.Е. Богачева была вынуждена перейти в СХИ, чтобы ее дочери дали направление в аспирантуру (она заканчивала истфак, а без подобного направления в аспирантуру в то время сразу после вуза поступить было нельзя). И это только несколько примеров.

По иронии судьбы в это же самое время в Воронеже проходил съезд учительских династий, участников этого съезда из Воронежской области торжественно чествовали в университете. И было более чем странно осознавать, что то, что у учителей признается династией, в вузе считается семейственностью.

И вот в такой неудачный период на кафедре английского языка естественных факультетов образуются 2 вакансии, и объявляется конкурс. Вместе со мной на эти 2 места в общей сложности было подано 6 заявлений, среди которых – 2 кандидата наук (я и решившая вернуться в Воронеж из Сыктывкара Т.В. Рахманина). В условиях, когда на кафедре на тот момент было всего 2 кандидата наук, казалось, вывод должен был быть очевиден, и конкурсная комиссия должна была рекомендовать к избранию двух кандидатов наук. Но, поскольку в университете доцентом работал Иосиф, меня к избранию не рекомендовали. А, чтобы законность, все-таки, соблюсти, на заседании конкурсной комиссии ректору А.М. Беликову было рекомендовано вызвать меня и попросить снять свою кандидатуру с конкурса, пообещав трудоустроить меня в какой-либо другой вуз.

Я уже упоминала, что устроиться преподавателем английского языка в Воронеже было крайне сложно, поэтому возможное обещание трудоустроить меня в какое-либо другое место выглядело более чем эфемерно, и на семейном совете мы решили, что надо бороться. Будучи членом КППС, я написала заявление в отдел школ и вузов Обкома партии с жалобой на неправомерное решение конкурсной комиссии. После этого обращения ректор уже не мог по-тихому попросить меня забрать свое заявление с конкурса. Для решения вопроса меня вызвали на разговор в партком университета. Я очень хорошо помню этот разговор, хотя с его момента прошло уже почти 29 лет. Я сидела за столом, а напротив меня – ректор, секретарь парткома и два его заместителя. Они поочередно уговаривали меня не участвовать в конкурсе и говорили, что устроят меня на кафедру русского языка для иностранных граждан лесотехнического

института. Я про эту возможную вакансию знала, и знала, что преподаватель, который туда будет устраиваться, должен будет дать согласие поехать на преподавательскую работу в Афганистан. В мои планы при достаточно пожилых родителях такая поездка не входила, о чем я и сказала в парткоме. На меня продолжали давить, я отбивалась сквозь слезы. Секретарь парткома посоветовал мне дать согласие на поездку в Афганистан, а потом не поехать, и был заметно обескуражен моей реакцией, когда я поинтересовалась, чему он меня в парткоме учит. В результате они договорились до того, что отец (на чей возраст я ссылалась, объясняя, что у меня нет возможности далеко уезжать от родителей) портит мне жизнь, и решили пригласить его для разговора. И папа, которому было под 80, через несколько дней пришел в университет и совершенно категорично заявил, что он никуда не хочет отпускать от себя дочь и умереть без нее. Это было настолько категорично и настолько убедительно, что от нас отстали и меня больше не просили снять свое заявление с конкурса.

К заседанию ученого совета мы подготовили выступление, и мне удалось убедить членов ученого совета сделать выбор в мою пользу. Так я оказалась на кафедре английского языка естественных факультетов. Работала и работаю я с большой отдачей, и уверена, что тем членам совета университета, которые в далеком 1986 году проголосовали за мою кандидатуру, не может быть стыдно за свое решение.

А вот в другой раз, много лет спустя, в 2003 году, мне не удалось убедить ученый совет ВГУ принять решение в мою пользу. Тогдашнее руководство университета относилось ко мне весьма предвзято и никак не хотело давать мне должность профессора. Все объективные показатели для получения этой должности у меня были, но ректор И.И. Борисов и проректор А.С. Запрягаев меня не любили (я их, надо сказать, тоже), а, как всегда говорил наш папа, отобрать у кого-то что-то трудно, а не дать – легко. Вот мне эту должность и не давали. На мое обращение по поводу получения должности профессора А.С. Запрягаев сказал, что на нашей, сугубо практической кафедре, положена только одна должность профессора – для заведующего, и поэтому, когда было принято решение о разделении нашей кафедры на две, я подала заявление на участие в конкурсе на заведование одной из них. Однако это никак не входило в планы руководства, они видели на этой должности более удобного для них доцента А.Б. Мишина, и все делали для того, чтобы провести его на эту должность. Так, проводивший заседание кафедры по рассмотрению вопроса о заведующем проректор В.Т. Титов прямо заявил, что ректорат поддерживает А.Б. Мишина. Я не присутствовала на заседании Совета РГФ, где решался этот вопрос, но, как мне передавали, что-то подобное было и там. И на кафедре, и в совете факультета были люди, которые меня

поддержали, но общие итоги голосования были не в мою пользу, при этом совету факультета пришлось даже проводить повторное голосование.

Я выступила на совете университета, который принимал окончательное решение по этому вопросу. Привожу текст своего выступления:

Уважаемые члены совета!

Я бы хотела несколько прояснить ситуацию, которая сложилась на нашей кафедре с избранием заведующего. В августе месяце, перед началом учебного года, кафедра английского языка приказом ректора была поделена на две – гуманитарных и естественных ф-тов. Проф. А.П. Бабушкин, возглавлявший кафедру, был назначен зав. каф. гуманитарных ф-тов, а зав. англ. яз. естественно-научных ф-тов приказом ректора был назначен доцент А.Б. Мишин. То, что на должность и.о. заведующего кафедрой при наличии на кафедре доктора наук (а по всем вузовским положениям должность зав. каф. – должность доктора наук, профессора) был назначен кандидат наук, который на тот момент даже официально не был в штате кафедры, мне объяснить трудно.

Я ничего не имею против А.Б. Мишина – он хороший человек и опытный преподаватель. Но в современных условиях объективно считаю, что могу сделать для кафедры и для университета значительно больше.

У меня есть необходимый научный опыт – я доктор наук, руковожу соискателями, у меня многолетние прочные связи в среде ведущих преподавателей английского языка России, в Британском Совете и отделе преподавания английского языка Посольства США в Москве, в Международной Ассоциации преподавателей английского языка TESOL – я уже второй раз получаю приглашение баллотироваться в состав совета директоров этой крупнейшей международной ассоциации.

У меня есть опыт организационной работы - я много лет являюсь Президентом Ассоциации преподавателей английского языка г. Воронежа, работа которой известна не только в нашей стране, но и за рубежом. Я являюсь также членом Совета Национальной Ассоциации преподавателей английского языка России, редактором Всероссийского бюллетеня и вебстраницы ассоциации.

Кроме того, я член Президиума научно-методического совета по иностранным языкам Минобразования России и председатель его Центрально-Черноземного регионального отделения, которое неоднократно отмечалось как одно из наиболее активно работающих в России. Имею опыт работы в совместных международных проектах, один из которых получил в прошлом году Диплом Всероссийского выставочного центра, у меня есть опыт проведения крупных международных конференций, опыт издания монографий и сборников.

На заседании кафедры мною была представлена развернутая программа ее развития, предусматривающая научный и методический рост членов кафедры, активизацию работы кафедры со студентами, выпуск на кафедре периодического научного сборника, участие членов кафедры в Российских и международных проектах.

Вся моя сознательная жизнь связана с университетом – я здесь училась, отсюда уехала на три года работать по распределению учителем в школе в Павловском районе, потом вернулась, стала работать – лаборантом, инспектором учебного отдела, здесь стала заниматься наукой, защитила кандидатскую и докторскую диссертацию.

И завершить свое выступление я хотела бы одним историческим сюжетом из жизни университета. В январе 1986 г. одним из вопросов повестки дня совета ун-та был конкурс на замещение вакантной должности преподавателя по кафедре английского языка естественных ф-тов. Среди участвовавших в конкурсе была и я. К тому моменту я уже два года была кандидатом наук и продолжала работать в учебном отделе – не могла устроиться на преподавательскую работу, поскольку не было мест. Но когда такое место появилось, началась пресловутая борьба с родственными связями, которую по широте и размаху можно сравнить лишь с последующей печально известной антиалкогольной компанией. В этих условиях и кафедра, и конкурсная комиссия рекомендовали к избранию не меня, кандидата наук, а неостепененную лаборантку кафедры. Ученый Совет ун-та тогда выступил в интересах дела и поддержал меня. Смею заверить, что от этого решения Совета не проиграли ни кафедра, ни студенты, ни университет. Надеюсь, что и в этот раз Совет моего родного университета сделает выбор в пользу интересов дела.

Повторю, что совет не внял моим доводам и в своем большинстве поддержал лоббируемую ректоратом кандидатуру. Но время все расставило по своим местам. Александр Борисович Мишин не проработал в должности заведующего кафедрой после избрания на эту должность и года и перешел на работу в Британский Совет в Москве. Сразу же стало понятно, зачем ему была нужна должность заведующего – рядового доцента из провинциального вуза в Британский Совет вряд ли бы взяли, а вот зав. кафедрой – совсем другое дело. Правда, и там Саша долго не проработал и перешел еще куда-то. А нашу кафедру опять соединили, причем, как в свое время делили с формулировкой «по производственной необходимости», так и соединили назад с этой же формулировкой. Никто даже не задумался об абсурдности такого подхода.

А должность профессора мне все-таки дали. Перед своим очередным избранием на должность ректора Борисов испугался и разрешил объявить на меня конкурс. И заведующей кафедрой я стала, и, по отзывам коллег и

членов кафедры, совсем неплохим, правда, это произошло уже при новом ректоре В.Т. Титове и бороться за эту должность мне не пришлось, более того, взялась я за нее на первых порах не с большой охотой – просто понимала, что для пользы дела кафедру в более чем 60 человек, действительно, надо было разделить.

Еще один из этапов моей борьбы за очевидное связан с борьбой за нагрузку для нашей кафедры. Долгое время в университете учебная нагрузка ППС не поднималась и была в объеме 830 часов. Эта цифра, по мнению ректората, была занижена и университету систематически не хватало бюджетных средств на зарплату. Выход был только один – повысить нагрузку преподавателям, для чего надо было внести изменения в существующий трудовой договор, а, вернее, подписать новый. Из-за деструктивной позиции председателя профкома сделать это долгое время не удавалось, и вот, когда ректором стал Д.А. Ендовицкий, были согласованы позиции и созвана конференция по заключению нового трудового договора. Он предусматривал возможность администрации повышать нагрузку преподавателям до 900 часов в год. При обсуждении этого вопроса на конференции в июне 2012 года зав. кафедрой английского языка гуманитарных факультетов проф. А.П. Бабушкин и я задавали сопредседателям комиссии по выработке трудового договора проректору О.В. Гришаеву и председателю профкома Л.Н. Владимировой вопрос, будет ли предельный объем учебной нагрузки дифференцирован в зависимости от профиля кафедры, поскольку на наших кафедрах практически отсутствует внеаудиторная нагрузка, все часы являются «горловыми». Нас уверили, что именно так и будет. Однако в конце августа и в сентябре пришлось приложить немало усилий, чтобы нашим кафедрам нагрузка не была увеличена. В результате ее увеличили на 10 часов, что было не так существенно по сравнению с увеличением на 60 часов остальным кафедрам университета. Однако, к сожалению, всегда находятся люди, которые чувствуют себя плохо, когда другим хорошо. Больше всех оказались недовольны этим решением ректората члены профсоюзного комитета и коллеги по РГФ. Последние весь год доказывали, что у них нагрузка такая же по качеству, а часов больше. А доблестные члены профсоюзного комитета обвиняли ректорат, что последний занимается протекционизмом. В результате на следующий год нагрузку нам по сравнению с другими кафедрами не снизили, все наши доводы были проигнорированы. В доказательство того, что наши кафедры, действительно находятся в более трудном положении в смысле горловой нагрузки по сравнению даже с другими кафедрами РГФ, привожу подготовленную мною служебную записку на имя председателя профкома:

*Председателю профкома сотрудников
доц. Л.Н. Владимировой*

В связи с тем, что профком сотрудников инициировал регулирование объема учебной нагрузки преподавателей на 2013-14 уч. год, считаем необходимым довести до Вашего сведения следующее.

Во время обсуждения предельного объема нагрузки на конференции трудового коллектива в июне 2012 года Вы как сопредседатель комиссии по выработке Коллективного договора уведомили конференцию, что предельный объем учебной нагрузки будет дифференцирован в зависимости от профиля кафедры. Именно в такой редакции этот пункт и был включен в Коллективный договор, и именно за такую редакцию конференция и проголосовала. Такое же требование содержится и в пункте 6.29 Устава ВГУ, где говорится, что учебная нагрузка для педагогических работников устанавливается ВУЗом в зависимости от их квалификации и профиля кафедры.

В связи с этим в 2012-13 уч. году нагрузка четырем кафедрам ф-та РГФ (английского языка гуманитарных ф-тов, английского языка естественно-научных ф-тов, английского языка в профессиональной международной деятельности, немецкого языка) была установлена в размере 840 часов, что было обусловлено особенностями этих кафедр: наличием в их нагрузке исключительно «горловых часов» и отсутствием часов на практики, курсовые и дипломные работы.

По имеющимся у нас сведениям при планировании объема нагрузки на новый 2013-14 учебный год отдельными сотрудниками университета, в том числе из числа входящих в профсоюзный комитет, ставится под сомнение правомерность снижения нагрузки на перечисленных кафедрах. Между тем количество внеаудиторных часов на данных кафедрах неопровержимо свидетельствует о необходимости этого. Приведем данные по внеаудиторной нагрузке кафедр ф-та РГФ на текущий год (за вычетом часов на руководство аспирантами и докторантами):

Название кафедры	Количество ставок на кафедре	Количество внеаудиторной нагрузки	Количество внеаудиторных часов в среднем на 1 ставку
<i>Английской филологии</i>	<i>26</i>	<i>4745</i>	<i>182,5</i>
<i>Немецкой филологии</i>	<i>17,75</i>	<i>2322</i>	<i>131</i>
<i>Французской филологии</i>	<i>10,75</i>	<i>2628</i>	<i>244</i>
<i>Романской филологии</i>	<i>14</i>	<i>2378</i>	<i>170</i>
<i>Итальянской филологии</i>	<i>6</i>	<i>1130</i>	<i>188</i>
<i>Теории перевода</i>	<i>22</i>	<i>5374</i>	<i>244</i>
<i>Теоретической и прикладной лингвистики</i>	<i>4,25</i>	<i>759</i>	<i>178,5</i>
<i>Англ. яз. естествен. ф-тов</i>	<i>24,5</i>	<i>563</i>	<i>23</i>

<i>Англ. яз. гуман. ф-тов</i>	<i>20,25</i>	<i>388</i>	<i>19</i>
<i>Англ. яз. в профес. междун. деят-ти</i>	<i>13,55</i>	<i>300</i>	<i>22</i>
<i>Немецкого языка</i>	<i>11</i>	<i>152</i>	<i>14</i>

В качестве комментария к приведенной таблице отметим, что при расчете нагрузки в связи с особенностями учебного процесса в аспирантуре управление основных образовательных программ традиционно включает всю работу в аспирантуре, в том числе и аудиторные занятия с аспирантами по практике речи, во внеаудиторную работу, хотя последние таковыми не являются. В приведенной таблице данный вид занятий по кафедрам английского языка гуманитарных и естественно-научных факультетов, а также кафедрам немецкого языка и французской филологии из внеаудиторной работы исключен.

Как видно из приведенных данных, структура учебной нагрузки четырех неспециальных кафедр факультета РГФ существенным образом отличается от структуры учебной нагрузки остальных кафедр факультета в первую очередь практическим отсутствием внеаудиторных часов, в связи с чем считаем необходимым во исполнение Коллективного договора и Устава ВГУ сохранить на кафедрах английского языка гуманитарных ф-тов, английского языка естественно-научных ф-тов, английского языка в профессиональной международной деятельности и немецкого языка максимальный объем учебной нагрузки на уровне прошлого года (840 часов).

25.06.13

К сожалению, наши аргументы услышаны не были и этот этап борьбы завершился не в нашу пользу. Но я с чистой совестью могу сказать, что я по этому вопросу сделала для кафедры все, что могла.

А вот другой этап борьбы за кафедральное благополучие, хотя и стоил мне многих нервов, завершился нашей полной победой. Речь пойдет об отвоеванной кафедральной двери.

Весь второй семестр 2012-13 учебного года главный корпус университета жил в условиях капитального ремонта – сначала снимали паркет и меняли его на плитку, а потом начали менять двери. Двери ставили темно-коричневые, китайские, да еще с глазками.

Наша кафедральная дверь была светлой и очень элегантной – нам ее поставили во время ремонта кафедры в 2007 году, и она очень хорошо вписывалась в интерьер нашей кафедры с ее светлой мебелью. Замена двери не только бы внесла диссонанс во внешний вид кафедрального помещения, но и привела бы к разрушению части встроенной мебели на кафедре. Мы понимали, что оставлять одну светлую дверь в коридоре, когда все другие двери будут темными, неправильно, и нашли выход из положения – оклеить дверь снаружи темной пленкой под цвет других

дверей в коридоре. Однако добиться разрешения на это оказалось ох как нелегко. Нашу дверь нам в прямом смысле пришлось оборонять. Привожу для сведения свою служебную записку по поводу двери ректору университета.

Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов
факультета РГФ

Ректору ВГУ
Ендовицкому Д.А.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От 14.03.2013 №451

Довожу до Вашего сведения свои категорические возражения против замены двери на темно-коричневую в аудитории 309 (кафедра английского языка естественно-научных факультетов). Дверь на кафедре находится в хорошем состоянии и по цвету соответствует мебели в кафедральном помещении. Дверь была поставлена в 2006 году на собственные средства кафедры.

Принимая во внимание необходимость придания всем дверями коридоров университета одинакового вида, обращаю Ваше внимание на то, что в случае с дверью на кафедре этого можно достичь, покрыв существующую дверь темной пленкой в тон остальным дверям в коридоре, что будет стоить существенно дешевле, чем замена двери, и при этом не нарушит цветовую гамму кафедрального помещения. Замена хорошей, добротной двери на новую в этом случае представляется исключительно неразумной тратой выделенных на ремонт средств.

Все эти доводы были доведены мною до сведения проректора по хозяйственной работе и капитальному строительству А.Н. Подобедова, который в грубой форме поставил меня в известность о том, что дверь нам будет заменена в любом случае, поскольку ее замена включена в смету капитального ремонта. На мою просьбу подняться со мной на кафедру и посмотреть, насколько темно-коричневая дверь испортит внешний вид кафедрального помещения, оборудованного с большой тщательностью на средства кафедры, А.Н. Подобедов ответил категорическим отказом, объяснив его тем, что у него есть дела поважнее.

Отмечу, что довод А.Н. Подобедова о том, что замена двери неизбежна, поскольку входит в смету ремонта, свидетельствует лишь о том, что сама смета ремонта была составлена недобросовестно, без учета существующей необходимости.

Прошу дать указание оставить на кафедре существующую дверь. Если в ходе выполняемого ремонта не представится возможным покрыть дверь снаружи темной пленкой, кафедра готова осуществить это своими силами за счет собственных средств.

Зав. кафедрой англ. яз.
ест.-науч. ф-тов
Стернина М.А.

В результате многодневной борьбы дверь нам удалось отстоять, я нашла мастера, который нам ее очень квалифицированно оклеил, и интерьер нашей кафедры не пострадал.

Несколько эпизодов борьбы связаны у меня с защитами моих аспирантов. Пока председателем совета был профессор А.М. Ломов, никаких проблем, кроме сугубо научных, никогда не возникало. С утверждением на посту председателя совета А.А. Кретьева они возникают чуть ли не каждый день, причем на пустом месте, и не только у меня. Расскажу о тех, с которыми пришлось столкнуться лично мне. Первой защитой в совете под председательством Кретьева стала защита моей аспирантки Жанны Петросян. Сначала он требовал изменить название работы, поскольку слово «проблема» в заголовке ввиду его личной субъективной трактовки значения этого слова его не устраивала, и предлагал другие названия, которые никоим образом не соответствовали содержанию представленной к защите работы. Затем, когда диссертация все же была принята к защите под тем названием, под которым она и задумывалась, ультимативным образом требовал перенести сроки защиты на 3 недели раньше. Чтобы решить проблему, мне пришлось обращаться к начальнику управления аспирантуры и докторантуры:

Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов

Начальнику управления
аспирантуры и докторантуры
Коноваловой Л.Н.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
От 14.09.2011 № 336

Обращаю Ваше внимание на неправомерное требование председателя диссертационного совета по теории языка и русскому языку проф. А.А. Кретьева по изменению назначенного советом срока защиты кандидатской диссертации моей аспирантки Ж.В. Петросян.

8 сентября на заседании совета ее диссертация на тему «Проблема адъективной лакунарности» была принята к защите. При определении срока защиты совет по моей просьбе учел те обстоятельства, что в конце октября у меня должна состояться командировка на международную конференцию в Торонто, где у меня запланирован часовой доклад и переговоры по поводу совместного исследовательского проекта по изучению канадского коммуникативного поведения, и назначил защиту на 10 ноября, чтобы я могла присутствовать на защите и оказать помощь аспирантке в подготовке к ней.

В тот же день я связалась с утвержденными советом оппонентами и ведущей организацией – кафедрой лексикографии и теории перевода МГУ им. М.В. Ломоносова и известила их о дате защиты, которая их устроила.

Однако уже на следующий день А.А. Кретов через ученого секретаря совета поставил меня в известность, что мы должны перенести защиту на три недели раньше – 20 октября, мотивируя это решение тем, что совет должен быстрее принять к защите диссертации вьетнамских аспирантов, поскольку срок их пребывания в России ограничен имеющимися визами и экспертизу их диссертаций, оказывается, нельзя проводить 2 месяца.

Я связалась с А.А. Кретовым по телефону и известила, что оппоненты и ведущая организация уже поставлены в известность, что защита состоится 10 ноября, на что мною был получен ответ: «Как позвонила, так и еще раз позвонишь». Далее А.А. Кретов предложил мне определить, что для меня важнее – поездка на конференцию или защита диссертации моей аспиранткой. Другие члены Совета, ученый секретарь Н.М. Вахтель предлагали А.А. Кретову собрать рабочий совет для принятия диссертаций вьетнамских аспирантов, но он это сделать отказался. На мой вопрос, почему для принятия к защите аспирантов из Вьетнама нельзя собрать рабочее заседание совета, А.А. Кретов просто никакого ответа не дал.

Я не понимаю, почему вопреки решению совета мы должны сейчас ломать подготовку к защите, экстренно печатать и рассылать автореферат, срочно везти диссертацию в Москву и Тамбов? Чем мы можем объяснить коллегам, в особенности МГУ как ведущей организации, что защита должна пройти на три недели раньше установленного срока, почему мы должны теперь торопить их с подготовкой отзывов? И почему, наконец, моя аспирантка должна защищать диссертацию в отсутствие меня как руководителя? Почему нельзя провести рабочий совет, раз с определением сроков экспертизы диссертаций вьетнамских аспирантов председатель совета допустил ошибку? Все это – проявление непрофессионализма председателя совета, а также его неумения и нежелания обращать внимание на интересы конкретных людей – аспирантов и научных руководителей.

Прошу указать проф. А.А. Кретову на необоснованность и неправомерность самовольного изменения им утвержденного советом срока защиты диссертации Ж.В.Петросян. Защита должна состояться в назначенный советом срок – 10 ноября, к этому времени я вернусь из Канады, а аспирантка сможет получить отзывы и подготовиться к защите.

Зав. каф. англ. языка
естественно-научных факультетов
проф. Стернина М.А.

Нам удалось добиться своего, защита прошла после моего возвращения из Канады в моем присутствии.

А по поводу защиты моей аспирантки Инны Никитиной у нас с Кретовым осенью 2013 года развернулась настоящая эпистолярная война. Сначала он не хотел назначать экспертную комиссию по ее диссертации, потом обвинял диссертантку в плагиате, а меня – в некомпетентности как научного руководителя и при положительных отзывах членов экспертной комиссии отказывался принимать диссертацию к защите. Чтобы добиться принятия диссертации к защите мне пришлось обращаться и к проректору по научной работе, и к ректору и письменно, и лично, а также письменно отвечать на выпады председателя совета. Приведу документальные подтверждения этой борьбы.

Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов

Проректору по научной работе и
информатизации
В.Н. Попову

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От 8.11.2013 № 492

Обращаю Ваше внимание на неправомерные действия по отношению к моей аспирантке И.Н. Никитиной со стороны председателя диссертационного совета по теории языка и русскому языку проф. А.А. Кретова.

И.Н. Никитина, 1974 г. рождения, является аспиранткой третьего года обучения. Работу над темой исследования И.Н. Никитина начала задолго до поступления в аспирантуру, вследствие чего ей удалось подготовить текст диссертации досрочно – к началу третьего года обучения в аспирантуре. Я как научный руководитель всячески поощряла стремление аспирантки досрочно защитить диссертацию, полагая это полезным и для нее лично, и для университета в плане выполнения контрольных цифр выпуска аспирантов. В результате 25 октября аспирантка прошла предзащиту на кафедре и 29 октября подала все необходимые документы в совет. На ее вопрос относительно сроков рассмотрения диссертации А.А. Кретов ответил, что он не знает, когда у него найдется время посмотреть ее работу.

6 ноября, накануне очередного заседания совета, я позвонила А.А. Кретову и спросила, назначит ли он моей аспирантке экспертов, на что он ответил, что делать этого не будет, поскольку он сейчас очень занят и не смог посмотреть диссертацию. На мой вопрос, когда он ее посмотрит, он конкретного ответа не дал. В разговоре я напомнила А.А. Кретову, что уже дважды – летом и в конце октября информировала его об этой работе, а также о том, что диссертантка имеет только две ВАКовские статьи и поэтому ей надо защититься в этом календарном году, поскольку с января по гуманитарным специальностям будет требоваться уже три такие публикации, а также о том, что она является аспиранткой и

университет заинтересован в ее защите, и попросила его назначить по данной диссертации экспертов. Однако А.А. Кретов все мои доводы проигнорировал, а на заседании совета 7 ноября факт подачи моей аспиранткой документов в совет сначала пытался отрицать, а затем заявил, что совет будет рассматривать ее диссертацию определенными Положением на эти цели два месяца.

Хочу в связи с этим обратить внимание на проводимую А.А. Кретовым политику двойных стандартов. Отказывая назначить экспертную комиссию по диссертации И.Н. Никитиной, и, таким образом, надолго перекрывая ей путь к защите, он назначил экспертные комиссии по другим диссертациям, которые были поданы в совет, и даже назначил им предварительные даты защиты. С большой долей уверенности могу утверждать, что эти работы были поданы в совет не раньше диссертации моей аспирантки – так это или нет, можно легко проверить, запросив соответствующие дела.

Своим отношением к моей аспирантке А.А. Кретов нарушает пункт 17 Положения о совете, гласящий, что диссертационный совет должен способствовать созданию максимально благоприятных условий для защиты соискателем подготовленной им диссертации, а также решение руководства университета о создании условий для защиты аспирантов в связи с изменениями в ВАК.

Убедительно прошу Вас дать указание А.А. Кретову не препятствовать моей аспирантке в защите диссертации в текущем календарном году. Представляется, что досрочная защита диссертации аспирантом должна в любом случае поощряться.

Зав. каф. англ. языка
естественно-научных факультетов
проф. Стернина М.А.

Кретову пришлось назначить экспертную комиссию, и тогда начался новый раунд борьбы. Вот такое электронное письмо для меня он прислал на адрес Иосифа:

Здравствуй, Иосиф!

К сожалению, не имею электронного адреса Марины, поэтому прошу переслать это письмо ей.

Создана экспертная комиссия для рассмотрения диссертации И.Н.Никитиной.

Меня тревожат следующие обстоятельства, ставящие под сомнение возможность принятия диссертации Никитиной к защите в представленном виде.

Сравнил английские глаголы в диссертациях двух аспиранток М.А. Стерниной:

Малыхиной Надежды Игоревны «Полисемия английского глагола (на материале наиболее частотных глагольных лексем английского языка)» ДИССЕРТАЦИЯ на соискание ученой степени кандидата филологических наук Специальность 10.02.04. – германские языки. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М.А. Стернина (защищена 28.10.2013) и И. Никитиной, представленной сейчас по специальности 10.02.19.

Из 100 английских глаголов Никитиной 99 есть в диссертации Малыхиной. Значения, выделяемые двумя аспирантками имеют столько общего, что говорить о независимости работ не приходится.

Обе диссертантки говорят об обращении к одному и тому же корпусу английского языка.

В 4-х глаголах совпадают даже примеры-иллюстрации.

Частоты значений либо близки, что говорит о связи двух работ, либо расходятся существенно, что свидетельствует о недостоверности подсчётов, а следовательно, и всех выводов, основанных на них.

Сравнение фрагментов двух диссертаций прилагаю.

Кроме того, Никитина считает, что журнал «Вопросы языкознания» издаётся в Минске (см. список литературы, позиция 68).

Охотно ссылаясь на Малыхину при упоминании разного рода «индексов», Никитина нигде не говорит о своей зависимости по материалу, выделению и дефинированию английских значений от Малыхиной.

Прилагаю файл сопоставления.

Обращает на себя и совпадение названия диссертации И.Н.Никитиной «НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТЕМ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ» с названием диссертации Л.А.Кривенко «НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТЕМ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ», защищенной по теории языка 24.20.2013 г.

А. Кретов

Я подготовила и отправила ему следующий ответ:

Председателю диссертационного совета по теории языка и русскому языку
проф. А.А. Кретову

Считаю необходимым высказать свое мнение относительно высказанных Вами соображений по поводу диссертации моей аспирантки И.Н. Никитиной.

1. Относительно совпадения названий работ Л.А. Кривенко и И.Н. Никитиной. Не вижу в этом ничего предосудительного, поскольку в

обоих случаях задачей исследования является именно **НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТЕМ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ**. При этом Кривенко исследовалась национальная специфика субстантивной лексики, а Никитиной – глагольной. В настоящее время под моим руководством выполняются еще два аналогичных исследования, посвященные выявлению национальной специфики русской и английской адъективной и адвербиальной лексики. Представляется, что исследование национальной специфики семантем русских и английских лексем различной частеречной отнесенности позволит сделать первый шаг к построению в будущем типологии семантем. Именно с этой целью данные исследования и задумывались.

2. Замечание о досадной опечатке в месте издания «Вопросов языкознания» с благодарностью принимаем и, несомненно, этот дефект устраним. Замечу лишь, что от подобных опечаток никто не застрахован. Так, в частности, в автореферате выполненного под Вашим руководством диссертационного исследования Е.В. Долбиловой в Положении на защиту №4 утверждается, что «Типологически существенные параметры каталанской лексики позволяют определить ЕГО место среди других романских языков». Следуя Вашей логике, можно предположить, что диссертантка, защитившая диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, считает, что слово «лексика» в русском языке является существительным мужского рода.
3. Ни в коем случае не могу согласиться с высказанными Вами сомнениями относительно самостоятельности выполненных Н.И. Малыхиной и И.Н. Никитиной работ. Каждой диссертанткой исследование выполнялось самостоятельно. Объектом исследования Н.И. Малыхиной в диссертации, выполненной по специальности «Германские языки», было развитие полисемии английского глагола, вследствие чего диссертантка стремилась как можно подробнее описать семантемы каждой из изученных ею 200 лексем и в некоторых случаях, используя свою лингвистическую интуицию, считала необходимым выделять в качестве самостоятельных значений такие, которые в отдельных использованных ею словарях выделялись в качестве оттенков значений. И.Н. Никитина же в своем исследовании решила не выделять приводимые в словарях оттенки значений в качестве отдельных семем, на что как исследователь также имела полное право. В результате количество выделенных диссертантками семем в семантемах совпадающих в их исследованиях глаголов различается, что наглядно видно из приводимой нами ниже таблицы.

Количество семем в семантемах совпадающих в работах

И.Н. Никитиной и Н.И. Малыхиной лексем

<i>лексемы</i>	<i>Никитина</i> количество семем в семантеме	<i>Малыхина</i> количество семем в семантеме
<i>Say</i>	12	14
<i>Get</i>	26	30
<i>Make</i>	33	43
<i>Go</i>	42	55
<i>See</i>	18	19
<i>Know</i>	7	8
<i>Take</i>	51	72
<i>Think</i>	10	11
<i>Come</i>	20	22
<i>Give</i>	32	45
<i>Look</i>	13	13
<i>Use</i>	9	15
<i>Find</i>	14	21
<i>Want</i>	8	9
<i>Tell</i>	8	12
<i>Put</i>	26	37
<i>Become</i>	5	6
<i>Leave</i>	16	18
<i>Work</i>	22	28
<i>Need</i>	8	7
<i>Feel</i>	13	16
<i>Seem</i>	3	2
<i>Ask</i>	6	8
<i>Show</i>	21	36
<i>Try</i>	9	10
<i>Call</i>	21	36
<i>Provide</i>	8	7
<i>Keep</i>	21	35
<i>Hold</i>	24	35
<i>Turn</i>	29	69
<i>Follow</i>	13	15
<i>Begin</i>	5	3
<i>Bring</i>	9	10
<i>Help</i>	8	9
<i>Start</i>	21	29
<i>Run</i>	46	94

<i>Write</i>	14	11
<i>Move</i>	18	20
<i>Play</i>	27	50
<i>Pay</i>	9	10
<i>Hear</i>	8	10
<i>Include</i>	3	2
<i>Believe</i>	6	6
<i>Allow</i>	8	8
<i>Meet</i>	11	13
<i>Live</i>	17	23
<i>Stand</i>	27	50
<i>Happen</i>	3	4
<i>Carry</i>	23	40
<i>Talk</i>	11	11
<i>Appear</i>	9	8
<i>Produce</i>	11	11
<i>Sit</i>	20	24
<i>Offer</i>	9	9
<i>Consider</i>	8	9
<i>Suggest</i>	4	4
<i>Expect</i>	5	5
<i>Read</i>	16	17
<i>Let</i>	9	12
<i>Require</i>	2	2
<i>Continue</i>	7	8
<i>Lose</i>	13	12
<i>Add</i>	4	5
<i>Fall</i>	24	41
<i>Change</i>	16	17
<i>Remember</i>	8	8
<i>Remain</i>	8	7
<i>Buy</i>	5	6
<i>Speak</i>	11	17
<i>Stop</i>	17	30
<i>Send</i>	6	5
<i>Receive</i>	13	12
<i>Decide</i>	3	6
<i>Win</i>	9	10
<i>Understand</i>	7	8
<i>Develop</i>	10	11
<i>Describe</i>	3	2
<i>Agree</i>	9	9

<i>Open</i>	21	36
<i>Reach</i>	23	31
<i>Build</i>	7	9
<i>Involve</i>	9	9
<i>Spend</i>	6	6
<i>Return</i>	21	32
<i>Create</i>	6	7
<i>Walk</i>	13	38
<i>Sell</i>	8	8
<i>Wait</i>	8	5
<i>Cause</i>	6	6
<i>Accept</i>	10	13
<i>Watch</i>	11	-
<i>Raise</i>	21	35
<i>Apply</i>	7	8
<i>Break</i>	31	57
<i>Learn</i>	5	4
<i>Explain</i>	3	4
<i>Increase</i>	2	2
<i>Cover</i>	23	33
<i>Grow</i>	8	6
<i>Report</i>	11	12

Как видно из приведенной таблицы, мнения диссертанток даже о количестве семем в семантемах в подавляющем большинстве случаев не совпали, одинаковое число семем обеими выделено только в 16 случаях из 99, что однозначно свидетельствует в пользу самостоятельности выполненных каждой из них исследований. Различные же подходы к изучаемому материалу в науке вполне допустимы и среди ученых приветствуются.

Ставить в упрек диссертанткам обращение к одному и тому же корпусу английского языка, на наш взгляд, представляется неправомерным. Британский Национальный Корпус – настоящая кладезь лингвистического материала, и совершенно естественно, что при изучении семантики лексем современного английского языка обе исследовательницы сочли необходимым обратиться к его ресурсам. Отмеченные Вами близкие значения индекса коммуникативной релевантности, выявленные ими у отдельных семем, свидетельствуют не о связи двух работ в плане плагиата, а лишь подтверждают объективность сделанных обеими диссертантками выводов. Случаи же расхождения по данному индексу у отдельных семем свидетельствуют не о недостоверности подсчетов, а объясняются

разным временем обращения к Корпусу и разным количеством выделенных диссертантками значений, на что, еще раз подчеркну, обе они как исследовательницы семантики имеют полное право. Общеизвестно, что любые семантические исследования неизбежно грешат субъективизмом и при анализе семантем каждый исследователь пытается вывести для себя как бы среднее арифметическое представленных в разных лексикографических источниках значений. Что касается отмеченных Вами совпадающих примеров на значения у четырех глаголов, поясню, что эти значения характеризуются крайне низкой коммуникативной релевантностью (0,1%-0,2%), и обеим исследовательницам при анализе Корпуса попались именно эти примеры.

Поясню также, что имеющиеся совпадения формулировок значений в двух работах объясняются не вторичностью одной работы по отношению к другой, а частичным совпадением материала исследования. Было бы странно ожидать от исследовательниц совершенно разных формулировок имеющихся в семантемах изученных ими лексем семем.

При этом считаю необходимым подчеркнуть только ЧАСТИЧНОЕ совпадение изученного обеими диссертантками материала. Н.И. Малыхиной было изучено в общей сложности 200 английских наиболее частотных глагольных лексем, а И.Н. Никитиной – 100 английских и 100 русских наиболее частотных глагольных лексем. При описании глагольные лексемы были распределены диссертантками по группам в зависимости от объема семантем. Совершенно ясно, что группы, составленные на материале двухсот и ста английских глагольных лексем, между собой отличаются и полученные в результате их анализа выводы также будут различны.

Отмечу также, что в своем исследовании И.Н. Никитина не использовала часть примененных Н.И. Малыхиной индексов, в частности, индексы коммуникативной релевантности семем различной частеречной отнесенности (глагольных / субстантивных / адъективных / адвербиальных / предложных / междометных) в семантеме и в группе, а также индекс коммуникативной релевантности лексико-грамматических вариантов семемы в семантеме, при этом используя введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода индекс эндемичности семантемы, индекс семемной плотности семантемы, средний интегральный индекс национально-специфических различий, а также введенные ею индекс коммуникативного превалирования семем в группе и индексы плотности коммуникативно релевантных семем в семантеме и группе, что свидетельствует о различном подходе к материалу и независимости двух исследований.

Выводы, сделанные И.Н. Никитиной относительно национальной специфики исследованных семантем базируются на не используемых в работе Н.И. Малыхиной шкалах: шкале степени проявления национально-специфических различий по выделенным аспектам и шкале выраженности национальной специфики семантем, что также говорит в пользу самостоятельности данного исследования.

Работа Н.И. Малыхиной достаточно много цитируется в работе И.Н. Никитиной, поскольку часть используемых ею индексов были введены Н.И. Малыхиной. Что касается выделения и формулировок значений исследуемых лексем, то здесь ссылок и не требуется, поскольку никакой зависимости от работы Н.И. Малыхиной в работе И.Н. Никитиной в этом плане не прослеживается, диссертантки опирались не на исследования друг друга, а на лексикографические источники и материалы Корпуса, на что в обеих работах и указано. Отмечу при этом, что и словари, которыми пользовались исследовательницы, также не полностью идентичны: среди них есть и одинаковые, и разные, что, с одной стороны, не могло не повлиять на полученные результаты, а с другой – еще раз подтверждает независимость проведенных исследований.

Все сказанное свидетельствует о том, что диссертационная работа И.Н. Никитиной является самостоятельным научным исследованием. Данная работа выполнена по специальности «Теория языка», в ней изучается ранее не рассматривавшаяся национальная специфика семантем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков, определяется коммуникативная значимость семем лексем обоих языков. Работа прошла необходимую апробацию. Практическим результатом исследования стал изданный словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков. Надеюсь, что приведенные нами разъяснения Вас удовлетворят и рассеют тревожащие Вас сомнения относительно данной работы.

Проф. М.А. Стернина

17.11.13

Мои объяснения господина Кретьова не убедили, и я получила от него еще одно послание:

ОТВЕТ НА ОБЪЯСНЕНИЯ М. А. СТЕРНИНОЙ

Центральным вопросом является вопрос о зависимости/независимости диссертации И.Н.Никитиной от диссертации Н.И. Малыхиной по

объекту исследования – 99 общим глаголам, анализируемым по одним и тем же словарям в одном и том же лингвистическом корпусе (Британском национальном корпусе). Соискательница и её научный руководитель либо не подозревают, либо делают вид, что им не известно о существовании других не менее, если не более богатых корпусов английского языка. Так же они поступают и относительно имеющихся в науке частотно-семантических словарей английского и русского языков.

Зачем в двух диссертациях двух аспиранток одного научного руководителя при наличии богатого выбора корпусов английского языка прибегать к одному и тому же корпусу, так и остаётся неясным.

Если научный руководитель знает о существовании других корпусов английского языка, то трудно понять, зачем он сознательно заставляет свою соискательницу выполнять уже единожды сделанную работу, ставя под сомнение и новизну данных, и актуальность исследования, и самостоятельность её работы.

Что же касается доказательств независимости исследования И.Н.Никитиной от исследования Н.И.Малыхиной, предлагаемых М.А. Стерниной, то при всей кажущейся убедительности их нельзя принять, так как они основаны на ложной посылке: будто бы доказательством зависимости одной работы от другой является совпадение количества значений у рассматриваемых глаголов. Это, разумеется, не так: дело в совпадении не количества, а качества значений, дефиниции которых в рассматриваемых диссертациях часто совпадают с точностью до символа. Можно себе представить противоположный случай, когда количество значений совпадает, а качество нет – тогда ни о какой зависимости речи быть не может.

Если, как утверждает М.А. Стернина, два исследования выполнялись аспирантками независимо друг от друга, как тогда объяснить, что в дефинициях, используемых И.Н.Никитиной, 5 раз повторяется та же ошибка, что и в дефинициях Н.И.Малыхиной: в начале дефиниции вместо русского «эс» пишется английское «си», а вместо русского «тэ» – английское «ти»? На глаз различие незаметно, но алфавитная сортировка неопровержимо свидетельствует о посимвольном тождестве дефиниций: «Слушать, разбирать дело на судебном заседании», «Спрос на товар», «Стартовать, давать старт / Старт», «Судебное дело, процесс» и «Требование уплаты долга, очередного взноса и т. п.». Пять раз случайно ТАК ошибиться в одних и тех же дефинициях два разных человека не могут.

Весьма выразительны и следующие совпадения с точностью до символа:

Малыхина	Требовать	<i>They expect servants to be invisible</i>
Никитина	Требовать	<i>They expect servants to be invisible</i>
Малыхина	Требовать,	<i>Most college courses require you to write</i>

	<i>приказывать</i>	<i>essays, laboratory reports or dissertations</i>
	<i>Требовать,</i>	<i>The Labour Government took powers to</i>
<i>Никитина</i>	<i>приказывать</i>	<i>require all local education authorities to</i>
<i>Малыхина</i>	628	<i>organize secondary education on</i>
		<i>comprehensive principles</i>
		<i>Сохраняться; оставаться в каком-л</i>
		<i>состоянии</i>
<i>Никитина</i>	2384	<i>Сохраняться; оставаться в каком-л</i>
		<i>состоянии</i>
		<i>Провести, устроить, организовать</i>
<i>Малыхина</i>	2605	<i>мероприятие</i>
		<i>Провести, устроить, организовать</i>
<i>Никитина</i>	1749	<i>мероприятие</i>
<i>Малыхина</i>	2607	<i>Овладевать вниманием</i>
<i>Никитина</i>	1753	<i>Овладевать вниманием</i>
		<i>Достигнуть определённого момента,</i>
<i>Малыхина</i>	3769	<i>возраста и т</i>
		<i>Достигнуть определённого момента,</i>
<i>Никитина</i>	1778	<i>возраста и т</i>
<i>Малыхина</i>	32	<i>Внушать, подсказывать (мысль, идею и т</i>
<i>Никитина</i>	2238	<i>Внушать, подсказывать (мысль, идею и т</i>

После ТРЕ-, ПРИ-, ОС-, МЕРО-, ВНИМА-, ОПРЕДЕ-, ПОД- у обеих соискательниц следует знак мягкого переноса, который на глаз может быть незаметен, но от этого не перестаёт присутствовать. Случайность такого числа событий равна нулю.

Теперь рассмотрим вопрос о количестве формально совпадающих дефиниций (мы намеренно оставляем в стороне вопрос о несущественной трансформации дефиниций, придающей видимость различия, ничего не меняя по существу).

Из 2206 дефиниций, приводимых И.Н.Никитиной, 486 совпадают с дефинициями Н.И.Малыхиной с точностью до символа. А это уже 22%. Случайно каждая пятая дефиниция совпадать с точностью до символа не может.

86 раз на 99 общих глаголов у И.Н.Никитиной и Н.И.Малыхиной совпадают примеры.

Таким образом, зависимость диссертации И.Н.Никитиной от диссертации Н.И.Малыхиной можно считать неопровержимо доказанной. А вместе с ней – и неискренность или по меньшей мере неинформированность М.А. Стерниной о реальном положении дел.

Если бы И.Н.Никитина прямо указала, что ею были использованы и преобразованы в целях собственного исследования данные Н.И.Малыхиной, это можно было бы понять и принять. Но в диссертации

об этом не говорится, и от обвинения в использовании чужих материалов без ссылки на автора никуда не уйти.

В науке это называется словом «плагиат», что делает невозможным принятие диссертации И.Н.Никитиной к защите без существенной переработки.

*Председатель диссертационного совета Д 212.038.07 при ВГУ
А.А.Кретов
18.11.2013 г.*

Пришлось опять вступить в переписку с председателем совета:

*Председателю диссертационного совета Д 212.038.07
проф. А.А. Кретову*

Категорически отвергаю выдвинутое Вами совершенно оскорбительное заявление в адрес меня и моей аспирантки И.Н. Никитиной относительно наличия плагиата в ее работе.

Как видно из Вашего ответа на мои объяснения, в качестве основной претензии к работе И.Н. Никитиной Вы выдвигаете выявленное Вами совпадение дефиниций глагольных семем английского языка. Отмечу в связи с этим, что, углубившись в дебри компьютерной лингвистики, Вы, видимо, упустили из вида, что значение слова – данность, которую нельзя волюнтаристски менять, поэтому «качество» значений кардинально отличаться не может и не должно. Задачей И.Н. Никитиной было не выявление значений отдельных глагольных семем, а выявление национальной специфики семантем лексем русского и английского языков, что автор и сделала.

Автор диссертации могла просто воспользоваться любым из имеющихся словарей и рассмотреть представленные там значения исследуемых ею лексем, как например, делают диссертанты в работах, выполненных под Вашим руководством – причем, в частности, и языков экзотических, которыми диссертанты сами наверняка не владеют и поэтому полностью доверяют словарям. В этом случае совпадения со словарными дефинициями было бы 100%. Однако диссертантка сочла необходимым использовать ряд словарей, провела кропотливый семантический анализ (вручную, а не с использованием компьютерных программ) и представила на основании разных лексикографических источников свое видение каждой из изучаемых семантем. Если ее выводы о количестве и «качестве» представленных в семантемах семем совпали с данными большинства словарей и данными, полученными Н.И. Малахиной в результате проведенного ею собственного исследования, это никоим

образом не может ставить под сомнение факт проведенного И.Н. Никитиной анализа. Надеюсь, что Вам не придет в голову обвинять в плагиате авторов существующих толковых словарей на основании того, что многие значения в словарях разных авторов совпадают.

Выявленные Вами технические ошибки (использование латинского символа вместо русского) в пяти совпадающих в двух работах словарных дефинициях легко объясняются сложностью постоянной необходимости перехода с латинского шрифта на русский. А скрупулезно перечисленные Вами совпадающие случаи «знаков мягкого переноса» можно объяснить тем фактом, что обе диссертантки в случаях, когда выделенное ими значение совпадало с имеющимся в словарях, в целях экономии усилий отдельные дефиниции не набирали, а копировали из электронных версий соответствующих словарей.

Вы также ставите в вину И.Н. Никитиной, что 86 ее примеров совпадают с примерами Н.И. Малыхиной. Замечу в связи с этим, что в общей сложности в диссертации И.Н. Никитиной приведено 918 примеров коммуникативно релевантных семем, так что выявленное Вами количество составляет всего 9,8% от общего числа приводимых примеров. Поскольку материалом исследования в обоих случаях явился Британский Национальный корпус, наличие одинаковых примеров на значения, особенно те, которые характеризуются низким индексом коммуникативной релевантности, вполне закономерно.

Что касается Ваших претензий к выбору материала исследования и требования использовать другие источники, отмечу, что выбор материала исследования и используемых словарей целиком в компетенции руководителя и диссертанта, и наличие других материалов и других источников, которые в работе не используются, никак не может компрометировать ни диссертанта, ни его работу. Британский Национальный корпус используется сотнями исследователей, он авторитетен и признан в лингвистическом сообществе, именно поэтому он и был выбран для исследования.

*Отмечу, что приведенные Вами факты никоим образом не свидетельствуют о наличии в работе И.Н. Никитиной плагиата. Напомню, что под плагиатом понимается умышленное присвоение авторства на чужие произведения литературы, науки, искусства. И.Н. Никитина авторства на приводимые в ее работе словарные дефиниции не присваивала, в ее работе отмечены все словари, на основании которых проводилось диссертационное исследование. В качестве одной из задач исследования диссертантка как раз и ставит необходимость определить семантемы изучаемых лексем **путем анализа словарных статей в наиболее авторитетных толковых словарях русского и английского языков и англо-русских словарях.** Речь о*

самостоятельном выделении значений рассматриваемых лексем И.Н. Никитина нигде не ведет.

Отмечу также, что все Ваши претензии относительно якобы существующего в работе плагиата относятся по существу к перечню семем, представленных в приложении к работе в виде словаря коммуникативной релевантности. К самому исследованию Вы подобных претензий не предъявляете. Между тем защищать диссертантка будет диссертацию по теории языка, а не практическое приложение к ней, вследствие чего Ваши соображения относительно невозможности допустить диссертацию к защите по причине плагиата выглядят более чем неубедительными. Кстати, текст всей диссертации, вместе с приложением, проверенный в системе Антиплагиат, показал, что процент оригинальности работы составил 89,21%, что выше допустимой нормы.

В соответствии с Положением о диссертационном совете вы не уполномочены единолично принимать решение о допуске/недопуске диссертаций к защите, для этого Советом создается экспертная комиссия. Диссертация И.Н. Никитиной получила одобрение со стороны всех членов экспертной комиссии, вследствие чего я настаиваю на принятии данной работы к защите.

Проф. М.А. Стернина
20.11.13

P.S. Обращаю также внимание на совершенно недопустимый тон Ваших писем. Высказывания типа «Соискательница и её научный руководитель либо не подозревают, либо делают вид, что им не известно о существовании других не менее, если не более богатых корпусов английского языка», а также обвинения меня в «неискренности или, по меньшей мере, неинформированности» оскорбительны и для моей аспирантки, и для меня как научного руководителя. Вы не имеете никакого морального и научного права позволять себе столь высокомерные и оскорбительные высказывания в адрес коллег. Отмечу при этом, что подобные высказывания в адрес моих аспирантов Вы позволяете себе уже не первый раз. Так, на защите моей аспирантки О.В. Сухановой Вы совершенно бездоказательно и безапелляционно заявили, что «диссертантка делает вид, что не знает английского языка». Представляется, что подобные заявления на заседании ученого совета недопустимы, а из уст председателя совета – тем более, поэтому просила бы Вас впредь их себе не позволять.

Оставляю за собой право проинформировать руководство университета о превышении Вами своих полномочий и нарушении Вами процедуры принятия диссертации к защите.

Привожу также текст моей служебной записки в адрес ректора:

Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов

Ректору ВГУ
Д.А. Ендовицкому

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От 20.11.2013 № 492

Обращаю Ваше внимание на высокомерные и оскорбительные действия по отношению ко мне и моей аспирантке И.Н. Никитиной со стороны председателя диссертационного совета по теории языка и русскому языку проф. А.А. Кретова.

И.Н. Никитина, 1974 г. рождения, является аспиранткой третьего года обучения. Работу над темой исследования И.Н. Никитина начала задолго до поступления в аспирантуру, вследствие чего ей удалось подготовить текст диссертации досрочно – к началу третьего года обучения в аспирантуре. Я как научный руководитель всячески поощряла стремление аспирантки досрочно защитить диссертацию, полагая это полезным и для нее лично, и для университета в плане выполнения контрольных цифр выпуска аспирантов. В результате 25 октября аспирантка прошла предзащиту на кафедре и 29 октября подала все необходимые документы в совет.

После этого председатель совета А.А. Кретов в течение двух недель отказывался назначать экспертную комиссию по данной диссертации, а на заседании совета 7 ноября факт подачи моей аспиранткой документов в совет сначала пытался отрицать, а затем заявил, что совет будет рассматривать ее диссертацию определенными Положением на эти цели два месяца.

После моего обращения по этому вопросу к проректору В.Н. Попову и начальнику управления аспирантуры и докторантуры Л.Н. Коноваловой А.А. Кретов назначил трех экспертов: профессоров А.А. Припадчева, В.Б. Кашкина и В.Ю. Копрова, каждый из которых дал положительный отзыв на работу И.Н. Никитиной.

Однако А.А. Кретов по-прежнему отказывается назначить диссертантке дату защиты, предъявляя к данной работе все новые и новые надуманные претензии – теперь обвиняет диссертантку в плагиате, а меня – в некомпетентности как научного руководителя на основании того, что часть материала, изучаемого в данной диссертации, исследовалось другой моей аспиранткой, защитившей диссертацию по другой научной специальности в другом совете.

Все его обвинения надуманны, он совершенно не вникает в суть проведенного исключительно кропотливого исследования (диссертанткой, в частности, изучено 200 000 контекстов употребления русских и английских глагольных лексем, подсчитана частотность каждого из значений 100 русских и 100 английских лексем и выпущен словарь коммуникативной релевантности семем русских и английских глагольных лексем объемом около 10 п.л.). Мы дали разъяснения по всем его претензиям, но все мои объяснения А.А. Кретов игнорирует и постоянно выдвигает новые претензии, при этом претензии формулируются в недопустимо грубой и оскорбительной форме.

Это не может не наводить на мысль о предвзятости председателя совета. А.А. Кретов явно тянет время, чтобы моя аспирантка не успела защититься до Нового года.

А.А.Кретов не первый раз грубо нарушает Положение о диссертационном совете, присваивая себе единоличное право допускать или не допускать диссертации отдельных руководителей к защите. В соответствии с Положением о диссертационном совете он не уполномочен единолично принимать решение о допуске/недопуске диссертаций к защите, для этого Советом создается экспертная комиссия. Диссертация же И.Н. Никитиной получила одобрение со стороны всех членов экспертной комиссии.

Своим отношением к моей аспирантке А.А. Кретов нарушает пункт 17 Положения о совете, гласящий, что диссертационный совет должен способствовать созданию максимально благоприятных условий для защиты соискателем подготовленной им диссертации, а также решение руководства университета о создании условий для защиты аспирантов в связи с изменениями в ВАК.

Убедительно прошу Вас принять соответствующие меры, оградить меня и мою аспирантку от оскорбительных нападок со стороны проф. А.А. Кретова и обязать его своевременно принять диссертацию И.Н. Никитиной к защите. Для аспирантки исключительно важно защитить диссертацию в этом календарном году, поскольку у нее имеются только две ВАКовские статьи, а с января по гуманитарным специальностям будет требоваться уже три такие публикации.

Прошу также указать А.А.Кретову на недопустимость подобного поведения на посту председателя совета и необходимость соблюдать положение о диссертационном совете.

Прилагаю для Вашего сведения отзывы членов экспертной комиссии по диссертации И.Н. Никитиной и мои ответы на инсинуации А.А. Кретова по поводу плагиата в работе моей аспирантки.

Зав. каф. англ. языка
естественно-научных факультетов
проф. Стернина М.А.

Мне пришлось настоять также на личной встрече с Кретовым в кабинете ректора, где в присутствии проректора по научной работе и начальника управления аспирантуры и докторантуры было принято решение поставить на очередном заседании диссертационного совета вопрос о принятии диссертации Инны к защите. По результатам этого заседания защита была назначена на утро 30 января, таким образом, мы успевали защититься до вступления в силу новых правил с требованиями трех ВАКовских работ.

А на защите героически боролась уже Инна. Профессор Кретов не успокоился, и, пользуясь служебным положением председателя, сначала методично, вставая и тут же садясь, задал соискательнице более 40 вопросов, а потом, потрясая неподъемными распечатками так любимого им словаря Э. Торндайка и И. Лорджа, выступил с отрицательным отзывом по работе, поставив при этом под сомнение и другие уже давно защищенные и утвержденные ВАК работы, выполненные в рамках разрабатываемого нами сопоставительно-параметрического метода. После своего выступления он не дал больше никому выступить и закрыл дискуссию.

Привожу для сведения читателей отрывки из стенограммы защиты Инны с вопросами Кретова и ее ответами:

Председатель:

Пожалуйста, есть ли еще вопросы? Нет. Тогда у меня вопрос. Скажите, пожалуйста, какие корпуса английского языка Вы знаете?

Никитина И.Н.:

Спасибо. Дело в том, что мы пользовались Британским национальным корпусом как самым известным в лингвистическом мире, и на другие корпуса мы не обращали внимания.

Проф. Кретов А.А.:

В чем Вы видите преимущество Британского национального корпуса перед другими корпусами английского языка?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Как я уже сказала, это – один из самых известных корпусов, который используется в лингвистическом мире. Многомиллионный объем текстов, широчайшая эмпирическая база.

Проф. Кретов А.А.:

Кстати, сколько миллионов?

Никитина И.Н.:

Числа не могу сейчас привести. В задачи нашего исследования не входило изучить сам корпус, и сколько текстов там представлено. Мы брали по тысяче примеров каждой лексемы. Этого нам было достаточно для проведения исследования.

Проф. Кретов А.А.:

А сколько примеров выдает корпус за один запрос?

Никитина И.Н.:

На странице, по-моему, пятьдесят, но можно настроить и больше. Все зависит от настроек.

Проф. Кретов А.А.:

И как же Вы добивались того, что у вас получалась 1000 на каждое слово?

Никитина И.Н.:

Мы добирали эту тысячу, несколько страниц по пятьдесят или сто примеров.

Проф. Кретов А.А.:

У Малыхиной в ее диссертации приведена частотность ста самых употребительных глаголов английского языка, 99 из которых исследуете и вы. И там далеко не у всех слов частотность по корпусу превышает тысячу. Откуда же Вы брали недостающие примеры?

Никитина И.Н.:

Дело в том, что когда я исследовала данные лексемы, я не знаю, о каких именно лексемах идет речь, то выставляла в настройках нужное число, и проблем с этим не возникало. Спасибо.

Проф. Кретов А.А.:

Так кто же ошибается, Малыхина в своей диссертации, когда указывает число по Британскому национальному корпусу?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос, но я не могу на него ответить, поскольку за Малыхину я ничего не могу сказать. Как она это делала, как исследовала. У нас совершенно разные исследования, не связанные друг с другом, хотя мы и пользуемся одним и тем же корпусом.

Проф. Кретов А.А.:

Когда был создан Британский национальный корпус?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос, но это опять же из тех вопросов, которые не входили в задачу нашего исследования. Нам не нужна была эта информация для нашего исследования.

Проф. Кретов А.А.:

Спасибо. Скажите, сколько глаголов в английском языке?

Никитина И.Н.:

Такую статистику я не проводила, спасибо. Нам нужно было изучить сто наиболее частотных английских глаголов.

Проф. Кретов А.А.:

Сколько глаголов в русском языке?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Мы исследовали сто наиболее частотных глаголов, это для нас было самое важное. Каждый словарь выделяет разное количество, и все словари по-разному к этому подходят.

Проф. Кретов А.А.:

А Вам известно, что есть обратный частотный словарь? Обратный словарь русского языка, в котором собраны данные самых крупных академических словарей русского языка и там подсчитано, сколько слов по частям речи входят в академические словари.

Никитина И.Н.:

Спасибо. Я, конечно, слышала о таком словаре, но у нас не было необходимости к нему обращаться.

Проф. Кретов А.А.:

Так я скажу. В русском языке несколько более тридцати тысяч глаголов. Как Вы считаете, может ли одна трехсотая часть от общего числа русских глаголов, дать необходимую информацию и свидетельствовать в целом о всех тридцати тысячах? Можно ли по ста глаголам свидетельствовать о национальной специфике тридцати с лишним тысяч глаголов?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Дело в том, что мы не ставили себе такую цель или задачу, узнать национальную специфику всех тридцати тысяч глагольных лексем русского языка, а только ста первых наиболее частотных.

Проф. Кретов А.А.:

Считаете ли Вы, что этого достаточно, чтобы говорить о национальной специфике семантем в русском языке?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Да, мы считаем, что именно сто русских наиболее частотных глагольных лексем – достаточно репрезентативное количество, чтобы сделать такой вывод.

Проф. Кретов А.А.:

Судить о языке в целом?

Никитина И.Н.:

Да.

Проф. Кретов А.А.:

Скажите, знакомы ли Вы с диссертацией Ирины Анатольевны Терентьевой?

Никитина И.Н.:

Да, мы познакомились с работой Ирины Анатольевны. Достаточно интересная работа. Под функциональной нагрузкой Ирина Анатольевна понимает практически то же, что мы понимаем под коммуникативной релевантностью. Но исследователь выполняла свою работу в диахронии, то есть рассматривала связь между древностью слов и их употребительностью. Мы же свое исследование проводили в синхронии, исключительно на материале Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка, что свидетельствует о современном состоянии русского и английского языков на данном этапе.

Проф. Кретов А.А.:

Спасибо. Как Вы считаете, с какой скоростью изменяется лексико-семантическая система языка?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Нами такое исследование не проводилось. Я еще раз повторюсь, мы проводили свое исследование исключительно в синхронии. Диахрония осталась за рамками нашего исследования. Но, возможно, в перспективе это будет очень интересно.

Проф. Кретов А.А.:

То есть, Вы не можете сказать, на протяжении какого периода изменения в лексико-семантической системе остаются практически неизменными? Что такое синхрония, Вы мне можете сказать?

Никитина И.Н.:

Спасибо. Синхрония – это именно современный этап развития языка.

Проф. Кретов А.А.:

А как широко Вы его понимаете? Или это сейчас, сию минуту?

Никитина И.Н.:

Возможно, в пределах нескольких лет.

Проф. Кретов А.А.:

Значит, Вы считаете, что за несколько лет лексико-семантическая система языка кардинально меняется?

Никитина И.Н.:

Нет, мы не считаем, что она так кардинально меняется, происходят какие-то незначительные изменения постепенно. Но опять же, это нужно смотреть в диахронии. Скорее всего, на этот вопрос лучше бы ответила Ирина Анатольевна, которая и занималась этим исследованием.

Проф. Кретов А.А.:

Скажите, пожалуйста, известен ли Вам такой термин как «оценка толкового словаря по тексту» и если да, то, что это такое?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Мне очень хотелось бы узнать, что это такое. Вероятно, это помогло бы мне в дальнейших исследованиях.

Проф. Кретов А.А.:

Это термин Алексеева еще семидесятых годов, которому принадлежит и книга «Частотные словари», и статьи. Это как раз то, чем Вы занимались в своей диссертации. Скажите, пожалуйста, что такое частотно-семантические словари, и какие частотно-семантические словари вы знаете?

Никитина И.Н.:

Что касается частотно-семантических словарей, я знаю, что Ирина Анатольевна проводила свое исследование на основе частотно-семантического словаря Торндайка и Лорджа, но так как мы такими словарями не пользовались, их рассмотрение в задачу нашего исследования не входило.

Проф. Кретов А.А.:

Но что такое частотно-семантический словарь?

Никитина И.Н.:

Это словарь, который показывает частотность, употребительность каких-либо семем в лексеме.

Проф. Кретов А.А.:

То есть частотность, употребительность семем в лексеме Вас не интересовала?

Никитина И.Н.:

Конечно, интересовала, но опять же, в синхронии и другими словарями, кроме мною уже перечисленных, мы не пользовались. Это не входило в задачи нашего исследования, еще раз повторюсь.

Проф. Кретов А.А.:

Такой вопрос. Если Вы хотите выявить национальную специфику семантем, то не естественнее ли взять сто самых многозначных слов данного языка и исследовать их семантемы, а не сто самых употребительных?

Никитина И.Н.:

Спасибо. Это, кстати, очень интересная мысль. Возможно, мы ею воспользуемся в будущем. Мы начали со ста наиболее частотных глаголов, почему бы не продолжить многозначными.

Проф. Кретов А.А.:

На странице 6, положения 3, выносимого на защиту, Вы пишете: в семантемах многозначных русских и английских наиболее частотных глагольных лексем возможно коммуникативное превалирование семем всех типов, а дальше перечисляете: Д1, Д2 и К1, но ведь кроме этих типов, есть еще семемы К2 и К3. Так на каком основании Вы пишете: «семем всех типов», если перечисляете только три?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Дело в том, что мы перечислили только три семемы, потому что только этими тремя семемами мы пользуемся в своем исследовании. Семема К2 уже утратила свою логически мотивированную связь с денотативной семемой. К3 вообще не имеет денотативной семемы и используется в составе идиом. Мы их не рассматривали, поэтому мы пишем только о тех трех, которыми пользуемся и которые реально есть в семантемах.

(из зала)

Может быть, уже черту подвести?

Проф. Кретов А.А.:

Вопросы задаются до тех пор, пока члены диссертационного совета ни выяснят все, что им необходимо выяснить. Итак, как Вы считаете, справедливо ли по отношению к русскому языку говорить о лексико-грамматической полисемии и игнорировать частеречное различие слов в русском языке?

Никитина И.Н.:

Спасибо. Дело в том, что в русском языке лексико-грамматической вариантности нами не было выявлено, но были случаи лексико-грамматической полисемии. В семантемах некоторых лексем встречались семемы с семой модального слова, с семой частицы, междометия.

Проф. Кретов А.А.:

Это уже переход лексики в грамматику, а не существительного в глагол. Такой вопрос. Скажите, когда Вы получали пример из корпуса, Вам нужно было его соотнести с каким-то из значений в словаре?

Никитина И.Н.:

Извините, с той семантемой, которую мы для себя вывели из всех словарей.

Проф. Кретов А.А.:

Да, именно так. Вы априорно, до анализа материала вывели для себя семантему на основании толковых словарей и собственной лингвистической интуиции. Так вот, Вам же надо еще подсчитать частотность каждой семемы в национальном корпусе. Для этого Вам каждый пример надо соотнести с каким-то из значений. Как Вы это делали?

Никитина И.Н.:

Если мы видим пример, скажем, с глаголом бояться, например, «Мальчик очень боится грозы», то мы смотрели на семантему, которую для себя вывели, и видели, что пример схож с первой, денотативной семемой «испытывать страх».

Проф. Кретов А.А.:

А как Вы это определяли? Например, Вы брали глагол «смотреть», и как Вы определяли, с какой из семем соотносится глагол в этом примере?

Никитина И.Н.:

Мы делали это на основании семантического анализа.

Проф. Кретов А.А.:

А как Вы его осуществляли?

Никитина И.Н.:

Именно так, как я описала до этого. Мы смотрели на пример из корпуса и сопоставляли с теми семемами, которые у нас есть из словарей и таким образом определяли, какой семеме, какому значению подходит пример.

Проф. Кретов А.А.:

А как Вы сопоставляли? Вы что, подставляли вместо глагола словарное толкование?

Никитина И.Н.:

Если, например, «линолеум боится растворителей», то это, естественно, не «испытывать страх», не «беспокоиться о чем-либо», это «портиться». Таким образом, можно определить, к какому значению относится данная семема.

Проф. Кретов А.А.:

А попадались ли Вам такие примеры, которые можно было отнести сразу к двум значениям?

Никитина И.Н.:

Да, такие спорные моменты бывают у всех исследователей, и в этом случае помогает лингвистическая интуиция.

Проф. Кретов А.А.:

И как же Вы поступали в таком случае?

Никитина И.Н.:

Конечно, это часто субъективный взгляд, но мы решали, что какая-либо отдельная семема относится к этому значению, или же к тому. Это уже дело исследователя.

Проф. Кретов А.А.:

Скажите, пожалуйста, какими соображениями Вы руководствовались, когда составляли такую шкалу: 10%, 20%, 30%, 50%, больше 50%, или когда Вы делили многозначность на мало, много, гипер и сверхгиперсемемные?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Эти шкалы были введены до нас нашими коллегами в рамках сопоставительно-параметрического метода. Мы их использовали в своем исследовании, но не мы их вводили.

Проф. Кретов А.А.:

Понятно. А видите ли Вы в этом какое-либо научное основание, какую-либо мотивацию?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Эти шкалы приняты в рамках сопоставительно-параметрического метода, апробированы, опять же доказали свою эффективность. У нас не было причин не воспользоваться ими, не довериться нашим коллегам, которые их вводили.

Проф. Кретов А.А.:

Спасибо. А чем Вы объясняете текстуальное, буквально до символа, совпадение дефиниций в приложении к Вашей диссертации и к диссертации Малыхиной?

Никитина И.Н.:

Что касается дефиниций семем в лексемах, то те словари, которыми мы пользовались, представлены и в Интернете, кроме бумажного варианта, поэтому мы, бывало, копировали из Интернета для экономии времени.

Проф. Кретов А.А.:

Спасибо. Почему же тогда в списке использованной литературы не указано ни одного Интернет-словаря?

Никитина И.Н.:

Те же словари, которые есть в бумажном варианте, есть и в Интернете.

Проф. Кретов А.А.:

Вот если бы Вы пользовались бумажным вариантом, такого совпадения бы не возникло, но Вы пользовались электронным вариантом и этого не указали. Значит, данные в Вашей диссертации недостоверны? Указания на источники можно ли считать достоверными в таком случае?

Никитина И.Н.:

Спасибо. Мы считаем, что они достоверны. Какие-то словари у нас совпадали, какие-то были различны, исследования – самостоятельные, поэтому мы так считаем.

Проф. Кретов А.А.:

В Вашей диссертации упоминается фамилия А.М. Кузнецовой. Скажите, пожалуйста, что это за лингвист?

Никитина И.Н.:

Спасибо за вопрос. Дело в том, что в наш библиографический список попадали не только классические работы, но и работы, возможно, малоизвестных исследователей. Кузнецова – одна из них.

Председатель:

Спасибо. У меня больше вопросов нет, а если вопросов больше нет, прошу соискателя занять свое место.

Представляется, что читателям будет небезинтересно познакомиться и с выступлением Алексея Александровича по поводу работы моей аспирантки:

Председатель:

Некоторые полагают, что функции председателя диссертационного совета сродни функции тамады на свадьбе. Он должен только хвалить. Это заблуждение. Председатель диссертационного совета обладает всеми правами члена диссертационного совета и вправе высказывать свое мнение, также, как и все остальные члены диссертационного совета.

Итак, я хочу вместе с вами оценить актуальность, достоверность, новизну, методы исследования и положения, выносимые на защиту. Актуальность исследования, как я полагаю, всегда связана с тем, исследовался ли данный объект до этого или не исследовался. В данном случае мы имеем дело с исследованием ста наиболее употребительных глаголов русского языка и ста наиболее употребительных глаголов английского языка. Сто наиболее употребительных глаголов английского языка, кстати, почему-то по одному и тому же корпусу, по одному и тому же частотному списку, но у двух разных диссертанток одного научного руководителя эта цифра разошлась. У Малыхиной, диссертация которой недавно защищалась по германистике, было исследовано двести наиболее употребительных глаголов английского языка по Британскому национальному корпусу и по тому же двуязычному англо-русскому словарю. У Малыхиной и Инны Николаевны совпали 99 глаголов. Значит, на 99%, давайте поделим их пополам, актуальность данной работы сомнительна. Более того, в той работе были использованы те же самые индексы, что и в данной диссертации плюс три, которые предложила дополнительно к этим индексам. Я внимательно ознакомился с той и с другой работой и складывается впечатление, что научный руководитель решил убить сразу двух зайцев. Дал английские глаголы одной соискательнице, и она защитилась по германистике, а потом те же самые глаголы, только с укрупнением значений, были использованы в другой диссертации с добавлением еще русского материала. Это что касается новизны исследования, новизны полученных результатов.

Теперь, исследовалась ли функциональная нагрузка на значения или, как ее здесь называют коммуникативная релевантность, ранее? Да, исследовалась. Вот, пожалуйста, это один словарь – английского языка, а это – дополнение к нему: 570 наиболее употребительных английских слов, в которых указаны относительные частоты каждого из значений. При этом значения в этих словарях выделены по Оксфордскому словарю, по самому авторитетному словарю английского языка, не по двуязычному словарю Гальперина. Каждый исследователь знает, что если мы исследуем полисемию, то более объективные данные дают словари одноязычные, потому что двуязычные словари имеют задачу контрастивную, сопоставить одно с другим. В данном случае, исследуя национальную специфику, почему-то решили взять не словари, которые отражают национальную специфику максимально точно, а двуязычный словарь, который только отражает совпадение-несовпадение в двух языках. Кроме того, существует еще словарь: A General Service List of English words with Semantic Frequencies. Это словарь Майкла Уэста, изданный в 1986 году. Здесь также указаны в процентах частоты глаголов, существительных, прилагательных и наречий. Так что актуальность и новизна проделанного исследования, как вы

видите, под большим сомнением, но для того, чтобы этого сомнения не возникало, диссертантка не упоминает ни один словарь, ни другой словарь. Я неслучайно задал вопрос о том, как быстро меняется язык. Язык сопоставим с продолжительностью жизни человека. Человек на протяжении своей жизни понимает не только детей, но внуков и правнуков, поэтому в течение ста лет как минимум язык остается принципиально неизменным. Если происходят какие-то изменения на периферии языка, в молодежном сленге, который меняется каждые пять лет, то лексико-семантическая система языка, тем более его национальной специфики, это никаким образом не касается и касаться не может. Вот этих вопросов, вопросов синхронии, диахронии, знания этих вопросов, глубокого понимания Инна Николаевна не продемонстрировала. Знания литературы вопроса не продемонстрировала. В требованиях, предъявляемых к диссертациям, говорится, что полученные результаты должны быть соотнесены с аналогичными исследованиями, полученными ранее. Инна Николаевна не видит этих работ. Более того, почему я спросил о национальном корпусе Британского языка. Британский национальный корпус задуман в семидесятые, выполнен в восьмидесятые годы прошлого века, то есть не так далеко от этого словаря. Этот словарь и тот словарь разделяют каких-то сорок лет, что для языка и для лексико-семантической системы, и для ядра лексико-семантической системы – абсолютно одно и то же. Так, научный кругозор соискателя, как мы с вами видим, ограничен и узок. Он не знает важнейших работ, имеющих непосредственное отношение к теме его исследования. Вот эти словари составили специалисты и профессионалы и составили по Оксфордскому словарю, и появляется Инна Николаевна и с помощью своей языковой интуиции начинает делать свой словарь так, как будто бы до нее никто ничего не делал. Вот это представление о том, что до тебя никто ничего не делал, называется провинциализмом, и данная диссертация этим признаком, к сожалению, характеризуется. Британский корпус является самым древним из существующих одиннадцати корпусов английского языка. Кроме того, он состоит всего из ста миллионов словоупотреблений. Другие корпуса содержат 400-445, а последний по времени, новейший, содержит без малого два миллиарда словоупотреблений, но это не входило в цели Инны Николаевны. Знать об этом ей не нужно, потому что это, по мнению Инны Николаевны, не влияет на достоверность, обоснованность исследования.

Далее, что касается самого метода, Иосиф Абрамович сослался на метод умственных усилий при семантизации слов. Существуют и другие. Как показали ответы Инны Николаевны, никаких других она указать не смогла. Каждый, кто занимался оценкой толкового словаря по корпусу или определением частот семем в том или ином слове, и, кстати, об этом писал Дмитрий Николаевич Шмелев в своей монографии, которого цитирует Инна Николаевна, знает, что два значения слова в словаре всегда имеют зону нейтрализации, соединены множеством примеров, которые одновременно могут быть реализованы и в первом, и во втором значении, могут одновременно могут быть отнесены к первому и второму значению. Когда Инна Николаевна насильно эти примеры относит к одному из значений, она режет по живому. Она искажает реальную ситуацию в языковой системе, и это делает ее данные недостоверными. Более

того, я абсолютно согласен с автором отзыва ведущей организации. Достоверность диссертации Инны Николаевны – не очевидна и не доказуема. Она принципиально недоказуема потому, что у нас нет, я не говорю, всех двухсот тысяч примеров, которые она проанализировала. Кстати, в приложении к диссертации на диске можно было бы их дать и с тем, как они расписаны по значениям, если эта работа проведена. Для того, чтобы работа была верифицируема, это абсолютно необходимо. Можно было бы для примера хотя бы в приложении на один глагол дать хотя бы одну тысячу, две тысячи, десять тысяч. Мы бы посмотрели, как Инна Николаевна расписывает их, примеры по значениям. Тогда бы работа обладала хотя бы частичной верифицируемостью. На сегодняшний день приходится констатировать, что эта работа не отвечает главному требованию – научности. Между прочим, наука отличается от религии тем, что в религии все основано на вере, а в науке – на сомнении. Так вот, здесь мы принимать на веру результат, который изложен в словаре, в приложении, не имеем права, потому что мы занимаемся наукой, а доказательств нам никаких не предложено. Оснований для сомнений у нас много. Например, чего стоит интерпретация диссертации Терентьевой как диссертации диахронической. Проблемы диахронии обсуждаются во второй главе, но материалом исследования является этот чисто синхронический словарь. Об этом написано в первой главе, там выведены закономерности распределения значений в многозначном слове в зависимости от количества значений у слова. Выведены формулы, выведены коэффициенты для английского языка и для русского языка, поэтому выносить на защиту положение: «в отличие от русских наиболее частотных глагольных лексем, семантемы английских лексем демонстрируют зависимость между объемом семантемы и количеством коммуникативно релевантных семем», после того, как выведена формула и получены коэффициенты, выносить такое положение на защиту – это все равно, что пытаться запатентовать палку-копалку после того, как запатентован шагающий экскаватор. Далее, зашоренность Инны Николаевны во всех ее ответах была представлена. Как только ей задаешь вопрос по существу, она говорит: так принято в школе, так есть в других диссертациях. Еще Паскаль говорил: «Цитируя великих, мы цитируем не их имена, а их аргументы». Аргументов я не услышал. Была ссылка на Иосифа Абрамовича при определении национальной специфики. Я цитирую, что было сказано: «национальная специфика – отличие по составу семантических компонентов». Во-первых, непонятно, отличие чего от чего по составу семантических компонентов. Во-вторых, мы возьмем два любых слова одного языка, и там будет отличие по составу семантических компонентов. Это что, национальная специфика? И что, национальной спецификой объявляется любое отличие одного языка от другого? Так в любом языке любые два слова будут отличны одно от другого. И где же здесь национальная специфика? Где здесь критерий, различие существенного от несущественного? Особенно интересна здесь была идея о том, что типология семем может быть построена таким образом. Да, действительно, возьмем и сосчитаем, сколько семем, поделим их на какие-то группы, дадим имя каждой из этих групп и назовем это типологией. Звучит красиво. Ценность такой

классификации для науки сомнительна. Таких классификаций можно построить множество.

Теперь о положениях, выносимых на защиту. Да, я еще не сказал по методу исследования. Здесь сказано, что изучение национальной специфики семантем стало возможным благодаря оформившемуся в рамках к началу двадцатого века нового метода. Благодаря метода, оформившемуся. Здесь ссылка на работу Иосифа Абрамовича и Марины Абрамовны десятого года. Как я понимаю, там предлагаются вот эти всякие коэффициенты. Что можно сказать об этих коэффициентах? Да, сосчитать их можно. Четыре правила арифметики – это удобно, этим все владеют, но какое значение все эти двадцать коэффициентов имеют, какое новое знание они дают, какую проблему теории языка они решают? Совершенно непонятно. Далее, в самом методе есть внутреннее и очень серьезное противоречие. С одной стороны, разница между частями речи настолько несущественна, что можно слова разной части речи включить в одну словарную статью. А с другой точки зрения, разница между частями речи настолько велика, что можно по разным частям речи давать разные диссертации и говорить, что это – принципиально разные работы. Где же тогда правда? Там, что части речи в названии диссертации – это очень важно, или то, что части речи в словарной статье – это не так важно? Что касается этого самого сопоставительно-параметрического метода, то, надо сказать прямо, что король голый, что этот метод ничего не дает теории языка и никакую национальную специфику выявить с его помощью нельзя. Нельзя взять одну трехсотую языка и получить данные обо всем языке. Иосиф Абрамович говорил, что берутся части, а потом экстраполируются. Иосиф Абрамович, еще в античности была зафиксирована такая логическая ошибка, когда свойства и особенности части переносились на целое. Эта экстраполяция недопустима. Надо доказывать возможность и допустимость такой экстраполяции. Надо доказывать, что часть обладает свойствами целого и, если такие доказательства есть, часть можно взять в качестве представителя всего целого, даже если она очень маленькая, но этими проблемами соискатель себя не занимает, потому что это не входило в задачи его исследования.

А теперь положения, выносимые на защиту. Первое: «национальная специфика семантем глагольных лексем может быть выявлена...» Может быть выявлена, а может быть не выявлена. Это – декларация, это – не результат. «Степень проявления национальной специфики семантем может быть определена ...» Опять декларация, а не результат. «В семантемах многозначных русских и английских ... лексем возможно коммуникативное превалирование ...». Далее еще интереснее. Зинаида Даниловна считает, что есть семемы К2 и К3, а соискательница считает, что таких семем нет, а есть только семемы Д1, Д2, К1, потому что пишет «всех типов». Далее, «семантемы русских наиболее частотных глагольных лексем характеризуются большей плотностью коммуникативно релевантных семем, ... их семемы более коммуникативно востребованы». Ценность этого вывода вызывает большие сомнения. Про пятое положение я сказал, и в заключении: «национальная специфика семантем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков может быть охарактеризована как умеренно выраженная». Что это? Решение

теоретической задачи? Получение какого-то интересного результата? Иосиф Абрамович говорил, что нужно давать качественное определение для шкалы. Качественное определение каждый сам даст. Вы дайте проценты, а дальше уже позвольте людям судить. Можете дать свою интерпретацию, но это – одна из возможных интерпретаций. Все эти шкалы – они ровно ничего не стоят, и эти названия не стоят тоже ровно ничего. Чего стоят проценты, я уже сказал. Они основаны на недостоверных данных соискателя, который по собственной языковой интуиции раскидал примеры. О том, сколько примеров раскидано и по каким значениям, мы не знаем, потому что они не предъявлены. Таким образом, констатируем, что из пяти положений, выносимых на защиту, ни одно из них не является заслуживающим научной степени кандидата филологических наук, поэтому мы имеем дело с диссертацией, которая ни по материалу, ни по методу, ни по результатам не соответствует требованиям, предъявляемым ВАКом к кандидатским диссертациям. Благодарю за внимание.

Данное выступление профессора Кретова тем более примечательно, что на этапе предварительной экспертизы он подавляющее число из перечисленных в данном выступлении претензий к работе не выдвигал.

А умница Инна на защите ответила ему кратко и аргументировано:

Никитина И.Н.:

Прежде всего, я хотела бы ответить на замечание о том, что моя работа и работа Надежды Игоревны Малыхиной во многом совпадают. Неверно было бы сказать так, потому что работы выполнялись с различными подходами, даже если на одном материале. Британский национальный корпус един для всех, также как и список частотных глаголов английского языка. Кто угодно, любой исследователь может на том же материале провести свое исследование. Что касается одинаковости, мы даже по-разному структурировали семантему и количество семем в семантемах у нас различно. Данные наши иногда совпадают немного, но, скорее всего, это может говорить о достоверности результатов исследования. Не стоит также забывать, что наше исследование проводится именно в сопоставлении русских глаголов с английскими глаголами, что Малыхина никак не могла проводить, поскольку ее исследование проводится исключительно в рамках английского языка.

Что касается различных мнений в науке, они приветствуются и позиция Алексея Александровича понятна.

Завершая рассказ об этой длинной эпопее, отмечу, что совет поддержал работу Инны, и кроме Кретова, против проголосовали только трое из числа его личных друзей.

К сожалению, полемизировать по поводу работ моих аспирантов мне пришлось не только с Кретовым. При принятии к защите диссертации моей аспирантки Нади Малыхиной один из экспертов – проф. Л.И. Цурикова дала отрицательный отзыв на работу и настаивала на кардинальных изменениях в ее тексте, с чем мы с Надеждой никак

согласиться не могли. Привожу экспертное заключение Любовь Васильевны и мой ответ на него:

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
о диссертации **Н.И.Малыхиной**
«Полисемия английского глагола
(на материале наиболее частотных глагольных лексем английского языка)»
специальность 10.02.04 - Германские языки

Диссертационное исследование Малыхиной Н.И. посвящено изучению особенностей полисемии наиболее частотной английской глагольной лексики и анализу различных типов многозначности этих языковых единиц. Рассматривая уже известные виды полисемии, автор использует количественные параметры описания для выявления тенденций в формировании лексической и лексико-грамматической многозначности английских глаголов на основании их статистических характеристик. В работе также ставится задача путем количественного анализа определить «коммуникативную востребованность семем и лексико-грамматических вариантов семем многозначных глагольных лексем английского языка» и «выявить в семантемах наиболее частотных глагольных лексем незафиксированные в существующих лексикографических источниках семемы и лексико-грамматические варианты семем».

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Во Введении обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются положения, выносимые на защиту. В первой главе обсуждаются теоретические основы исследования и его терминологический аппарат. Во второй и третьей главах представлены результаты проделанной автором работы по определению статистических характеристик элементов семантической структуры изучаемых глагольных лексем. В заключении кратко излагаются основные результаты и выводы. Приложение включает список наиболее частотных глагольных лексем английского языка и список семантем этих глаголов.

В рамках проведенного исследования Н.И.Малыхина проделала очень серьезную работу, включающую крайне трудоемкие аналитические операции, и получила большое количество статистических данных, подробно представленных в тексте диссертации, объем которой составил в общей сложности 350 страниц (219 страниц самой диссертации и 131 страница Приложений). Текст работы написан четким, грамотным научным языком, в нем почти нет ошибок и опечаток, что вызывает очень благоприятное впечатление.

В то же время при чтении диссертации возникает много вопросов и замечаний, которые в общем виде можно представить следующим образом:

1) Теоретическая глава имеет объем всего в 30 страниц (стр.10-40), в рамках которых всего 22 стр. текста отведено обсуждению изучаемого языкового явления - полисемии, 4 стр. посвящено краткой информации о корпусной лингвистике, половина страницы отведена сообщению об источниках получения эмпирического материала и на трех страницах представлен список используемых в работе терминов — как общеизвестных (*сема, семема, семантика*), так и новых без объяснения истории их происхождения, области применения, необходимости использования. Очевидно, что в рамках такого малого объема автору не удастся представить ясную картину изучаемого проблемного поля: говоря о «современных концепциях полисемии» (название раздела 1.1.), она фактически излагает одну общую идею (многозначность слова), цитируя разных авторов, определяющих это явление, и дает базовые определения общеизвестных терминов (*семема, ЛСВ, семантика*). Текст этого и следующих трех разделов включает обильные цитаты, составляющие от половины до 2/3 повествования, лишь скрепленные словами автора диссертации в качестве связок и переходов. Несмотря на наличие ссылок на большое количество иностранных авторов, в работе практически полностью отсутствует информация о каких-либо подходах и направлениях изучения многозначности слова в зарубежной лингвистике и о месте и роли отечественной традиции в этой области исследования. Имена иностранных авторов в диссертации обычно приводятся в общем ряду из 10-15 и более фамилий исследователей, упоминаемых в связи с тем, что они «внесли большой вклад» в разработку того или иного аспекта лексической семантики, так что создается впечатление, что поставленные в один ряд отечественные и зарубежные лингвисты на протяжении многих десятков лет (временной разброс приведенных в этом разделе работ -от 1925 г. до 2011 г.) работают вместе в рамках одной теоретической парадигмы. На стр. 20 автор отмечает, что «концепции полисемии, существующие в современной лингвистике, существенным образом не отличаются друг от друга». В результате остается не проясненным вопрос о том, существуют ли в выбранной автором области исследования нерешенные проблемы, ведутся ли дискуссии и если да, то по какому поводу.

2) В разделах 1.2-1.4. (общий объем 12 страниц) автор приводит несколько разных трактовок явлений полисемии и широкозначности, полисемии и омонимии, однако и здесь она ограничивается изложением точек зрения только отечественных лингвистов.

3) В разделе 1.5. «Корпусная лингвистика в изучении полисемии глагольной лексики» (объем 4 страницы), текст которой так же в основном состоит из обширных цитат, взятых из работы М.А. Кронгауза, и перечисления разных аспектов изучения глагола, информация о сути корпусного анализа как новой области/технологии изучения лексического состава языка практически отсутствует - вместо нее представлены мнения лингвистов о больших возможностях такого анализа.

4) В разделе 1.6. «Материал и терминологический аппарат исследования», как уже отмечалось выше, перечисляются источники получения эмпирического материала (словари и Британский Национальный Корпус) и простой список используемых в работе терминов – как общеизвестных (*сема, семема, семантика*), так и новых без объяснения истории их происхождения, области применения, необходимости использования.

5). Принимая во внимание то, что диссертация представлена к защите по специальности 10.0&04 - германские языки, вызывает крайнее удивление

полное отсутствие в теоретической главе хоть какого-либо упоминания английского языка и англистики как области его изучения, а также отсутствие анализа существующих работ по семантике английской лексики вообще и английского глагола в частности. Полисемия как явление никак не рассматривается в контексте английского языка, не обсуждаются специфические проблемы, связанные с формированием многозначности слова и глагола, в частности, в системе английского языка и в связи с особенностями развития и функционирования его системы. Соответственно, остается неясным, что уже сделано в этой области, а что составляет исследовательскую проблему. В результате отсутствует обоснование необходимости изучения того, что предлагает изучать автор диссертации, и, как следствие, - отсутствует достаточное обоснование актуальности и новизны предпринимаемого исследования.

6) Говоря о новизне своего исследования во Введении, автор включает в число своих достижений «выявление в семантемах наиболее частотных глагольных лексем английского языка незафиксированных в существующих лексикографических источниках семем и лексико-грамматических вариантов семем» (стр.6). К сожалению, в самом тексте работы об этом впервые лишь вскользь упоминается только в выводах к Главе 3 на стр.182 в одном абзаце, где без каких либо примеров сообщается, что в 50 семантемах из 200 были выявлены семемы и лексико-грамматические варианты семем, не зафиксированные в существующих лексикографических источниках. При характеристике этих лексем в рамках самой главы никаких указаний на такого рода открытия обнаружить не удалось, хотя эти сведения были бы, несомненно, очень интересными.

7) Выводов к Главе 1 в работе нет. Названия разделов во всей работе (см. Содержание) представляются слишком общими и поэтому малоинформативными. Таким образом, принимая во внимание указанные замечания, приходится признать, что теоретическая глава диссертации требует серьезной доработки.

8) Кроме того, до самого конца работы читатель не имеет возможности увидеть полный список описываемых глаголов, поскольку он представлен только в Приложении, а ссылок на него нигде не дается. Принципы формирования этого списка Н.И.Малыхина никак не объясняет, указывая лишь, что это лексем, вошедшие в состав двухсот наиболее частотных глаголов английского языка по данным списка частотности BNC, и что она не рассматривает глаголы с послелогоми и помеченные в словарях пометами «устаревшее» и «редкое».

9) Тем не менее, список этих глаголов вызывает вопросы. Там, откуда он был взят (G.Leech, P.Rayson, A.Wilson. Companion Website for: Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus), представлен созданный Адамом Килгарифом (A.Kilgariff) лемматизированный список глагольных лексем, где на 200-й позиции находится лемма *exist* с частотностью 114. В списке же Н.И. Малыхиной находятся лексем с частотностью от 113 до 94 и отсутствуют лексем с более высоким индексом частотности. В общей сложности из оригинального BNC списка глаголов, которым оперируют все специалисты, изъято 42 более частотных единицы, включая такие, как *be, have, do*, все модальные глаголы, а также *lie, deal, fail, catch, occur, pick, present, point, close, thank, express, tend*. И если исключение модальных и служебных глаголов читатель как-то может для себя объяснить (хотя глаголы *have* и *do* часто используются как полнозначные

лексические единицы, в то время как, например, оставленный в списке глагол *get* в британском английском часто десемантизируется), то отсутствие в списке других глаголов и внесенные существенные, если не принципиальные, изменения в общепризнанный и уважаемый источник научной информации требуют, на мой взгляд, подробных пояснений автора.

10) Хотелось бы также получить от автора пояснение того, в чем собственно состоит используемый в работе сопоставительно-параметрический метод анализа (и как исследование может быть «выполнено в рамках» этого метода - см. стр.7), каковы его теоретическое обоснование, цель использования и преимущества применения. Для лучшего понимания сути проведенного исследования следует дать подробное описание процедуры работы с корпусом и со словарями, а также описание процедур определения числовых показателей разнообразных индексов полисемантической, перечисление которых составляет основную часть содержания двух практических глав, как отбирался и как использовался материал из корпуса BNC, каким образом идентифицировались в контекстах актуализируемые семемы, как производились операции вычисления и как интерпретировались полученные данные. Всего этого в работе нет, в тексте приводится лишь огромное количество статистических данных, полученных известным только самому автору способом, которые приходится принимать на веру, не имея возможности ни подтвердить их, ни подвергнуть сомнению, поскольку путь, которым шел автор диссертации, читателю неизвестен.

11) Между тем, при чтении работы возникает масса вопросов связанных, например, с тем, как выделялись и идентифицировались разные виды семем в семантемах рассматриваемых глагольных лексем для их дальнейшего исчисления. Если для выделения семем использовались дефиниции англо-английских словарей, то почему все значения представлены в семантемах по-русски, а некоторые из них напоминают перевод, иногда не совсем корректный? Так, например, глагольные семемы лексемы *happen* представлены в описании Н.И.Малыхиной таким образом:

- Случаться, происходить. *You never know what is going to happen in life*
- Оказаться (случайно). / *happen to be the only person here who believes we have to make a response at the European level*, Mr Radice said
- Посчастливиться. / *happen to be the young man's godfather*
- Натолкнуться. *It's typical of artists to read nothing except what they happen upon*

Приведенное в этом списке значение «посчастливиться» не представлено в большинстве словарей, а контекст, который приводит автор, не дает никаких оснований для такого толкования. В последнем примере представленное значение передается не самим глаголом *happen*, а глаголом с послелогом *happen upon*, между тем такие глаголы, по словам самого автора, были исключены из рассмотрения.

12) Кроме того, почему в семантемах лексем, рассматриваемых в рамках Британского Национального Корпуса, в качестве значимых выделяются семемы с пометой *амер.* (*begin, publish, allow, notice, use, look* и мн. др.), *австрал.* (*claim*), а также множество специальных узкопрофессиональных значений (юридические, военные, библиотечные, геологические, морские, астрономические, шахматные и т.д.), которые, как правило, присутствуют только в специализированных словарях и по определению крайне редко актуализируются в речи. Поскольку процедура выделения семем совершенно не определена и выглядит достаточно интуитивной, то возникает вопрос о том,

насколько корректны предлагаемые автором списки? Помимо этого, неясно, каким образом идентифицируются в этих списках семемы Д1, Д2, К1 и К2? В приложении даются только их лексико-грамматические характеристики (глагольные, субстантивные и т.п.), а в тексте работы без всяких объяснений и комментариев приводятся уже исчисленные индексы денотативной/коннотативной лексической полисемии семантем для отдельных лексем и групп лексем и делаются выводы о преобладании коннотативной или денотативной лексической полисемии. Здесь так же остается неясной технология подсчета.

13) Аналогичные вопросы возникают и при обсуждении индексов коммуникативной релевантности семем. Несмотря на интересную постановку исследовательской задачи в этой части работы (с. 118: «определение частотности семем в семантемах дает возможность сделать вывод о коммуникативной востребованности отдельных значений многозначного слова»), достоверность полученных автором данных невозможно подтвердить, поскольку процедура исчисления индекса коммуникативной релевантности и технология использования корпуса совершенно непонятны.

В самом деле, если, как утверждает автор, им было проанализировано по 1000 примеров употребления каждой лексемы в BNC, то описание 200 глагольных лексем потребовало рассмотрения 200 000 контекстов. При самой простой технологии работы в каждом из контекстов нужно было 1) идентифицировать тип выражаемого значения (1000 раз для каждой лексемы), 2) осуществить точный подсчет случаев употребления каждого значения, 3) разделить каждый полученный результат на 1000, 4) каким-то образом свести эти данные вместе и выразить отношение в процентах. Прodelать эти операции придется для определения каждого типа индекса коммуникативной релевантности (семемы; денотативных/коннотативных семем в семантеме и группе; семем различной частеречной отнесенности; лексико-грамматических вариантов семемы в семантеме) и для каждой из 200 лексем. Учитывая, что при работе с корпусом BNC однократно доступными оказываются только 50 единиц рандомного поиска, хотелось бы узнать, как автору диссертации удалось обработать такой огромный массив данных.

14) Помимо этого возникает также вопрос о том, каким образом у некоторых семем оказались индексы равные 0%, если соответствующие значения актуализированы в приведенных в качестве примера иллюстративных контекстах (если они взяты из корпуса BNC), и что в связи с этим означает «коммуникативная невостребованность семем»? Например, на стр. 138 автор утверждает, что «в семеме «ссориться/ссора, стычка» лексемы *fight* глагольный лексико-семантический вариант (/ *heard her fighting with the boss*) оказался коммуникативно нерелевантным», приводя в скобках пример, свидетельствующий, как кажется, ровно об обратном. Объяснения типа «семема оказалась коммуникативно невостребованной, поскольку ее индекс коммуникативной релевантности оказался равным 0».

Соответственно индекс коммуникативной релевантности предложных семем в представленной группе тоже равен 0» (стр. 153) никак не помогают понять суть дела, поскольку, как уже было сказано, процедура исчисления показателей индекса нигде в работе не прописана. В результате в процессе чтения почти двухсот страниц текста становится все менее понятным, что и каким образом считал автор и в чем состоит смысл этих подсчетов (например, общего количества семем в группе: «из 65 лексем, входящих в рассматриваемую группу, в семантемах 52 лексем зафиксированы глагольные семемы, которые

оказались невостребованными. Это в общей сложности 100 семем (23 семемы Д2 и 77 семем К1)» (стр. 138)), если их результаты никак не интерпретируются, и каждый новый абзац текста работы содержит новую порцию статистических данных.

15) Восприятие излагаемой информации ко всему прочему крайне затрудняет и отсутствие возможности быстро найти сведения о конкретной лексеме, поскольку в тексте эти лексемы упоминаются самым непредсказуемым образом то в группах и блоках в самых разных комбинациях, то индивидуально, а в Приложении в списке они разделены на 5 классов разного размера, внутри каждого из которых они расположены, как кажется, совершенно произвольно - во всяком случае, понять принцип их организации в списке после многократных попыток так и не удалось. Учитывая, что объем Приложения составляет 131 страницу, использовать его в качестве источника дополнительной информации очень трудно, так как найти в нем нужный глагол почти невозможно.

Принимая во внимание высказанные замечания и вопросы, приходится констатировать, что диссертация Н.И.Малыхиной требует серьезной доработки и может быть допущена к защите только после их устранения и заполнения выявленных пробелов.

Доктор филологических наук, профессор,
Зав. кафедрой английской филологии
факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета
25 августа 2013 г.

Л.В.Цурикова

Председателю диссертационного совета Д 212.038.16
проф. В.Б. Кашкину

ОБ ЭКСПЕРТНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПРОФ. Л.В. ЦУРИКОВОЙ О ДИССЕРТАЦИИ Н.И. МАЛЫХИНОЙ ОТ 25.08.13.

Считаю необходимым как научный руководитель высказать свои соображения по поводу экспертного заключения Л.В.Цуриковой.

Ряд замечаний эксперта справедлив. В частности, при описании материала исследования было бы целесообразно указать, какие глаголы из наиболее частотных английских глагольных лексем и по каким причинам не включены в список исследованных, и мы выражаем за это благодарность рецензенту.

Вместе с тем эксперт выдвигает ряд претензий, как к теоретической, так и к практической части работы, которые обусловлены либо недостаточно внимательным прочтением им работы, либо недостаточным знакомством с методиками семасиологических исследований в лексикологии.

Остановимся на некоторых из таких замечаний.

Относительно теоретической части претензии эксперта касаются, в частности, того, что в диссертации не разграничиваются подходы к полисемии отечественных и зарубежных исследователей. Поскольку изучение проблем семантики не входит в сферу научных интересов эксперта (проф. Л.В. Цурикова определяет три составляющие сферы своих научных интересов следующим

образом: Когнитивные и социокультурные аспекты дискурсивной деятельности; Проблемы межкультурной коммуникации; Прагматика речевого общения – см. сайт кафедры английской филологии), она, видимо, не в курсе, что полисемия слова является одной из признанных языковых универсалий, и подходы к ее трактовке учеными разных стран совпадают, на что и указывается в теоретической части работы (с 11, 12, 15), нет никакой необходимости подробно рассматривать одинаковые точки зрения в разных странах.

Эксперт указывает на недостаточный с ее точки зрения объем теоретической главы в страницах. Отмечу, что содержание и объем теоретического раздела диссертационного исследования определяется самим исследователем и зависит от двух факторов – дискуссионности рассматриваемой проблемы и специальности, по которой выполняется диссертация. Диссертация Малахиной выполнена не по теории языка, поэтому теоретическая глава сравнительно небольшая, тем более что полисемия – явление универсальное и не является в настоящее время в лингвистике дискуссионным вопросом, требующим детального обзора и теоретических дискуссий. При этом теоретический раздел включает обзор всех основных точек зрения на исследуемую проблему, а неизученным проблемам полисемии – рассмотрению особенностей ее развития в английских глагольных лексемах и определению релевантности значений в семантемах многозначных глагольных лексем – и посвящена диссертация.

Претензии вызвало определение диссертанткой в теоретической части терминологического аппарата исследования. Эксперт не усмотрел истории происхождения новых терминов и области их применения. Замечу в связи с этим, что все вводимые в работе индексы даны с определениями, как раз и указывающими на сферу их использования; индексы, введенные другими исследователями, даны с соответствующими ссылками; индексы, введенные диссертанткой, даны с объяснениями, при этом все они перечислены во Введении (с.5-6).

Раздел диссертации 1.5. «Корпусная лингвистика в изучении полисемии глагольной лексики» вызвал недовольство эксперта тем, что в нем не описана *суть корпусного метода*. На наш взгляд, в этом нет никакой необходимости, поскольку данный метод используется в работе лишь как инструмент исследования, и как инструмент, он описан достаточно полно.

Претензии эксперта к практической части исследования связаны, в частности, с тем, что, несмотря на заявление диссертантки о выявлении ею незафиксированных в словарях значений отдельных лексем, сами эти лексемы нигде не приводятся и упоминаются лишь в одном абзаце в выводах к главе 3. Между тем в диссертации за этим абзацем следует еще шесть страниц текста (с. 185-191) с конкретными примерами выявленных новых семем и лексико-грамматических вариантов семем, а также с основанными на значениях индекса коммуникативной релевантности выводами о статусе данных семем в семантемах. Удивительно, что при таком скрупулезном анализе текста работы (вплоть до подсчета количества страниц, посвященных описанию того или другого теоретического положения), эксперт не заметил целых шесть страниц текста.

Эксперт предъявляет претензии также к формулировке разделов работы, считая их слишком общими и малоинформативными. Между тем наименования разделов практической части четко квалифицируют глаголы *по объему семантем*, что принципиально важно при изучении полисемии.

Эксперт сетует, что читатель не имеет возможности увидеть полный список изученных глаголов, поскольку он представлен только в Приложении.

Отмечу в связи с этим, что данный список представлен именно в Приложении 1, о чем указано в Содержании работы на ее первых страницах. Кроме этого, в практической части работы в каждом разделе перечисляются глаголы, входящие в ту или иную группу в зависимости от объема семантем.

Совершенно непонятны обвинения экспертом диссертанта *во внесении существенных изменений в Британский Национальный корпус*. Представляется, что даже при всем желании ни диссертант, ни кто-либо другой, не имеющий отношение к данному ресурсу (если только он не хакер), никаких изменений – ни существенных, ни несущественных, внести в корпус не может. Смею заверить, что моя аспирантка хакером точно не является. Что касается отдельных глаголов, на которые указывает эксперт, и которые не вошли в изученные диссертанткой 200 наиболее частотных глагольных единиц, поясню, что из данного списка были, действительно, исключены модальные глаголы и глаголы, выполняющие служебные функции. В рассмотрение также не были включены глаголы, имеющие омонимы, поскольку в этом случае невозможно определить индекс коммуникативной релевантности семем, а также однозначные глаголы, как не развивающие полисемию. Согласна, что последнее следовало где-то оговорить.

Диссертационное исследование Н.И. Малыхиной выполнено в рамках разрабатываемого в Воронежском университете в рамках теоретико-лингвистической школы в области общего и русского языкознания З.Д. Поповой и уже достаточно широко зарекомендовавшего себя сопоставительно-параметрического метода. С использованием данного метода защищено уже 20 кандидатских диссертаций, опубликовано более 150 статей в различных источниках, в том числе и в реферируемых журналах, вследствие чего требования эксперта подробно разъяснить в данном диссертационном исследовании сущность этого метода выглядят явно избыточными. На этот метод в работе даны ссылки.

Недоумение эксперта вызвало то, что формулировка семем в работе дана на русском языке. Видимо, уважаемый эксперт не в курсе, что, в соответствии с требованиями ВАК, диссертационные исследования выполняются на русском языке. На иностранном языке можно приводить только примеры, что диссертантка и делает. Метаязыком семантического описания, как и защиты диссертаций в отечественной лингвистике, является русский язык.

Оскорбительным считаю выдвинутое экспертом обвинение диссертантки в недостоверности полученных результатов. Эксперт ставит под сомнение возможность исследования диссертанткой 200 000 контекстов употреблений исследованных ею лексем, обосновывая это тем, насколько данная процедура является трудоемкой.

Подобные претензии лично я могу объяснить лишь тем, что в работах, выполненных под руководством эксперта, объем проанализированного материала всегда существенно меньше, что и вызвало подобные подозрения. Семасиологические исследования, связанные с анализом употребления слова, всегда требуют большой доказательной базы, что обуславливает потребность в описании большого объема примеров и обеспечивает необходимую достоверность исследования.

Процедура исследования коммуникативной релеванности семем, действительно, исключительно трудоемкая, но диссертанткой вся эта процедура была осуществлена именно в том виде, в котором об этом пишет эксперт. Что касается сомнений эксперта относительно того, каким образом диссертантке удалось проанализировать по 1000 примеров употребления каждой лексемы, поясним, что при работе с корпусом BNC при условии установления соответствующих параметров, однократно доступными могут быть не 50, а 1000 контекстов.

Совершенно необоснованными являются утверждения эксперта, что процедура определения индекса коммуникативной релеванности семем диссертанткой не объяснена (см. с.118) и что путь, которым шел автор диссертации, читателю неизвестен – все осуществляемые исследовательницей в рамках сопоставительно-параметрического метода действия пояснены в терминах соответствующих индексов.

Совершенно необоснованным представляется употребление экспертом термина «статистический» применительно к приводимым в работе данным. Лингвистическая статистика – отдельная наука со своим аппаратом и методами исследования, и диссертантка в работе статистическими методами не пользуется и нигде их не заявляет. В работе используется сопоставительно-параметрический метод исследования, базирующийся на количественном анализе.

Исключительно на счет невнимательности эксперта можно отнести упрек в том, что, несмотря на наличие примера на с. 138 (*I heard her **fighting** with the boss*) в семеме «ссориться / ссора, стычка» лексемы *fight* глагольный лексико-грамматический вариант оказался коммуникативно нерелевантным – в примечании 6 на с. 45 диссертантка отмечает, что примеры, в которых изучаемая лексема подчеркнута, взяты из лексикографических источников.

Относительно замечания о включении в рассмотрение семем с территориальными и/или профессиональными пометами, отмечу, что при рассмотрении полисемии лексем традиционно рассматривается вся семантика, волюнтаристский подход к исключению каких-либо отдельных значений по какому-либо признаку или основанию в добросовестном научном исследовании недопустим и искажает реальную картину языка.

Отвечая на вопрос эксперта, каким образом выделялись семемы Д1, Д2, К1, поясню, что все эти типы семем выделялись, исходя из сложившейся в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы исследовательской традиции в опоре на широко известную концепцию М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, на основании семантического анализа семем. В приложении типы семем (за исключением семемы Д1) не обозначены исключительно в силу экономии места

– как отмечает сам эксперт, диссертация вместе с приложением достаточно объемна и занимает 350 страниц.

В заключение хочу подчеркнуть, что, согласно «Положению о Совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», эксперт не вправе требовать от соискателя переделывать работу в соответствие со своими представлениями и желаниями и ставить вопрос о возможности принятия диссертации к защите только после приведения работы в соответствие с выдвинутыми требованиями. Он может высказать свои замечания, которые диссертант может принять или не принять, оставив возможность защитить свои позиции в ходе заседания диссертационного совета.

Как отмечается в Положении о совете, «диссертационный совет отказывает в приеме диссертации к защите в случаях, когда основное содержание диссертации не соответствует ни одной из специальностей научных работников и связанной с ней отрасли науки, по которым диссертационному совету предоставлено право приема диссертаций к защите, а также при невыполнении требований к публикации основных научных результатов диссертации, предусмотренных в пункте 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней. Отрицательные отзывы и заключения по диссертации не являются основанием для отказа в приеме диссертации к защите».

Выводов о несоответствии диссертации специальности «германские языки» или о невыполнении диссертантом требований к публикации результатов Л.В. Цурикова не делает.

Исследование Н.И. Малыхиной завершено и рекомендовано кафедральным коллективом к защите.

Диссертация Н.И. Малыхиной отвечает пункту «слово, как основа единства языка, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава» паспорта специальности 10.02.04 «Германские языки», диссертантка имеет 17 публикаций по теме исследования, из них – две в журналах, включенных в перечень ВАК.

Зав. каф. английского языка
естественно-научных ф-тов
проф. М.А. Стернина
1 сентября 2013 г.

К защите мою аспирантку приняли, защитилась она успешно. Любовь Васильевна выступала со своими сомнениями на защите, но проголосовала за эту работу.

Хочу также остановиться на одном важном моменте в истории университета, где я сыграла определенную роль. Речь идет о выборах ректора после ухода с этого поста И.И. Борисова. Среди фаворитов на этот пост было два проректора: первый проректор С.А. Запрягаев и проректор по общим вопросам В.Т. Титов. В человеческом плане это были два антипода: прямо-таки человеконенавистник Запрягаев и вполне

человечный Титов. Мы с братом поддерживали кандидатуру Владимира Тихоновича.

Запрягаев был всем известен своим хамством, он регулярно позволял себе повышать голос на подчиненных, и все в университете это знали. На конференции по выборам ректора, когда дело дошло до вопросов, я задала Запрягаеву два вопроса. С того времени прошло уже почти 9 лет, но я хорошо помню эти свои вопросы. Первый звучал так: «Сергей Александрович, если мы Вас сегодня выберем ректором – Вы по-прежнему будете позволять себе повышать голос на подчиненных?». Второй вопрос был менее острым: я поинтересовалась, как он собирается бороться с бумаготворчеством, на что указывалось в его предвыборной платформе, если практически все существовавшее на тот момент в университете бумаготворчество было инициировано либо им лично, либо подведомственными ему службами (в то время только был организован отдел качества и исходящие от него циркуляры всех страшно раздражали.) Мой первый вопрос в зале был встречен аплодисментами, а Запрягаев в очередной раз потерял контроль над собой, что называется – окрысился, и заявил, что не будет себя унижать ответом на этот вопрос. В ответ на второй вопрос он промямлил что-то совершенно невразумительное типа того, что вместо бумаг будет все компьютеризировано. То, что людям все равно надо будет писать всякие отчеты и положения, осталось вне рамок его ответа.

Отмечу, что на предшествующих конференции встречах с работниками университета, которые проводились поочередно в разных корпусах ВГУ, Запрягаев достаточно умело вещал, что знает свои недостатки и готов работать над их устранением, а на конференции сорвался и показал свою истинную сущность. Эффект был потрясающим: если до этого в зале практически царил паритет, то после подобного ответа настроение зала резко переменялось не в пользу первого проректора.

А потом было замечательное выступление Михаила Дмитриевича Карпачева – доверенного лица В.Т. Титова, в котором он с присущим ему ораторским искусством умело вступил в полемику с поддерживавшей Запрягаева Э.П. Домашевской. Эвелина Павловна, выступившая перед Михаилом Дмитриевичем, утверждала, что нет такой специальности – «хороший человек», есть понятие – «хороший руководитель». Михаил Дмитриевич же убедительно доказал, что понятие «хороший руководитель» обязательно должно включать в себя понятие «хороший человек». В результате ректором стал Владимир Тихонович Титов, в университете восторжествовала демократия, и я рада, что смогла внести определенную лепту в победу здравого смысла.

Надо заметить, что с тех пор в университете за мной закрепилось реноме борца за демократию, и когда уже через 5 лет на выборах нового ректора я задала претендентам вопрос, собираются ли они придерживаться

демократического стиля, сложившегося при В.Т. Титове, кто-то из присутствующих прокомментировал мой вопрос словами «Марина Абрамовна в своем репертуаре».

Кстати, оба тогдашних претендента клятвенно пообещали сохранить стиль, сложившийся при Владимире Тихоновиче. Не могу сказать, что у нашего нынешнего ректора это всегда получается: к Титову в кабинет можно было попасть практически в любую минуту, и он незамедлительно решал вопрос, перед кабинетом же Дмитрия Александровича на посту всегда недремлющий Сергей Михайлович Камшилин, которого старшее поколение называет Поскребышевым, а университетская братия помоложе – Шлагбаумом. По этим прозвищам легко понять, насколько просто попасть на прием к нашему ректору. Правда, перевыборы ректора не за горами, и есть надежда, что он вспомнит про свое обещание.

Возвращаясь к эпизодам своей борьбы за очевидное, отмечу, что однажды мне пришлось бороться за справедливость с представительницей США. Мы узнали о новой программе Фулбрайт, предусматривающей приезд молодых преподавателей из США в качестве ассистентов преподавателей в Российские вузы, и решили подать заявку на такого преподавателя. Я была уверена в успехе, поскольку наша Ассоциация преподавателей английского языка хорошо известна, и когда у тогдашнего атташе по вопросам преподавания английского языка Посольства США в Москве Дэвида Фея спросили, стоит ли посылать преподавателя в Воронеж, он дал совершенно категоричный положительный ответ. Какого же было мое удивление, когда выяснилось, что в Воронеж преподавателя пошлют, но не к нам в университет, а в технологический институт. Несмотря на все уверения ответственной за эту программу американки Ребекки Даш о том, что хотя преподаватель будет базироваться на базе технологического института, мы сможем использовать его в работе нашей Ассоциации, я прекрасно понимала, что это будет весьма проблематично, поэтому попыталась изменить ситуацию, поинтересовавшись у Ребекки критериями, повлиявшими на подобное решение, а затем вступив с ней в полемику относительно правомерности сделанного ею единоличного выбора. Привожу нашу переписку с Ребеккой в хронологической последовательности:

Dear Rebecca,

Geoff Anisman advised me to write to you. I called you last week and you told me that Voronezh University was not chosen as a site for a Teacher Assistant. Meanwhile I learnt from Geoff that one of the sites chosen was Voronezh Technological Academy. Frankly speaking, it's more than strange that among two Higher Educational Establishments from one city the choice was made not in favor of the classical University.

The application form for this program is rather short, so the criteria for selection the sites are not vivid. I do hope that placing a Teacher Assistant at the

State University where there are headquarters of Voronezh English Language Teachers Association - the oldest and one of the most active Associations of such kind in Russia, and where American Center is situated would be much more reasonable than placing such a specialist in the Technological Academy which does not even have a separate English chair (they have just the Chair of Foreign Languages). Besides, being located at the University which is famous all over Russia for its theoretical linguistic school will be much more profitable for the Teacher Assistant him/herself as it will be possible for him/her to get qualified consultations in the Russian language and Linguistics. As for Voronezh Technological Academy, it can't give the specialist such valuable opportunities.

I will be very much obliged to you if you explain to me what the criteria for the selection were and whether it is still possible to place the specialist at the University. If the decision is changed in our favor I assure you that the ELT community of the whole city will profit from it but not only several teachers and students of the Technological Academy. If for changing the decision it's necessary to apply for your authorities, please let me know who I should apply to.

Best wishes,

Marina Sternina

Doctor of Philology, Professor Head of the English Chair for Science Departments (Voronezh State University)

President of Voronezh Association of English Language Teachers

Vice President of the National Association of English Language

Teachers Head of the Regional Scientific-Methodological Council for Foreign Languages (Russian Ministry of Science and Education)

Board member of the ESP Interest Section of TESOL

Dear Marina,

Thank you for your email and your thoughts concerning my selection. While I agree with you that our application is quite short, and we are working to improve that for next year, the application is not the only thing we take into consideration when we select a host institution; there are many factors involved and I do not plan to change my decision for this year. I have done a lot of additional research on all of the institutions that applied to host an English Teaching Assistant (ETA) for the 2009-2010 academic year and am well aware of the reputation and prestige of your university. I have consulted with the English Language Office at the US Embassy in Moscow where I learned about the Voronezh English Language Teaching Association and the American

Center. I have no doubt that you have a strong English Language Department and wonderful students.

However, we also try and match the interest of the English Teaching Assistant to that of the host institution. The teaching assistant who will be sent to Voronezh in the fall has a special interest in how Russian is taught as a foreign language in Russia. Voronezh State Technical Academy has a special program for students from outside of Russia to learn Russian and prepare them to enter into a Russian university. I am very familiar with this program and have met many people who have gone through the first preparatory year there. This one-year intensive program is exactly the type of program our teaching assistant is looking to study.

Furthermore, while we understand that there is not a separate English Department Chair, this does not mean that there are not students who are just as eager to learn from a native speaker as the students who attend the State University are. We try not to exclude any host institution based on the size of its English Language Department, but rather consider how they intend to use the teaching assistant within the already established structure of their institution. I spoke with our contacts at the Technical Academy and was satisfied with their plan.

I would like to remind you that just because the teaching assistant will be located at the Technical Academy, does not mean that she will be unable to participate in other activities around the city and at different universities. We strongly encourage our ETAs to get as deeply involved in the community as possible to provide a greater number of people an opportunity to interact with a native English speaker and learn more about them and American culture. All of our ETAs who are placed in cities with American Centers/Corners are very active in organizing English speaking clubs, film clubs, holiday parties, lectures, etc. I expect the ETA in Voronezh next year to be no exception. Additionally, if other universities are hosting conferences or events that would benefit from having a native speaker attend, our ETAs are more than willing to help if it works with their schedule. While we do not allow them to accept regular teaching responsibilities outside of their host institution unless it is at a school, they can give occasional lectures at different educational institutions around the city. The English Language Office at the US Embassy has also been a great resource for our fellows and provides a lot of information about getting involved with local teachers associations; an activity we also encourage our fellows to become involved with. If you would be so kind as to allow me to pass along your contact information to our fellow who will be in Voronezh next year, I will encourage her to contact you about getting involved in your association. This will also provide you with the opportunity to contact her if there is an event you would like her to attend or if you have any specific requests for lectures/presentations.

I would like to strongly encourage you to apply again to host a teaching assistant for the 2010-2011 academic year. I will send you a copy of our new application once it is ready (sometime in the Fall). I do not want you to think that we have rejected your university as a potential host; the Technical Academy was just a better fit for the interests of the ETA this year. I hope that we can develop a solid working relationship in the future. If you have any more questions or concerns, I am happy to address them.

Sincerely,

Rebecca Dash

Координатор программы Фулбрайта в РФ

Dear Rebecca,

Thank you for your answer. Frankly speaking I didn't quite understand the reasons why you made the choice in favour of the Technical Academy (by the way they give not quite appropriate translation of their Russian name - in Russian it is called Технологическая Академия, not Техническая). The only reason you give is the existence of the preparatory department for foreign students at the Academy. But we have a whole Institute of International Education for foreign students with different level programs of the Russian language. Besides our University has a special chair of the Russian language for the advanced students of Russian (those who study in Russian at different departments of the University). Our Institute of International Education is considered to be one of the 4 best in Russia, the teachers working at the chair of the Russian language for the advanced students of Russian are also well known in our country. When the preparatory department was organized at the Technological Academy, it were the specialists from our University who helped them. You write that you are familiar with the Russian program they have at the Technological Academy, spoke with your contacts there and were satisfied with their plan, but you called neither our rector, nor me to discuss our plans of using the ETA. Why such discrimination? As far as I understand it was merely your selection and no other people took part in choosing the sites. It sounds rather strange – as far as I know such decisions are usually made collectively.

You write that we'll be able to use the specialist too. I really doubt it. I have been involved in all kinds of ELT professional activities and different kind of administrative work for quite a number of years and know for sure that it is practically impossible to incorporate a person from another educational establishment in the work of the organization based in another one (both the ELT Association and the American Center are based in the University) due to a lot of reasons. So we won't be able to fully use the ETA for the sake of our ELT community and students of English. What I planned was to fully involve her in the activities of our renewed American Center.

Being placed in the Technological Academy, the ETA will be teaching English to low level students, which is a mere waste of money of the American Government and American tax payers. So your choice seems to be quite subjective and based solely on your personal connections, which is unfair, undemocratic and not American style at all.

Mind you that I personally won't get any profit from hosting an ETA – it will only add one more portion of work to my numerous voluntary activities, teaching, administrative and scientific work. But I am interested in promotion of the English language in Voronezh and strengthening the relations between Russia and the USA, that is why I do ask you to reconsider your decision about placing the ETA in Voronezh. May be it'll be easier for you after our personal contacts in Kazan.

See you at the NATE Conference.

Marina Sternina

После моего последнего письма с недвусмысленными обвинениями ее в протекционизме и неправильном использовании средств американских налогоплательщиков Ребекка мне больше не ответила, вместо нее написал ее начальник по программе Фулбрайт в Москве и попросил не делать таких далеко идущих выводов. Затем на конференции NATE в Казани мы с ним встретились, и он клятвенно пообещал на следующий год дать специалиста нам в университет. Это обещание было выполнено, и с тех пор у нас на кафедре уже три раза работали ассистенты преподавателей из США. В октябре нынешнего года к нам должен приехать еще один такой преподаватель. А что касается моих опасений по поводу того, что в Технологической Академии преподавателя из США не смогут использовать на полную мощность, они полностью подтвердились – Мишель Олсен, которая была к ним приписана в течение года, практически занятий не вела, потому что просто не было студентов, которым это было надо.

Больше года ушло у меня на борьбу за справедливый рейтинг оценки работы преподавателей. Когда я увидела проект рейтинга, который не учитывал очень многое из того, что реально делают преподаватели и кафедры, и что действительно необходимо для повышения престижа университете в стране и регионе, решила вмешаться:

*Председателю комиссии по разработке методики
определения рейтинга учебных подразделений
и рейтинга профессорско-преподавательского
состава ВГУ
проректору по стратегическому развитию и интеграции
проф. Чупандиной Е.Е.*

В связи с разработкой методики определения рейтинга учебных подразделений и рейтинга профессорско-преподавательского состава ВГУ прошу комиссию по выработке этих показателей рассмотреть необходимость учета таких аспектов работы кафедр и ППС, как организация внеаудиторной работы со студентами, пропаганда соответствующей отрасли знаний среди населения, организация работы профессиональных сообществ. Эти виды работы до сих пор не принимались во внимание в ВГУ, хотя традиционно учитываются в ведущих вузах мира, в частности, в вузах США, где при оценке успешности работы преподавателя принимаются во внимание его заслуги перед факультетом, университетом, профессиональным сообществом и населением соответствующего города и/или штата. Эти же показатели входят в число приоритетных и при оценке работы учебного подразделения.

Также представляется целесообразным учитывать не только количество публикаций, но и выпускаемые на кафедре (или редактируемые данным преподавателем) сборники, и проведенные конференции и семинары, поскольку такая деятельность существенным образом влияет на престиж университета в регионе и стране.

*Зав. кафедрой английского языка
естественно-научных ф-тов
проф. М.А. Стернина
5.03.13*

После моего обращения меня пригласили на заседание комиссии по рейтингу, потом, в апреле 2013 года, я выступала на НМС университета по поводу рейтинга, предварительно изучив российский и международный опыт в этом вопросе, была создана комиссия НМС под моим председательством, и мы несколько раз собирались и обсуждали основные показатели рейтинга, провели пилотирование на нескольких кафедрах. На заседаниях нашей комиссии присутствовал и представитель отдела качества, с которым мы, как казалось, нашли общий язык в этом вопросе. А потом неожиданно откуда-то возник подготовленный им проект рейтинга, который практически не имел ничего общего с тем, что делали и уже апробировали мы. И опять пришлось вмешиваться:

*Проректору по учебной работе – первому проректору
Е.Е. Чупандиной
Начальнику отдела качества образования С.Б. Яценко
Председателю НМС ВГУ А.Д. Баеву*

Считаю необходимым высказать мнение созданной по решению НМС от 26 апреля 2013 г. рабочей группы по выработке рейтинга преподавателей ВГУ в составе: проф. Стернина М.А. – председатель, проф. Вьюнова Н.И., проф. Хицова Л.Н., доц. Кузьмина Л.Г. о предложенном на заседании НМС 21 марта 2014 г. проекте **Положения о рейтингах профессорско-преподавательского состава, кафедр и факультетов Воронежского государственного университета**

В течение целого года данная рабочая группа регулярно собиралась для обсуждения вопросов выработки рейтинга преподавателей, на заседаниях группы неоднократно обсуждался и редактировался выработанный вариант рейтинга, основанный на опыте зарубежных и отечественных вузов, и включающий оценку всех направлений деятельности преподавателя, предусмотренных в его индивидуальном плане: педагогическую, учебно-методическую, научную работу, а также работу, направленную на повышение престижа университета в стране и регионе.

В июне 2013 года предложенный вариант рейтинга был апробирован на кафедрах английского языка естественно-научных факультетов, английского языка в профессиональной международной деятельности, кафедре оптики и спектроскопии, кафедре зоологии и паразитологии, кафедре математического и прикладного анализа, а также частично – на кафедре управления и экономики фармации и фармакогнозии. Результаты апробации показали, что предложенный вариант рейтингования в целом отражает все аспекты деятельности преподавателя и достигает своей главной цели – дает возможность всесторонне оценить деятельность каждого преподавателя, тем самым стимулируя его работу по всем направлениям научно-педагогической и общественной деятельности. Среди отзывов преподавателей, заполнивших рейтинговые показатели, были, в частности, и такие: «Хоть кто-то заинтересовался нашей работой со студентами и школьниками, а то это нигде не учитывается».

Предложенный же на заседании НМС 21 марта 2014 г. вариант Положения о рейтингах опять сужает оценку работы преподавателя только до Министерских показателей, связанных, прежде всего, преимущественно с научной деятельностью. Разумеется, для университета важно иметь хорошие показатели по тем аспектам, которые учитываются Министерством, но сводить всю многообразную деятельность преподавателя исключительно к предложенным 13 пунктам, представляется крайне недальновидным. Если Министерству неважно, что делает университет и его сотрудники для региона и в масштабах страны, то университету это должно быть важно, поскольку это работает на повышение престижа ВГУ, на упрочение его лидирующих позиций в стране и регионе.

Среди предложенных 13 рейтинговых показателей для ППС совершенно никакой критики не выдерживает пункт 1, характеризующий объем

*аудиторной нагрузки – какое отношение к **качеству** работы преподавателя имеет этот чисто **количественный** показатель? Совершенно непонятно, как будет оцениваться пункт 13 – не прописано, каким по объему должно быть участие в организации мероприятий – ведь участие участию рознь. Непонятно также, почему выставляется требование, чтобы Университет обязательно являлся организатором или одним из организаторов мероприятий. Разве не способствует престижу университета, если его работник организует какие-либо мероприятия в рамках Международных и Национальных Ассоциаций и проектов?*

В розданном для обсуждения проекте отмечается, что это «Положение определяет критерии и организацию оценки результативности работы профессорско-преподавательского состава, кафедр и факультетов в целях стимулирования учебной, методической, научной и общественной деятельности работников Университета».

Представляется, что выбранные рейтинговые показатели именно этой цели как раз и не служат, поскольку не учитывают многочисленные виды работ, необходимых для университета и выполняемых его преподавателями. Зачем люди будут делать то, что нигде не учитывается и учитываться не будет? Зачем заниматься новым набором, организовывать работу НОУ, проводить выездные Дни открытых дверей? Зачем проводить экспертизу диссертаций, писать внешние отзывы, редактировать сборники и статьи для «Вестников ВГУ»? Зачем проводить просветительскую работу с населением, выступать с лекциями в библиотеках и школах? Зачем посещать методические семинары по преподаваемому предмету, выступать с докладами на конференциях, ведь даже пленарные доклады, судя по рейтинговым показателям, никому не нужны? Этот список можно еще долго продолжать. В результате в совсем недалеком будущем, когда из университета уйдут последние из могикан – люди, которые это все еще делают, и делают на благо университета, и делают хорошо, со всей отдачей, университет просто перестанет быть Университетом. Разве мы этого хотим? Разве таким мы видим будущее родного вуза?

Если мы примем предложенное Положение, именно так и будет. Поэтому убедительно прошу вернуться к рассмотрению предложенных нашей рабочей группой рейтинговых показателей, являющихся результатом совместной работы большой группы сотрудников в течение целого года и учитывающих все аспекты многогранной деятельности преподавателя, доработать их, определив весовой коэффициент каждого, исходя из трудозатрат и необходимой для данного вида деятельности квалификации, а также включить в них пункт об оценке работы преподавателей студентами (проект опросника студентов нашей рабочей группой также предложен).

Представляется при этом, что нет никакой необходимости принимать рейтинговые показатели сразу на три года – вполне можно принять их на один год, а затем по итогам применения, скорректировать.

*Зав. кафедрой
английского языка естественно-научных ф-тов
проф. М.А Стернина*

После этого обращения наша работа продолжилась, мы встречались и обсуждали рейтинг с начальниками отдела качества образования и с первым проректором проф. Е.Е. Чупандиной. В результате совместных усилий были приняты показатели для определения качества работы ППС в рамках соискания грантов ВГУ для научно-педагогического состава университета в категориях «Лучший профессор», «Лучший доцент» и «Лучший преподаватель».

Утвержденные для этих целей показатели представлены не совсем в том виде, который предлагала наша комиссия, но в них присутствует главное – работа преподавателя оценивается комплексно, с учетом всех видов его деятельности, а не только количества публикаций и полученных грантов на научные исследования. Первый конкурс среди ППС ВГУ намечен на осень 2014 года – посмотрим, что из этого получится. Мы же на кафедре уже успели апробировать этот вариант рейтинга, определили победителей в трех номинациях: «Лучший преподаватель», «Лучший старший преподаватель», «Лучший доцент» за 2013-14 учебный год, выдали победителям дипломы и премии. На мой взгляд, проведение таких рейтингов очень полезно – сразу видно, кто как работает, чей вклад в общее дело весомей. Если рейтинг ППС в ВГУ не приживется, буду, как я говорю, строить коммунизм в отдельно взятой стране, т.е. проводить его на нашей кафедре.

Хочу остановиться еще на одном моменте – за прошедшее время мне дважды приходилось вступаться за коллег. Первый раз это было в связи с нападками на дружественную нам кафедру английского языка в профессиональной международной деятельности нашего университета, второй раз – в связи со сложившейся обстановкой на факультете иностранных языков МГУ. Приведу свои обращения в адрес ректоров соответствующих вузов. Первое, в адрес ректора ВГУ – лично мое, второе – коллективное, я его инициировала и договорилась с людьми, чтобы его подписали.

Ректору ВГУ проф. Ендовицкому Д.А.

Уважаемый Дмитрий Александрович!

Прошу Вас объективно разобраться в ситуации, складывающейся в настоящее время вокруг нашей дружественной кафедры – кафедры английского языка в профессиональной международной деятельности.

Данная кафедра в таком формате существует пять лет, за это время она приобрела свое лицо и стала известна далеко за пределами нашего университета. Кафедра активно участвует в различных Российских и международных проектах, а студенты, подготовленные преподавателями кафедры, регулярно получают призы на различного рода Всероссийских конкурсах. Только в прошедшем учебном году двое студентов кафедры стали лауреатами, а одна – призером Всероссийского конкурса «Американские полки», проходившего под эгидой Национального Объединения преподавателей английского языка и Отдела преподавания английского языка Посольства США в Москве, организацией и администрированием которого я занималась.

На счету коллектива кафедры много и других достижений. Я хорошо знаю этот коллектив – мы совместно участвовали в организации проходившей в Воронеже в 2007 году Международной конференции преподавателей английского языка, среди преподавателей кафедры трое кандидатов наук, защитивших диссертации под моим руководством, а также одна моя аспирантка третьего года обучения.

Зав. кафедрой кандидат педагогических наук доцент Лариса Григорьевна Кузьмина является в настоящее время самым известным в Воронеже специалистом по методике преподавания иностранных языков, ее регулярно приглашают с выступлениями перед учителями школ и в другие Воронежские вузы. Как методист Л.Г. Кузьмина широко известна в стране, она является одним из главных разработчиков Примерной программы по иностранным языкам для неязыковых вузов, составленной нами совместно с учеными МГУ и одобренной Минобразованием РФ. В текущем учебном году Л.Г. Кузьмина возглавила Всероссийский проект по совершенствованию преподавания английского языка для специальных целей в Российских вузах.

Между тем в последнее время кафедра подвергается постоянным нападениям, в адрес преподавателей и зав. кафедрой высказываются ничем не обоснованные обвинения, деканат и преподаватели факультета международных отношений совершенно беспардонно вмешиваются в учебный процесс по иностранному языку, выступают с инсинуациями в адрес работников кафедры. Нападки на кафедру и ее заведующую особенно обострились в последнее время, в преддверии прохождения Л.Г. Кузьминой по конкурсу. При этом представители факультета международных отношений, не стесняясь, заявляют, что хотят прибрать данную кафедру к рукам.

Совершенно очевидно, что в данном случае во главу угла ставятся чисто местнические интересы отдельных сотрудников факультета

международных отношений, которые мнят себя специалистами не в своей сфере и готовы, ради своих личных интересов, поставить под удар качество преподавания английского языка на таком престижном для университета факультете как факультет международных отношений, что, несомненно, скажется и на общем престиже ВГУ.

Надеюсь, что Вы разберетесь в этом вопросе и примете взвешенное решение.

С уважением,

М. Стернина

Вице-президент Национального Объединения

преподавателей английского языка

Председатель Центрально-Черноземного отделения НМС

по иностранным языкам Минобрнауки РФ

1.12.11

Ректору Московского государственного университета

им. М.В. Ломоносова

Председателю Союза ректоров России

В.А. Садовничему

Глубокоуважаемый Виктор Антонович!

Сообщество преподавателей иностранных языков России хочет довести до Вашего сведения свою озабоченность тем положением, которое в последнее время сложилось на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ. Буквально за считанные месяцы факультет, в течение долгих лет являвшийся общепризнанным лидером иноязычного образования в России и примером для подражания региональным вузам, превратился практически в ничего не представляющую из себя группу разрозненных преподавателей.

С факультета один за другим уходят высококвалифицированные специалисты. Каждый раз, общаясь по профессиональным делам с коллегами из МГУ, мы узнаем, что с факультета еще кто-то ушел. При этом самое неприятное в этой ситуации, что уходят наиболее авторитетные ученые, признанные лидеры, пользующиеся в нашем сообществе непререкаемым авторитетом. Так, только за последние месяцы с факультета ушли профессор Е.Н. Соловова – крупнейший российский специалист по методике преподавания иностранных языков и ФГОС, профессор М.В. Вербицкая – один из наиболее авторитетных специалистов в вопросах перевода и лексикографии, крупный тестолог, председатель Федеральной предметной комиссии ЕГЭ по иностранным языкам, профессор М.Б. Бергельсон – известный специалист по межкультурной коммуникации, шеф-редактор англоязычного сайта Президента России. Уходит и талантливая молодежь – встречаемся на конференциях и узнаем, что они уже в МГУ не работают.

За время, прошедшее с момента основания факультета, на его базе были созданы и успешно функционировали две общероссийские Ассоциации: Национальное Объединение преподавателей английского языка России и Национальное Общество прикладной лингвистики, в работе которых активно и с большой пользой для себя и своих вузов участвовали представители практически всех регионов России. Однако, и.о. декана проф. Г.Г. Молчанова не только не поощряет работу этих Ассоциаций, а, наоборот, всячески препятствует их работе, по-видимому, считая подобную деятельность ненужной для факультета.

В результате двадцатая юбилейная конференция Национального Объединения преподавателей английского языка России в апреле 2014 г. пройдет не как планировалось, на базе Московского университета, что было бы логичным, поскольку у истоков организации этой Ассоциации стоял именно факультет иностранных языков МГУ, а на базе Воронежского госуниверситета, что будет способствовать упрочению лидерских позиций Воронежского университета явно в ущерб позиций МГУ.

Негативное отношение и.о. декана проф. Г.Г. Молчановой ко всем видам деятельности факультета, направленным на профессиональное взаимодействие с коллегами из других вузов и регионов, сказывается и на работе функционирующего при факультете Научно-методического Совета по иностранным языкам Минобрнауки РФ, имеющего отделения во всех регионах страны. В результате резко сократилось число проводимых НМС конференций и семинаров, а проведение каких-либо мероприятий на базе МГУ вообще практически прекратилось.

Более того, мы с крайним удивлением узнали от своих коллег с факультета иностранных языков, что и.о. декана запретила научно-методические командировки в период с мая по октябрь, под предлогом того, что участники конференций будут иметь возможность «гулять». Мы традиционно стараемся организовывать конференции в каникулярный период, а также в период мая-июня, поскольку именно в это время участие преподавателей в работе конференций наносит наименьший ущерб учебному процессу вузов. В результате такого более чем странного распоряжения Г.Г. Молчановой некоторым нашим коллегам пришлось изменить время проведения уже запланированных и объявленных конференций для того, чтобы иметь возможность пригласить на них ученых из МГУ, что, как Вы понимаете, не могло способствовать повышению престижа МГУ в регионах.

Будучи председателем Союза ректоров России, Вы как никто понимаете необходимость активного профессионального сотрудничества между представителями вузовской общественности. Такое активное профессиональное сотрудничество преподавателей иностранных языков России существовало и неуклонно развивалось на протяжении всех лет

деканства проф. С.Г. Тер-Минасовой. Факультет в этот период, действительно, объединял без преувеличения всех преподавателей иностранных языков России, а сама Светлана Григорьевна до сих пор остается для сообщества преподавателей иностранных языков нашей страны непререкаемым авторитетом.

К сожалению, о нынешнем и.о. декана этого сказать нельзя. Галина Георгиевна никому в регионах практически неизвестна. У нее нет ни авторитетных монографий, ни учебников. Большинство из нас знакомы с работой факультета иностранных языков МГУ с момента его основания, при этом практически никто из нас за эти более чем 20 лет никогда не слышал ни одного выступления Г.Г. Молчановой. Пленарный же доклад, с которым она выступила на проведенной единственной за время ее руководства факультетом конференции «Учитель, учебник, ученик» в ноябре 2013 г. оставил у тех, кто его слушал, гнетущее впечатление: он не имел отношения к теме конференции.

Наше профессиональное сообщество по-прежнему хочет видеть в лице коллектива факультета иностранных языков МГУ своего лидера, что, как показал печальный опыт последних двух лет, оказалось невозможным при нынешнем руководстве факультета.

Не считая себя вправе никоим образом вмешиваться во внутренние дела Московского университета, мы, тем не менее, убедительно просим Вас обратить внимание на ситуацию, сложившуюся на факультете иностранных языков МГУ и принять меры к возвращению ему лидирующего статуса в профессиональном сообществе преподавателей иностранных языков России.

С глубоким уважением и надеждой,

М.А. Стернина

доктор филологических наук, профессор, зав. каф. английского языка естественно-научных ф-тов Воронежского университета, Президент Ассоциации преподавателей английского языка г. Воронежа, Вице-президент Национального объединения преподавателей английского языка России, Председатель Центрально-Черноземного регионального отделения НМС по иностранным языкам Минобрнауки РФ

С.В. Санникова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой иностранных языков Южно-Уральского государственного института искусств им. П.И. Чайковского, член Совета Национального объединения преподавателей английского языка России, президент Челябинской ассоциации преподавателей английского языка, координатор проекта

Евросоюза ТЕМПУС 4 «Формирование компетенций и практических навыков оценки языковых знаний преподавателей английского языка», Международного проекта ACCESS (изучение английского языка для социально незащищенных слоев)

И.Н. Розина

доктор педагогических наук, профессор кафедры Информационных технологий Института управления, бизнеса и права (Ростов-на-Дону), Президент Российской коммуникативной ассоциации, Вице-президент Донской ассоциации преподавателей английского языка

М.А. Кулинич

доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Самарской ассоциации преподавателей английского языка, член НМС по иностранным языкам Минобрнауки РФ

Г.Н. Ловцевич

доктор филологических наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, Председатель Дальневосточного отделения НМС при Министерстве образования и науки РФ, Президент Дальневосточной Ассоциации преподавателей английского языка FEELTA

Н.Н. Касаткина

кандидат педагогических наук, доцент, зав. каф. иностранных языков гуманитарных ф-тов Ярославского государственного университета, Председатель Ярославской ассоциации преподавателей английского языка NATE-Ярославль

О.А. Симонова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания английского языка и перевода ГБОУ ВПО "Сургутский государственный университет ХМАО-Югры", Заслуженный учитель Российской Федерации, Президент Сургутской Ассоциации учителей английского языка

Н.Б. Милявская

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, начальник отдела международных программ Управления международных связей БФУ им. И. Канта, вице-президент Калининградской ассоциации преподавателей английского языка

С.К. Гураль

доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, зав.кафедрой английской филологии, декан факультета иностранных языков Томского государственного университета, член НМС при Министерстве образования РФ, председатель координационного научно-методического совета по преподаванию иностранных языков в вузах Сибирского региона, Заслуженный Работник высшего образования

О.В. Салкова

кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой иностранных языков Новосибирского государственного технического университета, вице-президент Новосибирской Ассоциации преподавателей английского языка NOVELTA

6 марта 2014 г.

Результаты этих обращений таковы. В случае с кафедрой Л.Г. Кузьминой, на данный момент нам удалось отстоять ее. Обращение же к Садовничему, к сожалению, так и осталось без ответа, хотя я дважды отправляла его через электронную приемную МГУ. Надеюсь, что оно до него, все-таки, дошло и какие-то подвижки в этом вопросе будут.

Юбилейный для меня год по иронии судьбы мне тоже пришлось начать с борьбы за правое дело. Еще перед Новым годом мне из Департамента Образования Воронежской области сообщили, что в январе надо будет поехать в Москву на семинар председателей предметных комиссии ЕГЭ. Сразу после Новогодних каникул я позвонила в Отдел аттестации и мониторинга в системе образования, который занимается этими вопросами, чтобы выяснить детали поездки. Начальница отдела попросила меня перезвонить через пару дней, а когда я перезвонила, уже другая сотрудница мне сказала, что кандидатуры председателей предметных комиссий находятся на утверждении у руководства департамента, и по английскому языку там стоит другая кандидатура. На мой вопрос, почему же тогда со мной вели переговоры о поездке в Москву, она ничего вразумительного не ответила.

Вся эта ситуация возмутила меня до глубины души, тем более, что меня уже попросили выступить на этом семинаре в Москве с рассказом об опыте работы нашей комиссии. В результате родилось следующее письмо, которое я отправила в адрес руководителя Департамента, а копию – в адрес его заместителя:

*Руководителю Департамента
образования, науки и молодежной политики Воронежской области
О.Н. Мосолову*

Уважаемый Олег Николаевич!

Убедительно прошу Вас дать мне разъяснения, на каком основании моя кандидатура как председателя региональной предметной комиссии ЕГЭ по английскому языку после информирования меня Отделом аттестации и мониторинга в системе образования в конце 2013 года о необходимости участия в семинаре председателей предметных комиссий в Москве 21-22 января и принятия мною мер по переносу запланированных дел в университете для поездки в Москву, была заменена на другую кандидатуру.

Я в прямом смысле создала данную комиссию, возглавив ее в 2008 году – в первый год приема ЕГЭ по английскому языку в Воронежской области. Членами комиссии мною были проведены собеседования на английском языке, на безвозмездной основе были организованы и проведены 2 цикла 14-часовых семинаров по подготовке экзаменаторов, проводящих устную часть экзамена, а также экспертов, оценивающих задания в разделах «Говорение» и «Письмо». По результатам первого года работы в качестве председателя комиссии в издаваемом ФИПИ журнале «ОКО» мною была опубликована аналитическая статья, посвященная опыту проведения экзамена (ОКО - Оценка качества образования. Научно-методический журнал. - № 1, 2009 г. – с. 24 – 29).

По результатам работы нашей комиссии в 2011 году по выявлению плагиата в работах экзаменуемых, начиная с 2012 года, в Спецификацию контрольных измерительных материалов для проведения единого государственного экзамена по иностранным языкам были внесены существенные изменения, касающиеся оценивания письменного задания С2 с точки зрения его продуктивного (непродуктивного) характера, которые сформулированы следующим образом: «При оценивании задания С2 особое внимание уделяется способности экзаменуемого продуцировать развернутое письменное высказывание. Если более 30% ответа имеет непродуктивный характер (т.е. текстуально совпадает с опубликованным источником), то выставляется 0 баллов по критерию «Решение коммуникативной задачи», и, соответственно, все задание оценивается в 0 баллов».

Весной 2012 г. мною была проведена чрезвычайно трудоемкая и ответственная работа по подготовке экзаменаторов-собеседников и экспертов по проверке устной и письменной части ГИА по английскому языку, в результате которой данный экзамен в Воронежской области прошел организованно и был оценен квалифицированно.

Осенью 2013 года в крайне сжатые сроки, буквально за три дня (в такие сжатые сроки мы были поставлены по вине сотрудников Департамента образования, не известивших нас заблаговременно), мною была организована работа по подготовке экспертов к проверке устной части ЕГЭ по английскому языку, а затем – апробация проверки заданий устной части. По результатам апробации мною была подготовлена

аналитическая записка, которую я довела до сведения Департамента образования и Федеральной предметной комиссии, которая высоко оценила ее содержание и выразила мне благодарность за ее подготовку.

Несмотря на то, что работа в качестве председателя предметной комиссии отнимает много сил, энергии и времени, и требует занятости, в том числе, и во время отпуска по моему основному месту работы, я не выражала желания на данном этапе покинуть пост председателя комиссии, справедливо полагая, что в условиях надвигающегося перехода экзамена по иностранному языку в ранг обязательных экзаменов за курс средней школы и введения устной части ЕГЭ необходимо подготовить к работе в комиссии как можно больше квалифицированных экспертов, что мне как опытному председателю, имеющему опыт проведения и проверки устной части, сделать будет легче, чем кому-либо другому. Именно с этой целью мною в прошлом году было обучено и введено в состав комиссии более 10 новых членов. Подобная работа была запланирована мною и на наступивший год.

К моей организационной работе на посту председателя комиссии никогда никаких претензий не было. В комиссии царит профессиональная доброжелательная атмосфера, исключены факты предвзятого отношения к проверке работ экзаменуемых.

К моей профессиональной и методической подготовке претензий также быть не может – я являюсь доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой Воронежского университета. В течение многих лет являюсь Президентом Ассоциации преподавателей английского языка г. Воронежа – старейшей и одной из наиболее активно работающих ассоциаций подобного рода в России, а также Вице-президентом Национального Объединения преподавателей английского языка России. Являюсь членом Президиума научно-методического совета по иностранным языкам Минобрнауки РФ и Председателем его Центрально-Черноземного Регионального отделения. Работаю в качестве эксперта по иностранным языкам Российского совета олимпиад школьников.

В течение последних лет я являюсь членом научно-методического совета ФИПИ по иностранным языкам, т.е. являюсь одним из тех немногих людей в России, кто принимает окончательное решение по содержанию единого государственного экзамена.

В этой ситуации мне совершенно непонятно, на каком основании в 2014 году я буду отстранена от работы, в которой как профессионал, являюсь исключительно полезной. Единственное, что приходит на ум о причинах данного решения – это то, что я являюсь не слишком «удобным» председателем, проявляю принципиальность и не стремлюсь замалчивать факты нарушений на ППЭ, выявляемые нами в ходе проверки экзаменационных работ. Очень надеюсь, что Вы как руководитель

Департамента образования, науки и молодежной политики, равно как и вся администрация области, и лично Губернатор Алексей Васильевич Гордеев заинтересованы не в сокрытии подобных фактов, а в том, чтобы государственные экзамены на территории Воронежской области, от результатов которых зависит судьба сотен молодых людей, проходили честно, а экзаменационные работы проверялись объективно.

Я совершенно не собираюсь быть «вечным» председателем ЕГЭ, но уверена, что на данном этапе никто лучше меня в области не сможет организовать работу комиссии и подготовить ее к решению надвигающихся сложных задач в условиях введения устной части и придания экзамену по иностранному языку статуса обязательного.

В любом случае считаю себя вправе настаивать на объяснении мне причин исключения меня из числа председателей предметных комиссий ЕГЭ и рассчитывать на объявление мне благодарности за ту серьезную работу, которой на благо Воронежской области я занималась в течение шести лет.

С уважением,
М.А. Стернина

14.01.14

Буквально на следующий день со мной связался заместитель О.Н. Мосолова С.А. Чуев и сообщил, что вопрос урегулирован, и я остаюсь председателем комиссии. Меня отправили в Москву на семинар, где я выступила и даже получила благодарность ФИПИ за выступление. А позже я получила ответ на свое обращение от О.Н. Мосолова:

**ДЕПАРТАМЕНТ
ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ
И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

пл. им. Ленина, д. 12, г. Воронеж, 394006
тел. (4732) 55 19 54, 39 06 58 (Ф)
ОГРН 1093668028464, ИНН/КПП 3666159487/366601001
31.01.2014 № 80-11/550

М.А. Стерниной

sternina@vmail.ru

На № 80-01-05/18 от 14.01.2014

О рассмотрении обращения

Уважаемая Марина Абрамовна!

Департамент образования, науки и молодежной политики Воронежской области (далее – департамент) рассмотрел Ваше обращение и сообщает следующее.

Ваша кандидатура была рассмотрена в качестве председателя предметной комиссии государственной экзаменационной комиссии Воронежской области по английскому языку в 2014 году и включена в список участников очного семинара по согласованию подходов к оцениванию работ ЕГЭ, предназначенных для экспертов, претендующих на позиции руководителей региональных предметных комиссий.

Кандидатуры экспертов, претендующих на позиции руководителей региональных предметных комиссий, направлены для согласования в Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки.

Руководитель департамента

О.Н. Мосолов

Отмечу, что я своим обращением, видимо, так напугала руководство департамента образования, что оно не только оставило меня председателем комиссии ЕГЭ, но и выполнило еще две мои просьбы, с которыми я обратилась как раз перед этим – выделило средства на премирование победителей очередной олимпиады по иностранным языкам среди студентов неязыковых вузов, которую мы ежегодно проводим в рамках работы Центрально-Черноземного отделения НМС по иностранным языкам, а также направило извещение в сельские школы и ПТУ области о готовящемся проведении на базе ВГУ 20-й юбилейной конференции Национального Объединения преподавателей английского языка России.

Завершая рассказ о своем опыте борьбы за очевидное, признаюсь, что считаю данный раздел главным в этой книжке. Я искренне считаю, что мой опыт борьбы за правое дело может быть полезен другим, поэтому так подробно и пишу об этом. Да и задумала я эту книжку, прежде всего, для того, чтобы иметь возможность поделиться своим опытом отстаивания интересов дела.

В своих воспоминаниях «Записки динозавра», которые только что опубликовал журнал «Юность», Светлана Григорьевна Тер-Минасова так сформулировала принцип успешности педагога: надо любить своих учеников и свой предмет. Полностью соглашаясь с этим тезисом, хочу сформулировать еще один принцип – принцип успешности руководителя. На мой взгляд, он заключается в следующем: надо любить своих подчиненных и не бояться начальства.

Вместо заключения

Эта небольшая написанная мною книжка – подарок, который я сделала самой себе к юбилею. Мне было интересно ее писать, интересно вспоминать многие моменты моей жизни. Надеюсь, что она будет интересна не только мне.

Как учил В.И. Ленин, юбилей – время подведения итогов и время намечать планы на будущее. Именно это я и попыталась сделать. Но это только промежуточные итоги: жизнь продолжается, так что продолжение следует.

Содержание

Вместо предисловия	с.3
Семья	с.4
Учеба	с.15
Павловск	с.19
Руководство кафедрой	с.28
Научная работа	с.33
Общественная работа	с.38
Персоналии	с.45
Друзья и ученики. Дети и внуки.	с.49
Борьба за очевидное	с.51
Вместо заключения	с.120
Содержание	с.124

